

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

- Минаева А.И.* Индивидуальные субъекты права в условиях развития цифровых технологий: проблемы теории и практики 3
- Огрин Г.В.* Правовое регулирование административной ответственности государственных служащих..... 8
- Провоторов Р.А.* Фальсификация итогов голосования: содержание и методы предотвращения 12
- Цветикова Т.В.* Аксиологическое значение категории «правовая культура» в современном обществе 16

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Кулаков А.О.* Переложение налогового бремени на отечественного налогоплательщика в международных договорных отношениях (институт tax gross up)..... 22
- Толмачева И.А.* Понятие и правовая природа субсидиарной ответственности в рамках процедур банкротства по законодательству Российской Федерации..... 26
- Худяков П.А.* Совершенствование административного механизма регулирования налогообложения IT-отрасли: обоснование внедрения цифрового налога 31
- Шегуров С.С.* Стратегические типы обеспечения ликвидации неравенства доходов в государственной политике 39

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Дубровин В.В., Дубровина Е.Г.* Истечение сроков давности уголовного преследования как основание прекращения уголовного дела 45
- Дьяков И.А., Марков А.Д.* Феномен становления личности преступника: на примере серийного убийства 48
- Имамова Э.М.* Состояние, структура и динамика краж из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода 51
- Калинина А.Л.* К вопросу о признании взяткодателя потерпевшим в делах о преступлениях коррупционной направленности..... 55

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Галикеев Ф.Н.* Правовое положение наследственных трастов в США..... 58
- Канатов Т.К.* База данных, интернет-сайт, доменное имя, искусственный интеллект, технологии блокчейн как объекты исключительных прав в странах ЕАЭС 61
- Кузнецов Л.Д.* Правовая модель налогообложения доходов в США..... 67
- Курашвили А.Ю.* Права третьих государств и международные договоры 72

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОТВОРЧЕСТВА

- Завьялова С.В., Кормочи Е.А.* Развитие туризма в Камчатском крае: состояние и перспективы правового регулирования..... 77
- Мкртчян С.М.* Анализ правоприменительной практики по уголовным делам о преступлениях с применением технологий блокчейна 82
- Рогачевский А.Л.* О малоизученных гражданско-правовых аспектах коммунальной гигиены 88

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jur-science@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **РузакOVA Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 30.08.2021
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

TABLE OF CONTENTS

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

<i>Minaeva A.I.</i> Individual subjects of law in the context of the development of digital technologies: problems of theory and practice	3
<i>Ogrina G.V.</i> Legal regulation of administrative responsibility of civil servants	8
<i>Provotorov R.A.</i> Falsification of voting results: content and methods of prevention	12
<i>Tsvetikova T.V.</i> Axiological significance of the category "Legal culture" in modern society	16

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

<i>Kulakov A.O.</i> Shifting the tax burden on the domestic taxpayer in international contractual relations (tax gross up institute)	22
<i>Tolmacheva I.A.</i> The concept and legal nature of subsidiary liability in the framework of bankruptcy procedures under the legislation of the Russian Federation	26
<i>Khudiakov P.A.</i> Improving the administrative mechanism for regulating taxation of the IT industry: justification for the introduction of a digital tax	31
<i>Shegurov S.S.</i> Strategic types of ensuring the elimination of income inequality in public policy	39

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

<i>Dubrovin V.V., Dubrovina E.G.</i> The expiration of the statute of limitations for criminal prosecution as the basis for the termination of a criminal case	45
<i>Diyakov I.A., Markov A.D.</i> The phenomenon of the formation of the personality of a criminal: the example of serial murder	48
<i>Imamova E.M.</i> The state, structure and dynamics of thefts from the oil pipeline, oil product pipeline and gas pipeline	51
<i>Kalinina A.L.</i> On the question of recognizing a bribe-taker as a victim in cases of corruption-related crimes	55

OVERSEAS EXPERIENCE

<i>Galikeyev F.N.</i> Legal status of inheritance trusts in the United States	58
<i>Kanatov T.K.</i> Database, website, domain name, artificial intelligence, blockchain technologies as objects of exclusive rights in the EEU countries	61
<i>Kuznetsov L.D.</i> The legal model of taxation of income in the United States	67
<i>Kurashvili A. Yu.</i> Rights of Third States and Treaties	72

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAWMAKING

<i>Zavyalova S.V., Kormochi E.A.</i> Tourism development in the Kamchatka territory: the state and prospects of legal regulation	77
<i>Mkrtchian S.M.</i> Analysis of law enforcement practice in criminal cases of crimes using blockchain technologies functioning	82
<i>Rogachevsky A.L.</i> On the Underinvestigated Civil Law Aspects of the Community Hygiene	88

Индивидуальные субъекты права в условиях развития цифровых технологий: проблемы теории и практики

Минаева Анастасия Игоревна,

аспирант кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: law.minaeva@gmail.com

Предмет рассмотрения настоящей статьи – влияние процесса цифровизации на сложившиеся в правовой науке взгляды на такую правовую категорию, как индивидуальные субъекты права. Автор исследует классические подходы к понятию индивидуальных субъектов права, позиции ученых относительно постановки вопроса о принципиально новых цифровых субъектах, предлагаемые в современной правовой науке, а также рассматривает категории цифрового аватара, искусственного интеллекта. Автор посредством исследования признаков человека, как индивидуального субъекта права, подвергает сомнению наличие у «цифровых сущностей» собственной воли, способности к самостоятельной сознательной творческой деятельности, в связи с чем обосновывает невозможность признания искусственного интеллекта, цифровых аватаров, аккаунтов в социальных сетях, совокупности цифровых данных о человеке в сети «Интернет» самостоятельными индивидуальными субъектами права.

Ключевые слова: индивидуальные субъекты права, цифровая личность, виртуальная личность, искусственный интеллект, электронное лицо.

В настоящее время в научной литературе распространение получил термин «Четвертая промышленная революция» или «Индустрия 4.0», который связан с активной автоматизацией и роботизацией производства, использованием технологий «Big Data» (массивов данных большого объема, обрабатываемых при помощи автоматизированных инструментов), «Интернета вещей» (глобальной вычислительной сети, объединяющей в себе различного рода физические объекты, способные взаимодействовать между собой и внешним миром), виртуальной и дополненной реальности, квантовых вычислений, блокчейн технологий и так далее. Четвертая промышленная революция уже создала принципиально иной, новый мир, трансформации подверглись все сферы жизни общества, в том числе, появились новые подходы как в праве, так и в правовой науке.

Можно констатировать и определенную трансформацию сложившихся научных подходов к системе субъектов права. Сами цифровые отношения, с их специфическими чертами, предопределяют появление в правовой науке дискуссий о новом специфическом субъектном составе.

Субъекты права – это индивиды или организации, которые на основании норм права выступают участниками правоотношений, обладающими субъективными правами и обязанностями.

В правовой науке существует дискуссия по поводу выделения различных видов субъектов права. Так, выделяют индивидуальных и коллективных субъектов права, относя к категории индивидуальных субъектов права физических лиц (то есть граждан государства, иностранцев и лиц без гражданства). Но, поскольку изменениям подвергаются фактические правоотношения различных субъектов права в условиях цифровизации, в правовой науке встает вопрос и о принципиально новых индивидуальных субъектах права, рожденных цифровой средой.

Так, в качестве новые индивидуальных субъектов права ученые уже называют «виртуальные личности» или «цифровые личности». Такую личность, по сути, образуют цифровые данные о реальном человеке, его виртуальном или «цифровом» образе (nickname, сетевом имени) и IP-адресе, к которому привязан компьютер, с которого совершены какие-либо действия в виртуальном

пространстве [1, с. 94]. В философской науке уже достаточно много научных трудов посвящены анализу феномена виртуальной личности.

Так, некоторыми учеными предлагается считать виртуальную личность самостоятельным действующим субъектом, обладающим определенным социальным статусом и социальными ролями, личностной и социальной идентичностью, однако одновременно подчеркивается, что виртуальная личность идентифицирует себя с личностью пользователя и с его социальной идентичностью. Соответственно, можно говорить об опосредованной (через звено личности пользователя) социальной и личностной идентификации [2, с. 245]. Таким образом, с одной стороны ученые выводят цифровую личность в своеобразное самостоятельное пространство, с другой стороны, уточняют, что, тем не менее, она действует через личность реальную. Понятие «виртуальный» определяется в толковом словаре понимается, как «несуществующий, но возможный» [3], следовательно, виртуальные личности признаются несуществующими, а, значит, можно поставить под сомнение указанный термин и попробовать рассмотреть, скорее, термин «цифровая личность».

В правовой науке, в частности, личность понимают, как любого человека, обладающего социальными свойствами, проявляющимися в конкретной деятельности [4, с. 16]. Также под личностью понимают сущность единичная, сосредоточенная в себе и отдельная от других, как самостоятельный центр силы и деятельности. Это сущность духовная, одаренная разумом и волей [5, с. 52]. В рамках философской терминологии личность воспринимается как субъект творчества во всех его формах, рефлексии принятия решений, деятельности, воспроизводящей культуру, всю систему человеческих отношений, саму человеческую деятельность, самое себя, свой собственный престиж и т.д. [6].

При этом термин «цифровой» дословно трактуется, как «обозначенный цифрами, выраженный в цифрах». Представляется, что постановка вопроса о признании цифровой личности в качестве самостоятельного субъекта права, является преждевременной, речь, скорее, идет о выражении мыслей, образа (в том числе фотографического), результатов деятельности реально существующей личности в цифровой форме, то есть цифровая личность является лишь цифровым образом (специфической формой) личности реальной. При этом очевидно, что образ не может принимать самостоятельные решения, не может быть субъектом воли, не может быть творцом.

Так, в виртуальном пространстве физические лица предстают в качестве цифрового образа (аватара, виртуальной личности). В некоторых правовых отношениях (особенно, связанных с интернет-торговлей) субъект права выступает обезличенно, возникает вопрос, можно ли разорвать такой цифровой образ и саму личность в праве? Можно ли выделить самостоятельный

субъект права «аватар»? На эти вопросы предстоит отвечать современной правовой науке, в частности, общей теории государства и права, а также отраслевым наукам. Так, например, уже сейчас в правовой науке предлагается «смириться с тем, что субъект права в Интернете может вообще не идентифицироваться: технические средства идентификации могут позволить создать юридическую фикцию или презумпцию определенного лица, но не могут позволить окончательно идентифицировать субъекта правоотношений» [7, с. 8].

Сам термин «аватар» означает графическое представление, персонафицированное посредством компьютерных технологий, представляющий собой статическое изображение или движущийся персонаж, используемые для обозначения индивида на экране компьютера для того, чтобы индивидуализировать присутствие личности в сетевом пространстве [8, с. 261].

Если вернуться к значениям слов, с использованием которых осуществляются попытки конструировать новых индивидуальных субъектов права, представляется возможным сделать вывод, что и «цифровая личность» и «цифровой аватар» не могут обладать правосубъектностью, не могут сами от своего имени выступать участниками тех или иных правоотношений, поскольку иначе будет происходить опасная ситуация: субъектом права станет не человек, а его фотография, набор его оцифрованных персональных данных, его выражение через образ в цифровом пространстве.

Таким образом, необходимо констатировать, что «цифровая личность», «аватар» не могут являться самостоятельными субъектами права, они, скорее выступают в качестве объектов правоотношений по созданию, использованию и уничтожению собственного цифрового образа в сети «Интернет».

В современной правовой науке предметом дискуссии является также вопрос о правовом статусе роботов. Так, некоторыми учеными предлагается воспринимать их как самостоятельных субъектов права.

Безусловно, значение и влияние роботов в современном мире невозможно игнорировать. Уже создан гуманоидный робот Honda, который может самостоятельно маневрировать, воспринимать просьбы человека и реагировать соответствующим образом или робот Boston Dynamics, который был разработан с целью заменить людей в поисково-спасательных операциях и для отправки в опасные зоны, в которых люди не смогут выжить, поскольку его строение позволяет ему выполнять разнообразные функции, в том числе использовать специализированные инструменты. В настоящее время ученые предполагают, что роботы будут работать во всех сферах жизни общества: будут выполнять медицинские операции, заменят педагогов, будут помощниками по хозяйству. Современная робототехника развивается настолько стремительно, что это не могло не найти отклик в правовой науке.

Создание гуманоидного робота, то есть такого робота, который отчасти напоминает человека, происходит по образу человека, поэтому некоторыми учеными выдвигается предположение о необходимости и наделяния таких роботов совокупностью прав и обязанностей по аналогии с человеком.

В настоящее время появляются даже специальные инструкции по тому, как «нанять на работу» и использовать «цифровых работников», которые, по существу, являясь роботами, могут имитировать действия работника-человека по определенной запрограммированной процедуре. Робот использует существующие приложения так же, как делал бы это человек, и обучается новым задачам, как новый сотрудник. Иными словами, формулируются всё новые и новые сферы деятельности, в которых робот может быть самостоятельным действующим субъектом, в связи с чем, и встает вопрос о правосубъектности робота.

Для того, чтобы определить правосубъектность робота предлагается введение конструкции «электронного лица», определение его как носителя искусственного интеллекта, обладающего разумом, аналогичным человеческому, способностью принимать осознанные и не основанные на заложенном создателем такой машины (робота) алгоритме решения, и в силу этого наделённый определёнными правами и обязанностями (например, правом на целостность и неприкосновенность и обязанностью нести ответственность за совершённые ими деяния) [9, с. 359].

В Российской Федерации в настоящее время в законодательство не внесены положения, регулирующие правовой статус роботов. Однако Правительство Российской Федерации утвердило концепцию развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., в которой сформулированы некоторые важные подходы, в частности, необходимость предусматривать в нормах права подконтрольность технологий искусственного интеллекта и робототехники человеку, а также приоритет благополучия и безопасности человека, защиты его основополагающих прав и свобод.

В настоящее время вопрос правосубъектности роботов в науке разрабатывается крайне активно, ученые рассматривают различные концепции: приравнять роботов к животным (то есть признать робота вещью), приравнять роботов к физическим лицам с частичной дееспособностью, приравнять робота к такой правовой фикции, как «юридическое лицо», создать принципиально новый правовой режим для определения правового статуса робота (не соотносящийся ни со статусом физических лиц, ни со статусом юридических лиц).

Как отмечается учеными, наделяние искусственного интеллекта индивидуальной правосубъектностью, сопоставимой с правосубъектностью человека, необоснованно и нецелесообразно, так как искусственный интеллект лишен интенциональности, не способен ощущать на себе послед-

ствия своих действий (бездействия), не способен страдать (соответственно, под вопросом способность такого юнита реализовывать свои права, выполнять обязанности и нести за это ответственность) [10, с. 4].

Признание искусственного интеллекта в качестве самостоятельного субъекта права является явно преждевременным и недостаточно обоснованным.

Правовая наука, предлагая подходы к правовому регулированию новых категорий, явлений, должна исходить из четкого, доказанного технической наукой представления о сущности искусственного интеллекта, в первую очередь, как технологии. В настоящее время феномен искусственного интеллекта, границ его технологических возможностей еще не до конца изучен, однако ясно одно: данная технология является результатом творческой, интеллектуальной деятельности именно человека, а, значит, не должна ставиться на один уровень с человеком.

В российской дореволюционной научной мысли предлагалось немало трактовок сущности субъекта права, в частности, Г.Ф. Шершеневич полагал, что «субъект права есть искусственный продукт творчества объективного права. Человек становится субъектом права не в силу своего человеческого происхождения или нравственного достоинства, а в силу веления объективного права» [11, с. 574]. Если подходить с таких позиций, то субъект права – это то, что признано правом в качестве такового.

Также интересной представляется также концепция Л.И. Петражицкого, который относил к субъектам права не только людей, но и «животных, растения, камни, колесницы, небо, звезды, ветры, землю, горы, зародыши, человеческие общества, божества, святых, духов, леших, дьявола, детские куклы и т.д.» [12, с. 408].

Несмотря на наличие определенной дискуссии между учеными-правоведами всё же в науке сложилось представление об индивидуальном субъекте права, как о физическом лице, то есть отдельном человеке [13, с. 91].

Уже традиционно в философской, социологической науке человек рассматривается в качестве биопсихосоциального существа, для которого, соответственно, характерно наличие физического тела, определенное анатомическое строение (в том числе наличие высокоразвитого головного мозга), разумность (то есть способность к мышлению), способность к членораздельной речи и общению с помощью нее, наличие сознания, способность к трудовой и творческой деятельности.

Сознание человека, в частности, как высшая форма психической активности, позволяет ему отражать объективную действительность и самого себя, своего места в обществе, своих интересов и переживаний, своего поведения, а, следовательно, и руководить своими действиями или бездействиями, а также отвечать за их последствия.

Также у человека есть свойство интенциональности, которая в философии и психологии понимается, как способность определенным образом относиться к вещам, свойствам и ситуациям, реагировать на них, выражать их. Всё это в совокупности позволяет человеку принимать различные, в том числе правовые решения, нести юридическую ответственность, осознавать свои правовые интересы, осуществлять самостоятельно субъективные права и юридические обязанности.

В связи с этим юридические отношения между индивидуальными субъектами права представляют собой исключительно отношения между людьми, поскольку только они правоспособны [14, с. 147].

В основе человеческой жизни лежит деятельностьная составляющая, так как деятельность, представляя особый способ осознанного отношения человека к внешнему миру, связанного с преобразованием мира и подчинении его своим целям. Именно признак деятельности способен отграничить правовых субъектов от неправовых, от тех, кто признан в праве «ценностью» и наделен правами: «Не физический человек и не субъект научной психологии, но человек, как единственный известный нам носитель актов признания; иными словами, сознательный и разумный человек или, на языке юристов, человек граждански зрелый, обладающий здравым умом и твердой памятью» [15, с. 54].

При изучении индивидуальных субъектов права необходимо обращаться к трудам, рассматривающим такие их признаки как наличие воли. В этом контексте интересна позиция Б.Н. Чичерина, который полагал, что «свободная воля составляет основное определение человека как разумного существа и «именно вследствие этого он признается лицом и ему присваиваются права» [16, с. 46]. Изучение волевого аспекта необходимо при анализе современных взглядов ученых относительно возможности признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом права. В идее воли человека заключается его деятельная природа, служащая основанием для проявления человека в качестве субъекта права.

Безусловно, в настоящее время правовая наука стремится адаптироваться к изменяющимся условиям, поменять сложившиеся классические подходы, в том числе к определению круга индивидуальных субъектов права. Однако представляется необходимым отметить, что человек, будучи индивидуальным субъектом права, обладает совокупностью неотъемлемых признаков, позволяющих отграничить его от робота, аватара, своей цифровой копии. К таким принципиально значимым признакам можно отнести наличие физического тела, способность к целенаправленной, волевой, творческой деятельности, наличие сознания, наличие биологических, социальных и духовных потребностей. Следовательно, для того чтобы не допустить потери человека в праве, необходимо рассматривать роботов, аватаров, цифровых копий челове-

ка, его аккаунтов в качестве объектов права, выступающих, по сути, инструментами для осуществления человеческой деятельности.

Представляется, что в настоящее время, несмотря на необходимость правового регулирования общественных отношений, возникающих в цифровой среде, нужно руководствоваться всё же пониманием того, что индивидуальным субъектом права даже в условиях цифровизации остается человек, а аватары, аккаунты в социальных сетях, всевозможные наборы цифровых данных о человеке являются лишь формой отражения человека в цифровом пространстве. Правовая действительность основана на интересах, целях, разуме, действиях именно человека, как индивидуального субъекта права.

Литература

1. Хабриева Т. Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности. // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
2. Решенин С.А. Виртуальная личность как актор и элемент социальной структуры виртуальных сетевых сообществ. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № (2–1). – С. 243–248
3. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://endic.ru/ozhegov/Virtualnyj-3396.html>, свободный – (15.03.2021).
4. Бережнов А.Г. Права личности: некоторые вопросы теории. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 142 с.
5. Философия права / [Соч.] Б. Чичерина. – Москва: типо-лит. И.Н. Кушнерев и К., 1900. – [4], 337 с.
6. Словарь философских терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/philosophy_dict/%D0%9B%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C, свободный – (15.03.2021).
7. Талапина Э.Л. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журн. рос. права. – 2018. – № 2. – С. 5–17.
8. Быльева Д.С. Аватар как индивидуальный выбор средства самоидентификации // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 1. – С. 261–268
9. Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 3. С. 357–360
10. Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2018. – № 2. – С. 61–73
11. Общая теория права / Шершеневич Г.Ф. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 698 с.
12. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Серия «Мир культуры, истории и философии». – СПб.: Издательство «Лань», 2000. – 608 с.

13. Кечежян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / Акад. наук СССР, Ин-т права им. А.Я. Вышинского. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 187 с.
14. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 352 с. – (Антология мысли). – Текст: непосредственный.
15. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб.: Лань, 1999. – 251 с.
16. Философия права: [Сборник] / Б.Н. Чичерин; [Вступ. ст. И.Д. Осипова, с. 3–18]. – СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1998. – 654.

INDIVIDUAL SUBJECTS OF LAW IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Minaeva A.I.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The subject of this article is the impact of the digitalization process on the views that have developed in legal science on such a legal category as individual subjects of law. The author explores the classical approaches to the concept of individual subjects of law, the position of scientists regarding the posing of the question of fundamentally new digital subjects, proposed in modern legal science, and also considers the categories of a digital avatar, artificial intelligence. The author, through the study of the characteristics of a person as an individual subject of law, casts doubt on the existence of “digital entities” of their own will, the ability for independent conscious creative activity, and therefore substantiates the impossibility of recognizing artificial intelligence, digital avatars, accounts in social networks, the totality of digital data about a person on the Internet as independent individual subjects of law.

Keywords: individual subjects of law, digital personality, virtual personality, artificial intelligence, electronic person.

References

1. Khabrieva T.Y., Chernogor N.N. Law in digital reality. // Journal of Russian Law. 2018.No. 1. P. 85–102.
2. Reshenin S.A. Virtual personality as an actor and element of the social structure of virtual network communities. // Bulletin of the Kemerovo State University. – 2013. – No. (2–1). – P. 243–248
3. Ozhegov's Explanatory Dictionary [Electronic resource]. – Access mode: <http://endic.ru/ozhegov/Virtualnyj-3396.html>, free – (03/15/2021).
4. Berezhnov A.G. Rights of the individual: some questions of theory. – Moscow: Publishing house of Moscow State University, 1991. – 142 p.
5. Philosophy of law / [Works] B. Chicherin. – Moscow: Tipo-lit. I.N. Kushnerev and K., 1900. – [4], 337 p.
6. Dictionary of philosophical terms [Electronic resource]. – Access mode: https://gufo.me/dict/philosophy_dict/%D0%9B%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C, free – (03/15/2021).
7. Talapina E.L. Law and digitalization: new challenges and prospects // Zhurn. grew up. rights. – 2018. – No. 2. – P. 5–17.
8. Bylyeva D.S. Avatar as an individual choice of a means of self-identification // Scientific and technical statements of the St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences. 2014. No. 1. – P. 261–268
9. Uzhov F.V. Artificial intelligence as a subject of law // Gaps in Russian legislation. – 2017. – No. 3. P. 357–360
10. Morhat P.M. Artificial Intelligence Unit as an Electronic Person // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. – 2018. – No. 2. – P. 61–73
11. General theory of law / Shershenevich G.F. – M.: Publishing house. Br. Bashmakovs, 1911. – 698 p.
12. Petrazhitskiy L.I. The theory of law and state in connection with the theory of morality. Series “World of Culture, History and Philosophy”. – SPb.: Publishing house “Lan”, 2000. – 608 p.
13. Kechejian S.F. Legal relations in a socialist society / Acad. Sciences of the USSR, Institute of Law. A. Ya. Vyshinsky. – Moscow: Publishing house Acad. Sciences of the USSR, 1958. – 187 p.
14. Lectures on the general theory of law / N.M. Korkunov. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. – 352 p. – (Anthology of thought). – Text: direct.
15. Fundamentals of philosophy of law / N.N. Alekseev. – SPb.: Lan, 1999. – 251 p.
16. Philosophy of law: [Collection] / B.N. Chicherin; [Intro. Art. I.D. Osipova, p. 3–18]. – SPb.: Science: St. Petersburg. ed. firm, 1998. – 654 p.

Правовое регулирование административной ответственности государственных служащих

Огрин Галина Вячеславовна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: ogrina.galina@mail.ru

Административное законодательство регулирует достаточной обширный круг административных правоотношений, которые складываются в различных сферах общественной и политической жизни. Но, несмотря на это, ежегодно совершается сотни тысяч административных правонарушений, которые влекут за собой административную ответственность. Для того, чтобы деятельность государственного служащего была максимально эффективной и приносила положительные результаты, важно иметь грамотную и рационально выстроенную систему поощрений и наказаний, которая, с одной стороны будет стимулировать сотрудника на еще более перспективный и лучший результат его работы, а, с другой стороны, будет ограждать его от неправомерных действий и ошибок в его деятельности. В настоящее время очень актуальным считается проблема привлечения к ответственности государственных служащих. Государственные служащие подлежат мерам административной ответственности в случае несоблюдения обязательных норм, как собственными деяниями, так и при деликтах, возникающих вследствие халатности при исполнении должностных обязательств.

Ключевые слова: административная ответственность, государственная служба, административный проступок, государственный служащий, административное правонарушение, дисциплинарный проступок.

В настоящее время очень актуальным считается проблема привлечения к ответственности государственных служащих. Государственные служащие подлежат мерам административной ответственности в случае несоблюдения обязательных норм, как собственными деяниями, так и при деликтах, возникающих вследствие халатности при исполнении должностных обязательств. Такая халатность может заключаться в отдаче подчиненным приказов, противоречащих нормам, которые распространяют свое действие на всех субъектов, и в бездействии, недопустимом при обеспечении данных норм подчиненными государственными служащими, когда контроль за реализацией таких норм относится к компетенции подлежащего мерам ответственности государственного служащего.

В административном праве существуют абстрактно теоретические методы восприятия условий административной ответственности. Самой аргументированной признается точка зрения ученых, определяющих правовые, реальные и формальные условия административной ответственности. Особенность государственной службы не создает необходимости обнаружения дополнительных условий привлечения к данной ответственности. Определение административного состава в деяниях государственных служащих, других виновных лиц по таким условиям дает возможность оптимально устранять подобные вопросы и обширно задействовать имеющийся на данный момент теоретико-прагматичный массив знаний.

В литературе административного права существенными признаками административного деликта считаются: незаконность, умысел и ответственность. Данные признаки крепко укоренились в настоящем законодательстве, а также они подробно описывают незаконные действия, осуществленные в областях и административной, и другой общественной службы, скажем местной.

На сегодняшний день ученые предлагают рассмотреть иные специфические черты административной ответственности в области государственной службы. В.А. Козбаненко, исследовал реальное условие административной ответственности должностных лиц, выдвигал гипотезу о том, что осуществленное таковыми незаконное действие способно параллельно быть квалифицировано и в качестве административного, а также и дисциплинарного деликта [5, с. 132]. В.А. Козбаненко заявлял, что кроме административного и дисциплинарно-административного деликта условием административной ответственности способно выступить в определенных прецедентах

и преступное деяние (бездействие или действие). Данное заявление считается дискуссионным [5, с. 133]. Легализация действия (бездействия), извлеченного от признака причинения социального вреда, конкретно по такому параметру будет условием для изъятия такового из группы преступных деяний в группу административных деликтов. Прецедент, с самого начала оцененный, как преступное деяние, ввиду весьма убедительных аргументов квалифицируется уже в качестве административного деликта – действие (бездействие), причиняющее вред социуму либо гражданину и, соответственно, достойное снижения мер ответственности. Но конкретно действие (бездействие) включает также и иные обязательные черты деликта (незаконность, умысел и ответственность) и требует внимания административных органов.

В административном праве до сих пор не сформировалось унифицированного вида того, какие конкретно разновидности административных деликтов надо использовать в структуре государственной службы. По мнению Ю.Н. Старилова, в отношении должностных лиц используются две разновидности административной ответственности: превенция и административное взыскание имущества [7, с. 76]. Ученые противоположной точки зрения считают, что в отношении должностных лиц, помимо зафиксированных мер ответственности, используется и лишение прав.

Отрицательные стороны юридического регламентирования установления административной ответственности в области государственной службы, заниженная оптимальность таковой требуют преобразований в устоявшейся регулярно используемой практике в направлении регулярного использования высших нормативно-правовых актов и применения мер ответственности, предельно допустимых в рамках санкции юридической нормы, и обнаруживать иные способы устранения злоупотребления правомочиями должностных лиц, пренебрежением законными интересами людей и большинством иных отрицательных феноменов в области профессиональной государственной деятельности.

Меры административной ответственности должностных лиц заключаются в применении к таковым административным структурам, государственными служащими и субъектами, представляющими исполнительную ветвь власти, административного взыскания за неисполнение обязанностей, предписанных законодательными актами. Государственных служащих подвергают мерам административной ответственности за административные деликты, вытекающие из неисполнения закрепленных за ними обязанностей, несоблюдение требований законодательства, контроль за которым включен в административный регламент таковых в области охраны администрирования, государственного и социального устройства, природных заповедников, жизни людей и прочих норм.

Административным деликтом считается посягательство на административный либо социаль-

ный порядок, имущество, права и свободы субъектов, на закрепленный порядок управления, неправомерное, намеренное деяние, за которое нормативно-правовыми актами предусмотрены меры административной ответственности. Зачастую нарушение требований по службе параллельно засчитывается и как административный, и как дисциплинарный проступок, то есть признаки и части состава повторяются, как в случае с военными должностными лицами.

Разновидность и размер ущерба от административного деликта влияют на способ реализации и размер ответственности, но так или иначе умысел считается обязательным компонентом административного деликта государственного служащего. При отсутствии умысла отсутствует и административный деликт. Зачастую государственный служащий или знает об отрицательных последствиях собственных деяний, однако считает, что в силах ликвидировать их, или не знает о данных последствиях, в то время как он должен и мог знать об этом. Неосторожный умысел аналогично считается компонентом состава административного деликта. Это случай, когда государственный служащий не должен был и не мог знать об отрицательных последствиях собственных деяний, в таком случае в отношении него не применяются меры административной ответственности.

Если рассматривать нормативно-правовые акты об административных деликтах, то они составляют нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней – фундаментальные формы, закрепляющие административную ответственность людей и организаций, нарушивших административное законодательство. В случае надобности таковое исчерпывается интерпретирующими нормативно-правовыми документами. Допустим, для создания унифицированного и справедливого механизма реализации нормативно-правовых актов и для оптимизации действующей практики после того, как 1 июля 2002 г. приняли КоАП РФ, взялись за разработку обязательных актов толкования в рамках конкретизации. Административные структуры, имеющие государственно-юрисдикционные правомочия, приняли организационные акты (приказы): о государственных служащих, имеющих право на фиксацию записей совершенных административных деликтов, и производить административные аресты, определяющие формы процессуальных актов, закрепляющие последовательность реализации отдельных разновидностей административных санкций и использования средств обеспечения процессуального хода по разрешению административных споров.

Неэффективным является применение дисциплинарных санкций к проступкам, которые законодателем не отнесены к преступлениям. В нашей стране существует проблема коррупционных правонарушений, которые отнесены к дисциплинарным проступкам. А их нужно отнести к административным правонарушениям, чтобы государ-

ственные служащие не злоупотребляли этим, так как наказания за такие проступки неэффективны. По словам С.А. Денисова, «коррупционные проступки, не являющиеся преступлениями, должны быть возведены в ранг административных правонарушений, которые, например, могут предусматриваться Кодексом поведения государственных служащих» [3, с. 136].

«Чисто» коррупционными административными правонарушениями в КоАП РФ являются только два состава (внесены в КоАП РФ в рамках пакета антикоррупционных законов Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ) – ст. 19.28 КоАП РФ «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица», ст. 19.29 «Незаконное привлечение к трудовой деятельности государственного служащего (бывшего государственного служащего)». Количество административных правонарушений, квалифицируемых по ст. 19.29 КоАП РФ, было настолько велико, что Верховным Судом РФ 30 ноября 2016 г. был принят Обзор судебной практики по делам о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ст. 19.29 КоАП РФ, а 28 ноября 2017 г. принято постановление Пленума «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел о привлечении к административной ответственности по ст. 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Первыми попытками законодателя ввести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях составы коррупционных административных правонарушений можно назвать ст. 5.39 КоАП РФ (неправомерный отказ в предоставлении информации), а также внесение в КоАП РФ Федеральным законом от 11 июля 2011 г. № 199-ФЗ ст. 5.59 (нарушение порядка рассмотрения обращений граждан). Федеральным законом от 3 декабря 2011 г. № 383-ФЗ КоАП РФ был дополнен ст. 5.63 (нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг).

Статья 5.59 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за нарушение установленного законодательством РФ порядка рассмотрения обращений граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц, должностными лицами государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и иных организаций, на которые возложено осуществление публично значимых функций [1]. Данный порядок урегулирован Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Поскольку диспозиция ст. 5.59 КоАП РФ имеет бланкетный характер, административная ответственность наступает за разнообразные нарушения Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», в большинстве случаев это нарушения сроков рассмотрения обращений граждан.

Привлечение к административной ответственности государственных служащих не получило распространения в правоприменительной практике государственных органов, несмотря на последовательную позицию законодателя по внесению соответствующих составов административных правонарушений в Особенную часть КоАП РФ. За совершение административных правонарушений государственные служащие привлекаются к административной ответственности как должностные лица. В соответствии с изменениями и дополнениями, внесенными в КоАП РФ Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 160-ФЗ, на лиц, занимающих должности государственной гражданской службы распространено действие такого административного наказания, как дисквалификация. Как специальный субъект административного правонарушения государственный служащий представлен только в одном составе КоАП РФ – ст. 5.45 «Использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании, кампании референдума». Безусловно, следует расширить перечень таких составов административных правонарушений, переведя соответствующие латентные противоправные деяния из разряда дисциплинарных проступков в административные правонарушения.

В ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за незаконные передачу, предложение или обещание от имени или в интересах юридического лица должностному лицу, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации денег, ценных бумаг, иного имущества, оказание ему услуг имущественного характера, предоставление имущественных прав за совершение в интересах данного юридического лица должностным лицом, лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации действия (бездействия), связанного с занимаемым ими служебным положением [1].

В ст. 2.4 КоАП РФ также сказано об административной ответственности, которой подлежит лицо за неисполнение либо ненадлежащее исполнение возложенных на него обязанностей. Данный закон применим – к государственным служащим, но не действует в отношении других категорий государственных служащих. Поэтому государственные служащие должны нести административную ответственность на общих основаниях, и это равенство перед законом подтверждается Конституцией Российской Федерации в ст. 19. Следовательно, административные правонарушения обязательно должны быть связаны с внешней административной деятельностью государственного органа. Если же правонарушение совершается во внутренних административных отношениях, то это правонарушение повлечет за собой дисципли-

плинарную ответственность. Таким образом, наложение ответственности на нарушителя будет зависеть от индивидуального решения работодателя, из-за чего статья 2.4 КоАП РФ становится неэффективной в области государственных служащих. Получается, что за дисциплинарное нарушение лицо понесет более легкое наказание, чем за административное. Поэтому мы считаем, что нужно изменить административную ответственность государственных служащих, т.е. ввести новые законы для ужесточения наказаний или установить новые требования привлечения к ответственности. Устанавливая основные требования привлечения государственных служащих к административной ответственности, мы соблюдаем требования Конституции Российской Федерации в части равенства всех перед законом.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что интенсивно изучаемые меры административной ответственности в структуре государственной службы в смысле формулирования правовых норм недостаточно развиты, расширенного использования в судебных процессах не имеют и в юридической литературе слабо проработаны. Мы считаем, что административную ответственность должностных лиц как специфических участников административного права правильнее было бы причислить к группе дисциплинарной ответственности и органично отстраивать конкретно данную группу правовых норм. В иных прецедентах должностные лица как обладатели общего правового статуса обязаны привлекаться к административной ответственности аналогично гражданам. Данное понимание уже сейчас используется в отношении должностных лиц военных структур и прочих видов государственной службы, которые обладают наградами. Считается целесообразным данный подход применить и в отношении гражданских должностных лиц.

Литература

1. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: Федер. закон от 03.06.2009 г. № 112-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Демин А.А. Государственная служба в РФ. М., 2012. 391 с.
3. Денисов С.А. Возможности применения института административной ответственности для борьбы с коррупцией государственных служащих. М., 2005. 207 с.
4. Киселев С.Г. Государственная гражданская служба. Учебное пособие. М., 2007. 284 с.
5. Козбаненко В.А. Правовые основы государственного управления. Общая часть: Учебное и научно-практическое пособие. М., 2003. 320 с.
6. Овсянко Д.М. Государственная служба Российской Федерации: учебное пособие. М., 2002. 287 с.
7. Старилов Ю.Н. Государственная служба и служебное право: учеб. пособие. М., 2018. 240 с.

LEGAL REGULATION OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF CIVIL SERVANTS

Ogrina G.V.

Middle Volga Institute (branch) VSUYu (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Administrative legislation regulates a fairly extensive range of administrative legal relations that develop in various spheres of public and political life. But, despite this, hundreds of thousands of administrative offenses are committed annually, which entail administrative responsibility. In order for the activity of a civil servant to be as effective as possible and bring positive results, it is important to have a competent and rationally built system of rewards and punishments, which, on the one hand, will stimulate the employee to an even more promising and better result of his work, and, on the other hand, will protect him from illegal actions and mistakes in his activities. Currently, the problem of attracting to responsibility of civil servants. Civil servants are subject to administrative measures in case of failure mandatory rules, doth by one s own actions and in cases of tort, arising from negligence in the execution of official.

Keywords: administrative responsibility, civil service, administrative misconduct, civil servant, administrative offense, disciplinary offense.

References

1. Code of Russian Federation on administrative offenses of December 30, 2001g. № 195-FZ: Feder.law of 03.06.2009 g. № 112-FZ//SZ RF. 2002 № 1 (part.1). Cr. 1.
2. Demin A.A. Publik service in the Russian Federation. M., 2012. 391 p.
3. Denisov S.A. The possibilities of applying the institute of Administrative responsibility for combating corruption of civil servants. M. 2005. 207 s.
4. Kiselev S.G. State civil service. Tutorial. M. 2007. 284 s.
5. Kozbanenko V.A. Legal bases of state management. General part: Educational and scientific-practical manual. M., 2003. 320 s.
6. Ovsyanko D.M. State service of the Russian Federation: Tutorial. M., 2002. 287 s.
7. Starilov Yu.N. Public service and official law: studies. Manual. M., 2018. 240 s.

Фальсификация итогов голосования: содержание и методы предотвращения

Провоторов Роман Анатольевич,

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Краснодарского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации
E-mail: provotorov.r.a@mail.ru

Статья посвящена вопросам борьбы с фальсификацией итогов голосования на выборах. Автор анализирует состав данного преступления, выделяя наиболее значимые деяния, включенные законодателем в описание объективной стороны, оценивает конкуренцию с составом фальсификации избирательных документов, раскрывает проблемы правоприменительной практики. Предложения по борьбе с фальсификацией итогов голосования приводятся с учетом позиций действующего избирательного законодательства и его последних новаций, вводящих институты общественного наблюдения, дистанционного электронного голосования. Законодательное описание состава преступления, состоящего в фальсификации итогов голосования, требует своего дальнейшего совершенствования. Практика привлечения к уголовной ответственности за противоправные деяния в сфере выборов свидетельствует о необходимости детального регулирования прав основных участников избирательного процесса, их процессуальных возможностей, а также действенного сопряжения норм уголовного, уголовно-процессуального и избирательного законодательства.

Ключевые слова: выборы, фальсификация, итоги голосования, избирательный документ, результаты волеизъявления избирателей, уголовная ответственность.

Доверие к результатам выборов – один из наиболее важных аспектов формирования органов публичной власти, являющихся логически обоснованным итогом любой избирательной кампании, осуществляемой в соответствии с действующим избирательным законодательством [1], и способствующих устойчивости, стабильности и эффективности организации деятельности сформированного на конкурентной основе депутатского корпуса или выборных должностных лиц различного уровня. Для защиты результатов выборов законодатель вводит уголовную ответственность за их фальсификацию как наиболее строгий вид ответственности, предусмотренной за совершение наиболее общественно опасных деяний, и определяет содержание и методы предотвращения фальсификаций.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит казуистическое определение фальсификации итогов голосования путем перечисления конкретных действий, совершение которых запрещено под угрозой уголовной репрессии: это действия, непосредственно связанные с теми избирательными документами, которые являются основой для подсчета голосов, путем искажения их действительного содержания или фактической намеренной порчи, а также проведение неправомерного подсчета голосов, не отражающего действительные результаты волеизъявления избирателей. Особое внимание законодатель уделяет протоколу об итогах голосования, относя к преступным деяния, которые связаны или с подписанием протокола до фактического установления итогов или же неправомерное внесение в него правок уже после того, как такие итоги были установлены в предусмотренном законом порядке. Перечень противоправных деяний, связанных с искажением итогов голосования, является закрытым, законодатель не предусматривает иных правонарушающих действий, которые могли бы оцениваться как фальсификация. Кажущееся преимущество такого способа регулирования в то же время вызывает обоснованные вопросы, поскольку не исключает риска правового пробела в норме [2, с. 21].

Рассматривая становление понятия фальсификации итогов голосования в России, А.И. Куприянов отмечает, что в предыдущие годы в российском уголовно-правовом поле оно не использовалось и пришло только в 1849 г. При этом под фальсификацией выборов было предложено понимать намеренные действия лиц, ответственных, с одной стороны, за их организацию и проведение, а с другой – иных участников избирательного про-

цесса, стремящихся достичь цели искажения результатов, отличных от действительного волеизъявления избирателей [3, с. 4].

В юридической литературе отмечается, что уровень наказуемости по статье 142.1 «Фальсификация итогов голосования» очень низок. В этой связи авторы приводят различные причины, по которым доля рассматриваемых преступлений достаточно мала. Как обоснованно отмечает Н.Ю. Турищева, это не только несовершенство юридических конструкций статей УК РФ, посвященных преступлениям в сфере выборов, но и фактическое пересечение объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 142.1 УК РФ «Фальсификация итогов голосования» и ч. 1 ст. 142 УК РФ «Фальсификация избирательных документов, документов референдума» [4, с. 296].

При рассмотрении уголовных дел по статье 142.1 УК РФ сложилась противоречивая судебная практика, связанная с различной квалификацией действий членов избирательных комиссий и иных субъектов, ответственных за проведение выборов, что является основанием для различной трактовки содержания рассматриваемой нормы. Так, Н.Ю. Приходько подчеркивает, что статья 142.1 УК РФ, в которой устанавливается ответственность за фальсификацию итогов голосования, может рассматриваться как норма-целое, в то время как статья 142 – как норма-часть [5, с. 16]. Разрешением противоречий правоприменительной практики могло бы стать принятие соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющего вопросы как фальсификации документов при проведении выборов, так и фальсификации итогов голосования.

Кроме этого, следует отметить юридическую неравнозначность понятий «фальсификация итогов голосования» и «фальсификация результатов выборов». Наиболее общественно опасными являются деяния по искажению результатов выборов, поскольку они способны изменить картину выборов в целом, отдать мандат в руки того кандидата, который не пользуется действительной поддержкой избирателей. Л.Г. Алехичева и А.Е. Постников указывают следующие отличия итогов голосования от результатов выборов: итоги голосования подводятся в масштабах территории, являющейся частью соответствующего избирательного округа (как правило, это избирательный участок), и выступают промежуточным результатом на пути определения результатов выборов [6, с. 28].

Одним из ключевых моментов, определяющих возможную фальсификацию итогов голосования, является неправомерное внесение отметок в список избирателей. Как отмечает Н.А. Леонтьев, законодательство предусматривает различные юридические формы списков избирателей: это могут быть заполненные в участковой избирательной комиссии первые экземпляры списков избирателей, составленные в печатаном виде и содержащие подписи членов участковой избирательной комиссии и избирателей соответственно о выда-

че и получении избирательных бюллетеней; вторые экземпляры списков избирателей, которые имеют электронную форму и существуют на случай утраты бумажного списка; кроме этого, есть сведения, содержащиеся в Регистре избирателей, ведущемся в соответствии с положениями о ГАС «Выборы», предоставление выгрузки из которого не предусмотрено законодательством [7, с. 40]. Весте с тем и сами ресурсы Государственной автоматизированной системы РФ «Выборы» являются непосредственным самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, поскольку содержащиеся в них данные могут использоваться в целях фальсификации итогов голосования, результатом чего может являться нарушение подлинности информации об итогах голосования [8, с. 28].

Проблема общей возможной оценки допущенных нарушений при составлении списков избирателей осложняется тем, что до решения суда выдача списков избирателей является неправомерной, если такое решение не приняла вышестоящая избирательная комиссия, которая вместе с тем в соответствии с нормами Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не имеет оснований для принятия такого решения до возбуждения уголовного дела.

Следует отметить, что на сегодняшний день процедура рассмотрения фактов фальсификации итогов голосования недостаточно законодательно урегулирована, что подтверждает судебная практика. Так, в кассационной жалобе заявитель ставит вопрос об отмене судебных постановлений, полагая их незаконными и необоснованными, указывает, что обращался в следственный орган с заявлением о преступлении, предусмотренном ст. 142.1 УК РФ, которое надлежащим образом рассмотрено не было, проверка по нему не проводилась, решение в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством, не принималось, вопреки закону оно было направлено для рассмотрения в Избирательную комиссию Воронежской области, которая не уполномочена рассматривать сообщения о преступлениях [9].

Примером аналогичного порядка может выступать отказ административному истцу о предоставлении видеозаписей с избирательного участка в связи с тем, что оно может быть осуществлено только по запросу следственных органов [10]. Таким образом, права участников избирательного процесса требуют дополнительной регламентации.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, конституционные принципы правового государства, основанного на верховенстве права и правовой демократии, предполагают в целях поддержания гражданского мира и согласия необходимость установления нормативно-правового регулирования, которое обеспечивало бы цивилизованные формы разрешения избирательных спо-

ров, что делает наиболее востребованными именно судебные механизмы защиты избирательных прав. Судебная защита должна быть доступной для избирателей и эффективной не только в случаях, когда нарушения избирательных прав возникают в период избирательной кампании до начала или непосредственно в ходе голосования, но и на следующих стадиях избирательного процесса, направленных на определение результатов выборов [11].

Эти принципы были положены в основу апелляционного определения Санкт-Петербургского городского суда, который исходя из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и принципа недопустимости отмены результатов выборов только по формальным основаниям пришел к выводу, что нарушения, которые не привели к искажению воли избирателей, а равно не создали условий невозможности установления действительной воли избирателей, не могут являться основанием для отмены итогов голосования. Суд отметил, что произвольное вмешательство суда в выборный процесс, только исходя из формальных оснований, приведет к умалению значения формируемых выборных органов и нивелирует волеизъявление избирателей, являющихся высшим носителем суверенной государственной власти в Российской Федерации [10].

В науке отмечается прямая зависимость между фальсификацией итогов голосования и явкой избирателей при проведении выборов. Выражение воли избирателя сегодня имеет достаточно низкий индекс участия в выборах, что говорит о правовом нигилизме населения, его низкой электоральной активности. Однако даже в развитых демократических странах есть нормы закона, накладывающие ответственность за неявку избирателей на выборы, например, в Австрии, Бельгии, Болгарии, Бразилии, Греции, Египте, Люксембурге, Турции, Пакистане и других странах [12].

Одной из последних новаций избирательного законодательства, направленных на противодействие фальсификациям на выборах, стал институт общественного наблюдения, активно развивающийся сегодня. С одной стороны, присутствие на избирательном участке наблюдателей расширяет контрольные полномочия общества над процедурой проведения голосования, с другой стороны, наблюдатели, присутствующие при подсчете голосов минимизируют факты фальсификации со стороны членов избирательной комиссии. Однако высказывается мнение, что этот механизм – лишь дополнение в общей системе мер, поскольку общественный наблюдатель не может проследить полностью за всей процедурой проведения выборов до момента общего подсчета голосов и объявления результата [13, с. 8].

На наш взгляд, сегодня достойным инструментом в противодействии фальсификации итогов голосования является цифровизация избирательного процесса, в частности, использование механизма дистанционного электронного голосования,

что позволяет минимизировать участие членов избирательной комиссии в процедуре подсчета голосов избирателей. В конечном итоге, широкое использование электронного голосования может стать фактором, повышающим доверие граждан к избирательным процедурам. Вместе с тем вопросы применения электронной системы голосования находятся в прямой зависимости от уровня развития техники, качества нормативно-правового регулирования, существующей инфраструктуры, развития Интернета в регионах и готовности избирателей реализовывать свое активное избирательное право [14, с. 103].

Таким образом, законодательное описание состава преступления, состоящего в фальсификации итогов голосования, требует своего дальнейшего совершенствования. Практика привлечения к уголовной ответственности за противоправные деяния в сфере выборов свидетельствует о необходимости детального регулирования прав основных участников избирательного процесса, их процессуальных возможностей, а также действенного сопряжения норм уголовного, уголовно-процессуального и избирательного законодательства. Эффективное противодействие фальсификации итогов голосования возможно исключительно на основе комплексного подхода, предусматривающего организацию действенного контроля со стороны уполномоченных законом субъектов избирательного процесса; повышение культуры электората и правового сознания, развития гражданского общества; а также расширению мер по применению высокотехнологичных информационных технологий для подсчета голосов избирателей.

Литература

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 04.06.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253; 2021. № 23. Ст. 3916.
2. Турищева Н.Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме: уголовно-правовой анализ и перспективы совершенствования законодательного описания (по материалам Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2007. – 28 с.
3. Куприянов А.И. Фальсификация выборов: практики российского дворянства, 1775–1863 гг. // Российская история. 2015. № 6. С. 3–18.
4. Турищева Н.Ю. Фальсификация итогов голосования и фальсификация избирательных документов: конкуренция составов // В сборнике: Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию. Материалы VI Российского конгресса уголовного права. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 2011. С. 295–298.

5. Приходько Н.Ю. Правовые вопросы ответственности членов избирательных комиссий муниципальных образований // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. № 3. С. 15–18.
6. Алехичева Л.Г., Постников А.Е. Признание действительными итогов голосования и результатов выборов: правовые проблемы // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 25–36.
7. Леонтьук Н.А. Правовые основы использования списков избирателей после окончания голосования // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 3. С. 40–42.
8. Турищева Н.Ю. Государственная автоматизированная система РФ «Выборы» как автономный признак состава преступления // Российский следователь. 2008. № 16. С. 27–30.
9. Постановление Президиума Воронежского областного суда от 06.09.2017 № 44У-51/2017 // СПС «Консультант Плюс: судебная практика».
10. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 19.10.2020 № 33а-18127/2020 по делу № 2а-2741/2020 // СПС «Консультант Плюс: судебная практика».
11. Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2013 года № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 18. Ст. 2292.
12. Наказание за неучастие в выборах в зарубежных странах // Электронный ресурс. URL: <http://ria.ru/spravka/20140626/1013682909.html> (дата обращения: 22.07.2021).
13. Авдеева О.А., Овсянников П.Ю. Проблема искажения волеизъявления народа при проведении выборов // Вестник современных исследований. 2018. № 10.8. С. 6–8.
14. Матрёнина К.Ю. К вопросу о преодолении риска фальсификации при использовании современных информационно-коммуникационных технологий на выборах // Государство и право. 2016. № 8. С. 100–104.

FALSIFICATION OF VOTING RESULTS: CONTENT AND METHODS OF PREVENTION

Provotorov R.A.
Krasnodar University Ministry

The article is devoted to the issues of combating falsification of voting results in elections. The author analyzes the composition of this crime, highlighting the most significant acts included by the legislator in the description of the objective side, assesses the competition with the composition of falsification of electoral documents, reveals the problems of law enforcement practice. Proposals to combat fal-

sification of voting results are given taking into account the positions of the current electoral legislation and its latest innovations, introducing institutions of public observation, remote electronic voting. The legislative description of the crime of falsifying the voting results requires further improvement. The practice of bringing to criminal responsibility for illegal acts in the field of elections indicates the need for detailed regulation of the rights of the main participants in the electoral process, their procedural capabilities, as well as the effective conjugation of the norms of criminal, criminal procedure and electoral legislation.

Keywords: elections, falsification, voting results, electoral document, results of voters' will, criminal responsibility.

References

1. On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation: Federal Law № . 67-FZ of 12.06.2002 (ed. of 04.06.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № . 24. Article 2253; 2021. № . 23. Article 3916.
2. Turishcheva N. Yu. Crimes against electoral rights and the right to participate in a referendum: criminal law analysis and prospects for improving the legislative description (based on the materials of the Krasnodar Territory): author's abstract. dis. ... cand. yurid. Sciences / Kuban State University. Krasnodar, 2007–28 p.
3. Kupriyanov A.I. Falsification of elections: practices of the Russian nobility, 1775–1863. // Russian History. 2015. № . 6. pp. 3–18.
4. Turishcheva N. Yu. Falsification of voting results and falsification of electoral documents: competition of compositions // In the collection: Criminal law: origins, realities, transition to sustainable development. Materials of the VI Russian Congress of Criminal Law. Lomonosov Moscow State University. 2011. pp. 295–298.
5. Prikhodko N. Yu. Legal issues of responsibility of members of election commissions of municipalities // Municipal service: legal issues. 2016. № . 3. pp. 15–18.
6. Alyokhicheva L. G., Postnikov A.E. Invalidation of voting results and election results: legal problems // Journal of Russian Law. 2001. № . 6. pp. 25–36.
7. Leontyuk N.A. Legal basis for the use of voter lists after the end of voting // Electoral legislation and practice. 2019. № . 3. pp. 40–42.
8. Turishcheva N. Yu. The state automated system of the Russian Federation "Elections" as an autonomous sign of the corpus delicti // A Russian investigator. 2008. № . 16. pp. 27–30.
9. Resolution of the Presidium of the Voronezh Regional Court of 06.09.2017 № . 44U-51/2017 // SPS "Consultant Plus: judicial practice".
10. Appeal ruling of the St. Petersburg City Court of 19.10.2020 № . 33а-18127/2020 in case № . 2а-2741/2020 // SPS "Consultant Plus: judicial practice".
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № . 8-P of April 22, 2013 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. № . 18. St. 2292.
12. Punishment for non-participation in elections in foreign countries // Electronic resource. URL: <http://ria.ru/spravka/20140626/1013682909.html> (date of appeal: 22.07.2021).
13. Avdeeva O. A., Ovsyannikov P. Yu. The problem of distortion of the will of the people during elections // Bulletin of modern Research. 2018. № . 10.8. pp. 6–8.
14. Matrenina K. Yu. On the issue of overcoming the risk of falsification when using modern information and communication technologies in elections // State and law. 2016. № . 8. pp. 100–104.

Аксиологическое значение категории «правовая культура» в современном обществе

Цветикова Татьяна Викторовна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского»
E-mail: tatyana.76@inbox.ru

Существование правовой культуры является необходимым условием сохранения стабильности в государстве и обществе, независимо от исторической эпохи.

Она находит свою реализацию в различных областях общественной жизни и государственной политики. Во-первых, для ее актуализации необходимо своевременно вносить изменения в законодательные акты, регулирующие различные правоотношения. Во-вторых, положения нормативно-правовых источников, должны быть реализуемы на практике; в противном случае будет иметь место бездействие закона, что приведет к росту правового нигилизма в обществе. Наконец, для качественной разработки нормативных источников и обеспечения их исполнения населением нужно разрабатывать стандарты и программы подготовки специалистов в области направления «Юриспруденция» и активизировать консультативную работу по применению действующих актов с населением.

Механизм сохранения и реализации правовой культуры на современном этапе развития общества и государства, как в Российской Федерации, так и за рубежом раскрывается в данной публикации.

Ключевые слова: «правовая культура»; «совершенствование законотворческой деятельности и правоприменительной практики как основ повышения ценности правовой культуры»; «правовой нигилизм».

Введение. Правовая культура, по оценкам специалистов, является частью общественной культуры, представляющей собой общий уровень знаний и объективное отношение общества к сфере права, которое находит свое отражение в совокупности правовых знаний в виде норм, убеждений и установок, создаваемых в процессе жизнедеятельности. [1]

При отсутствии правовой культуры мир людей давно исчез, поскольку разумные существа уподобились бы животным предкам. Появление различных точек зрения на необходимость существования правовой культуры в современном мире и ее ценности для государства, общества, отдельных социальных и профессиональных объединений и конкретных индивидов, показывает актуальность выбранной тематики.

Своей основной целью статья имеет рассмотрение значимости правовой культуры не только через действующую нормативно-правовую базу, но и на конкретных примерах, отражающих степень ее влияния на сознание и поведение людей в различных жизненных ситуациях.

Она реализуется через постановку следующих задач: рассмотрение сущности правовой культуры в современном мире через призму исторического развития; раскрытие качественных особенностей соблюдения правовой культуры в различных областях жизнедеятельности государства и общества (экономике, социальных отношениях, политики и права); установление значения правовой культуры в современном мире, включая российскую действительность и подготовка рекомендаций по улучшению сложившегося положения.

Объектом исследования в данном случае является категория «правовая культура». Предметом изучения представлено рассмотрение аксиологического аспекта существования вышеназванного элемента.

Работа построена на действующих нормативно-правовых источниках конституционного, гражданского, административного и уголовного законодательных систем, как зарубежных стран, так и Российской Федерации. Законодательные акты дополняются сведениями специальной литературы, в частности работами и публикациями В.В. Оксамытного, А.И. Жигулина, А.В. Петрова, Н.А. Медушевского, диссертационными исследованиями по соответствующей тематике Л.А. Петручак, И.В. Ковалевой и т.д.

Методологическая основа исследования включает такие приемы, как анализ, синтез, дедукцию и индукцию, обобщения, сравнения, моделирования, объяснения.

Начать оценку значения правовой культуры на современном этапе целесообразно с рассмотрения действующих нормативно-правовых актов в области гражданского, административного, уголовного права и статистических данных по их выполнению. Изменения во все действующие нормативно – правовые акты в последнее время были внесены в связи с изменениями конституционных норм на общероссийском референдуме от 01.07.2020 г.

Так, за все время существования гражданско-го законодательства в РФ в основной кодифицированный источник, Гражданский кодекс РФ, было внесено в общей сложности 241 изменение (102 – в часть I: 79 – в часть II; 26 – в часть III; 34 – в часть IV). В частности, федеральным законом № 427 – ФЗ от 08.12.2020 г. в абзац 1 пункта 2 статьи 7 части I Гражданского кодекса РФ было введено положение о недопущении применения на территории Российской Федерации положений международных договоров, противоречащих действующим конституционным нормам государства; в пункт 1 статьи 887 части II Гражданского кодекса РФ вносятся изменения интерпретации стоимость вещи, переданной по договору хранения исчисляется предельной твердой суммой в 10 000 рублей, а не минимальными размерами оплаты труда (МРОТ) и т.д..

Далее коснемся отдельных преобразований последних лет, вводимых в родственные законодательные системы – семейное и трудовой право.

Так, в Семейный кодекс РФ (от 29.12.1995 г. № 273-ФЗ) федеральным законом от 02.07.2021 г. № 310-ФЗ в абзац 2 статьи 54 введено положение, согласно которому ребенок имеет преимущественное право на обучение по основным образовательным программам дошкольного или начального образования в том же государственном или муниципальном учреждении соответствующего уровня, что его братья или сестры, как полноправные, так и не являющиеся таковыми. Тем самым обеспечивается преемственность уровня образования поколений.

В пункт 2 статьи 6 указанного нормативно-правового источника внесено положение, согласно которому усыновление или удочерение могут быть отменены, если их совершение противоречит действующим нормам российского или международного законодательства (федеральный закон № 5 -ФЗ от 04.02.2021 г.).

В Трудовом кодексе Российской Федерации одной из новаций последних лет стало положение о предоставлении выходного пособия лицам, уволенным по сокращению штата или ликвидации предприятия и организации в следующем порядке: среднемесячного заработка в течение одного месяца после увольнения; если работник не трудоустроивается и второй месяц, то ему предоставляется среднемесячный заработок еще в течение одного месяца.[2]

Данный пример демонстрирует реализацию правовой культуры на практике.

Обратимся теперь к ряду изменений в административном законодательстве РФ. Так, из компетенции судов общей юрисдикции было исключено рассмотрение дел по статье 33 Кодекса РФ об административных правонарушениях, которая регулирует порядок водоснабжения и водоотведения (изменения части 1 статьи 23.1 указанного акта, согласно редакции от 01.07.2021 г.). Одновременно были выведены из компетенции арбитражных судов рассмотрения случаев лицензирования энергосбытовой деятельности (внесение изменений в статьи 19.5 и 19.7 соответствующего нормативно-правового акта).

Подобные нововведения показывают рост ответственности судебных структур за жизнь и безопасность граждан и стабильность систем водоснабжения и энергосбережения, что требует привлечения к соответствующим рассмотрениям специалистов соответствующих отраслей в силу того факта, что объекты водоснабжения и энергетической системы относятся к источникам повышенной опасности.

Наконец, перейдем к анализу изменений уголовного законодательства государства за последний период. Так, в качестве санкции для матери, убившей новорожденного ребенка, в психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, в раздел санкций, помимо ограничения свободы от двух до четырех лет или лишения свободы на срок до пяти лет устанавливаются принудительные работы на срок до пяти лет.

Тем самым законодатели активно используют дифференцированный подход к личности преступника, что также свидетельствует о тенденции к повышению уровня правовой культуры в обществе (редакция от 11.06.2021 г.).

Подобный подход предусматривается при назначении наказания для лиц, совершивших убийство в состоянии аффекта одного или несколько человек: в первом случае принудительные работы или лишение свободы предусматривается на 3 года; во втором – на пять лет и т.д.

Перечисленные преобразования в действующей правовой базе Российской Федерации связаны не в последнюю очередь с законотворческим процессом, описанным, в частности, В.В. Оксмытным [3, с. 378–384].

Следуя конституционным нормам, он включает в себя следующие стадии: законодательную инициативу; подготовку законопроекта; внесение законопроекта в Государственную Думу; рассмотрение законопроекта в Государственной Думе; принятие закона Государственной Думой; утверждение закона в Совете Федерации; обнародование закона.

Таким образом, в отечественной правовой традиции качество правовой культуры зависит, прежде всего, от слаженной работы должностных лиц, занимающихся разработкой и принятием законов, регулирующих общественные отношения в различных отраслях народного хозяйства.

Теперь коснемся исполнительной дисциплины по соблюдению норм гражданского, административного и уголовного права населением.

Так, если в 1992 г. было зарегистрировано 2,3 млн преступлений по Российской Федерации, то в 2017 г. – только 1,7 млн, т.е. произошло некоторое снижение негативной тенденции по наиболее тяжким противоправным деяниям в любой сфере. Тем не менее, было отмечено внушительное количество противоправных деяний против собственности (56,41%) и против личности (14,34%).[4]

Если обратиться к статистике по экономической преступности с 2016 по 2020 гг., то можно увидеть следующую картину: в 2016 г. было зафиксировано 108754 соответствующих эпизодов; в 2017 г. их количество снизилось до 105087 случаев; в 2018 г. произошел рост преступных посягательств данного вида до 109483; в 2019 г. опять отмечается снижение деяний соответствующей категории до 104927 случаев; наконец, в 2020 г. зафиксировано небольшое увеличение данных деяний до 105480 случаев. [5]

За январь – июнь 2021 г., по оценке структур МВД в России отмечается уменьшение роста преступности всех видов и категорий в сравнении с предыдущими годами. [6]

Что касается преступности несовершеннолетних, то она стала фиксироваться на 17,2% случаев меньше, чем в предыдущие годы, что связывается специалистами не в последнюю очередь с активизацией профилактической работы правоохранительных структур с соответствующей категорией населения. [7]

Из вышеприведенных сведений становится очевидным, что тексты законодательных источников и процедура их разработки и последующего принятия в наибольшей степени отражают уровень правовой культуры государства. Не менее важным фактором уровня правовой культуры в обществе и государстве является и готовность населения выполнять предписания уполномоченных властных структур, что, прежде всего, отмечается в количестве правонарушений за определенные периоды.

В качестве превентивной меры, способствующей подъему правовой культуры населения, необходимо проводить профилактические мероприятия.

Как показывает практика, их разработка требует программного подхода. [8]

В Российской Федерации для борьбы с подкупом должностных лиц иностранных государств устанавливалась уголовная ответственность физических лиц и административные взыскания для предприятий и организаций, виновных в совершении подобных деяний.

Ужесточение ответственности за дачу взятки должностному лицу рекомендовалось не только уполномоченными структурами Российской Федерации, но и Организацией Объединенных Наций.

Помимо сферы действия уголовного права одновременно в рамках российского и зарубеж-

ного законодательств, обращается внимание на гражданско-правовые отношения.

Так, арбитражные суды рассматривают хозяйственные споры иностранных юридических лиц, зарегистрированных на территории РФ. Подобная процедура предусматривается в спорных ситуациях по договорам и соглашениям, заключенным на территории Российской Федерации либо исполнение которых предполагается в соответствующем государстве.

Не менее распространены являются рассмотрение дел об усыновлении российскими гражданами детей из других государств, а представителями зарубежных стран мальчиков и девочек из Российской Федерации.[9] Прежде всего, здесь исследуется вопрос об использовании в полной мере органами опеки и попечительства возможности оставления соответствующего субъекта в родном государстве, т.е. законность самого акта подобного усыновления.

Продемонстрированные сведения показывают, что правовая культура населения в широком смысле зависит не только от качества принимаемых законов и подзаконных актов, но и от готовности населения следовать букве закона.

Теперь обратимся к историографии вопроса.

Отдельные ученые полагают, что аксиологическое значение правовой культуры, прежде всего, обусловлено исторической эпохой, в которой она реализуется. [10] Так, в древнем мире общественно-политическое устройство предполагало почитание вождя племени, которого со временем сменили князья, цари и иные правители государств.

При смене общественно-политической формации расстановка сил на «верхи» и «низы» общества продолжала сохраняться.

Когда положение зависимого населения становилось тяжелым из-за усиления натуральных повинностей и непомерного увеличения податей, периодически возникали революционные ситуации, которые сами по себе являлись примерами правового нигилизма.

После введения «нужных» нормативно-правовых актов на определенное время устанавливается стабильность общественных отношений, которая постепенно ослабевает.

Исторический аспект в формировании правовой культуры прямо отражается в исследованиях И.И. Балаклеец.[11]

После складывания правовых систем появились исследования взаимосвязи с ними указанной категории. В современном мире выделяют три основных подхода к правотворчеству: континентальный, англо-американский и мусульманский. При этом исследователи отмечают, что каждый из них может подразделяться на правовые доктрины отдельных наций и народностей, входящих в соответствующие государства. [12]

Все правовые системы объединяются по таким критериям, как правосознание индивидов, их правовое поведение, набор прав, свобод и обязанностей.

Предлагаемый подход к природе и значению правовой культуры является комплексным и объединяет ряд концепций, разрабатываемых по представленной тематике, в частности, А.И. Жигулина, который представляет в своей статье мнение, согласно которому государство является главным идеологом правовой доктрины, а населению отводится роль исполнителя [13], и А.В. Петрова, предлагавшего считать именно гражданина или объединения лиц инициаторами разработки и принятия тех или иных актов, формирующих в дальнейшем поведение субъектов права.[14]

Н.А. Медушевский связывал значение правовой культуры с формированием разных видов терпимости в обществе и государстве.[15, с. 316–371]

И.И. Грунтовский раскрывает степень развития правовой культуры в государстве и обществе через отношение военнослужащих к обязанности по защите целостности и безопасности государства. [16]

В.В. Лазарев раскрывает многогранность категории «правовая культура» по следующим направлениям: формирование системы норм, которые отражают в законах государственную волю; становление правосознания, которое по своей сути является отражением правовой действительности; реализация правовой культуры через деятельность уполномоченных государственных органов и общественных организаций, обеспечивающих контроль в области реализации права; влияние правовой культуры на правовое поведение или деятельность, последняя из которых отражается, например, в описанном ранее законотворческом процессе. [17, с. 204]

Более расширено представление о правовой культуре можно найти в работе Н.А. Власенко. [18, с. 253–254] Помимо составных элементов данной категории, представленных в предыдущем исследовании, она выделяет источники права и юридическую науку в качестве оснований, влияющих на природу правовой культуры. Большое внимание уделяется данным специалистом процессу воспитания правовой культуры, который включает в себя формирование у субъекта общественных отношений правового мировоззрения и уважительного отношения к праву.

Не исключалось участие Президента и Правительства государства в указанном процессе путем разработки соответствующих программ и выделения для их реализации федеральных средств.

Механизмом правового воспитания должны были стать также СМИ (средства массовой информации), специалисты по разным направлениям юриспруденции и доступная юридическая литература.

В заключение обратимся к диссертационным исследованиям И.В. Ковалевой [19] и Л.А. Петручак [20], в которых представлены подходы к сущности вышеназванной категории.

Так, И.В. Ковалева в своей работе показывает в исторической ретроспективе становление российского права в XIX в. и введение в его среде тотального контроля за жизнью граждан, что, в ко-

нечном итоге, привело к крушению существовавшей правовой доктрины.

Основное назначение правовой культуры, состоящее в обеспечении социальных ценностей пока не достигнуто по ряду причин, среди которых автор выделяет не изученность в полной мере всех источников права, которые могут адекватно отразить сущность данной категории в настоящее время; различается интерпретация понятия «правовая культура» разными исследователями, вплоть до противоположных интерпретаций; допускается использование правового плюрализма, который предполагает существование одновременно множества точек зрения на природу «правовой культуры».

В конечном итоге автор предлагает считать данную категорию частью общей, прежде всего, духовной сферы существования общества, а ее ценности идентифицировать как достижения нематериальной культуры.

Что касается работы Л.А. Петручак по аналогичной тематике, то она полагает, что правовая культура обусловлена историческим развитием общества, в котором она существует. Следовательно, правовые ценности базируются на учете его экономического, политического, духовного и социального уровня развития.

Таким образом, были рассмотрены основные подходы и приведены конкретные примеры на основе действующей нормативно-правовой базы, раскрывающие сущность правовой культуры и пути ее реализации.

Выводы и рекомендации.

1. Правовая культура непременно связана с исторической эпохой, т.к. формируется в интересах правящих кругов и меняет свое содержание при переходе от одной общественно-политической формации к другой.

2. Правовая культура является неотъемлемой частью правовой системы государства, как отечественного, так и западного образцов.

3. Данная категория связана в своем становлении и развитии с такими элементами, как правосознание и юридическая техника, первый из которых позволяет сформировать соответствующие стандарты поведения в обществе, а второй связан с осуществлением законотворческого процесса.

4. По среде, в которой формируется правовая культура, она, как и правосознание, может быть бытовой, профессиональной или научной, при этом ее значение полностью зависит от понимания данной категории соответствующими субъектами.

5. Уровень правовой культуры зависит от своевременного внесения изменений в основные нормативно – правовые акты представителями уполномоченных властных структур, с одной стороны, и готовностью выполнять положения законов и подзаконных актов теми категориями граждан, на которые данные положения рассчитаны.

6. Для повышения значения правовой культуры в современном обществе разрабатываются феде-

ральные государственные образовательные стандарты по направлению «Юриспруденция» разных специализаций.

7. Особое значение приобретает приобщение к правовой культуре лиц с различными формами девиантного поведения.

8. Одной из форм реализации правовой культуры в современном обществе становится проявление терпимости разных видов.

9. Если затрагивать правовую культуру подрастающего поколения, то на ее сущность и содержание, прежде всего, оказывает влияние воспитательный процесс.

10. В связи с тем, что формирование правовой культуры основной массой исследователей связывается с правовым воспитанием, для повышения его качества следует охватывать все общественные институты, с которыми каждый человек соприкасается в своей жизни: семью, друзей, образовательные организации, трудовые коллективы, СМИ и т.д.

11. Отсутствие достаточного уровня правовой культуры в обществе приводит к развитию правового нигилизма, который находит свое отражение, прежде всего, в росте тяжких и особо тяжких противоправных деяний, поэтому ее существование является необходимым в любой исторической эпохе.

Литература

1. Правовая культура // [Электронный ресурс]: URL: ru.wikipedia.org. (Дата обращения: 13.07.2021 г.).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2018 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 178 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Трофимовой. // [Электронный ресурс]: URL: «Консультант – Плюс» (Дата обращения: 19.07.2021 г.).
3. Оксамытный В.В. Юридическая компаративистика: Учебный курс для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В.В. Оксамытный. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 431с. – с. 378–384.
4. Антонян Ю.М., Бражников Д.А., Коваленко В.И., Гончарова М.В. – и др. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. –86с. – с. 10.
5. Россия в мировом рейтинге (организованная преступность за 2017 г., бальная оценка по методике MEF (Всемирный экономический форум) // [Электронный ресурс]: URL: crimestat.ru (Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ) (Дата обращения: 19.07.2021 г.).
6. Оболадзе М.П. Состояние и тенденции организованной преступности в Российской Федерации. // [Электронный ресурс]: URL: https://

moluch.ru/archive/311/70456/ (Дата обращения: 19.07.2021 г.).

7. Динамика экономических преступлений. Показатели преступности России // [Электронный ресурс]: URL: crimestat.ru (Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ) (Дата обращения: 19.07.2021 г.).
8. Состояние преступности – МВД России. // [Электронный ресурс]: URL: https://МВД РФ≥reports. (Дата обращения: 19.07.2021 г.).
9. Краткая характеристика преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 г. // [Электронный ресурс]: URL: https://МВД РФ≥reports. (Дата обращения: 23.07.2021 г.).
10. Методические рекомендации по внедрению новых технологий и методов по профилактике правонарушений несовершеннолетних... // [Электронный ресурс]: URL: https://pskov.ru/sites/default/files/metod.rek_po_novym_metodam_raboty.pdf.
11. Балаклеец И.И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы (тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 12.00.01 кандидата наук Балаклеец И.И.) – М., 2012.
12. Губайдуллин А.Р. Правовая культура и ее роль в изучении правовой системы общества. // [Электронный ресурс]: URL: https://doi.org/10.17803/2311–5998. 2018. 45.5.035–044.
13. Жигулин А.А. Правовая культура личности как форма правосознания. // «Территория науки», 2012, № 3. – с. 98–106.
14. Петров А.В. Правовая культура и ее структурные компоненты: проблемы генезиса. // «Право. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского», 2017, № 3. – с. 167–173.
15. Медушевский Н.А. Основы толерантности и правовой культуры. 2-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 408с. – с. 316–371.
16. И. И. Грунтовский. Мнение молодежи о престиже военной службы. // Научный журнал «Сервис PLUS», № 2, 2010. – с. 1–7. // [Электронный ресурс]: URL: cyberleninka.ru (Дата обращения: 20.07.2021 г.).
17. Общая теория права и государства: Учебник/ Под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1996 г. – 472с. – с. 204.
18. Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и исправ. – М.: Проспект, 2014. – 416с. – с. 253–254.
19. Ценности правовой культуры в представлениях российского общества конца XIX – начала XX вв. (тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 24.00.01 кандидата философских наук Ковалевой И.В.) – М., 2001.
20. Правовая культура современного российского общества: теоретико – правовое исследование (тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 12.00.01 доктора юридических наук Петручак Л.А.) – М., 2012.

AXIOLOGICAL SIGNIFICANCE OF THE CATEGORY “LEGAL CULTURE” IN MODERN SOCIETY

Tsvetikova T.V.

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

The existence of a legal culture is a necessary condition for maintaining stability in the state and society, regardless of the historical epoch.

It finds its implementation in various areas of public life and public policy. Firstly, in order to update it, it is necessary to make timely changes to the legislative acts regulating various legal relations. Secondly, the provisions of regulatory sources must be implemented in practice; otherwise, there will be inaction of the law, which will lead to an increase in legal nihilism in society. Finally, for the qualitative development of regulatory sources and ensuring their implementation by the population, it is necessary to develop standards and training programs for specialists in the field of “Jurisprudence” and to intensify advisory work on the application of existing acts with the population.

The mechanism of preservation and implementation of legal culture at the present stage of development of society and the state, both in the Russian Federation and abroad, is disclosed in this publication.

Keywords: “legal culture”; “improvement of legislative activity and law enforcement practice as the basis for increasing the value of legal culture”; “legal nihilism”.

References

1. Legal culture. // [Electronic resource]: URL: ru.wikipedia.org. (Accessed: 13.07.2021);
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 45-P of 19.12.2018 “ On the case of checking the constitutionality of Part 1 of Article 178 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen M.V. Trofimova. // [Electronic resource]: URL: “Consultant-Plus” (Accessed 19.07.2021);
3. Oxamytny V.V. Legal comparative studies: A training course for master’s students studying in the field of “Jurisprudence”/V. V. Oxamytny. – Moscow: UNITY-DANA, 2015. – 431s – pp. 378–384;
4. Antonyan Yu. M., Brazhnikov D.A., Kovalenko V.I., Goncharova M.V.-et al. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and calculated variants of its development. – Moscow: Federal State Institution “Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia”, 2018. – 86c. – p. 10;
5. Russia in the world ranking (organized crime for 2017, a score based on the MEF (World Economic Forum) methodology // [Electronic resource]: URL: crimestat.ru (Portal of legal statistics of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation) (Accessed: 19.07.2021);
6. Oboladze M.P. The state and trends of organized crime in the Russian Federation. // [Electronic resource]: URL: https://moluch.ru/archive/311/70456/ (Accessed: 19.07.2021);
7. Dynamics of economic crimes. Indicators of crime in Russia // [Electronic resource]: URL: crimestat.ru (Portal of legal statistics of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation) (Accessed: 19.07.2021);
8. The state of crime – the Ministry of Internal Affairs of Russia. // [Electronic resource]: URL: https://МВД RF≥reports. (Accessed: 19.07.2021);
9. Brief description of crime in the Russian Federation for January-December 2020. // [Electronic resource]: URL: https://МВД RF≥reports. (Accessed: 23.07.2021);
10. Methodological recommendations for the introduction of new technologies and methods for the prevention of juvenile delinquency... / [Electronic resource]: URL: https://pskov.ru/sites/default/files/metod.rek_po_novym_metodam_raboty.pdf;
11. Balakleets I.I. Legal culture in the conditions of modernization of Russia: realities, trends and prospects (topic of the dissertation and abstract on the Higher Attestation Commission of the Russian Federation 12.00.01 Candidate of Sciences Balakleets I.I.) – Moscow, 2012;
12. Gubaidullin A.R. Legal culture and its role in the study of the legal system of society. // [Electronic resource]: URL: https://doi.org/10.17803/2311–5998. 2018. 45.5.035–044;
13. Zhigulin A.A. Legal culture of the individual as a form of legal consciousness. // “Territory of Science”, 2012, No. 3. – p. 98–106;
14. Petrov A.V. Legal culture and its structural components: problems of genesis. // “ Law. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2017, No. 3. – pp. 167–173;
15. Medushevsky N.A. Fundamentals of tolerance and legal culture. 2nd ed. – Moscow: LENAND, 2015. – 408s – pp. 316–371;
16. I. I. Gruntovsky. The opinion of young people about the prestige of military service. // Scientific journal “Service PLUS”, No. 2, 2010. – pp. 1–7. // [Electronic resource]: URL: cyberleninka.ru (Accessed: 20.07.2021);
17. General theory of law and the State: Textbook/Edited by V.V. Lazarev. – 2nd ed., reprint. and add. – M.: Jurist, 1996. – 472 s – p. 204;
18. Vlasenko N.A. Theory of state and law: a textbook. – 2nd ed., reprint. and corrected. – M.: Prospekt, 2014 – 416 s – pp. 253–254;
19. The values of legal culture in the views of Russian society of the late XIX-early XX centuries. (topic of the dissertation and abstract on the Higher Attestation Commission of the Russian Federation 24.00.01 Candidate of Philosophical Sciences Kovalova I.V.– – M., 2001);
20. Legal culture of modern Russian society: theoretical and legal research (the topic of the dissertation and abstract on the Higher Attestation Commission of the Russian Federation 12.00.01 Doctor of Law Petrushak L.A.) – Moscow, 2012.

Переложение налогового бремени на отечественного налогоплательщика в международных договорных отношениях (институт *tax gross up*)

Кулаков Антон Олегович,

магистрант, кафедра правовых дисциплин, Московский
государственный университет
E-mail: aon242@mail.ru

В статье рассматривается возможность законодательной имплементации института переложения налогового бремени. В виду того, что интеграция экономики Российской Федерации в мировой финансовый рынок невозможна без адаптации основных принципов международных расчетов и трансграничного межбанковского кредитования, в национальную отечественную базу необходимо вносить своевременные изменения. Так, с развитием предоставления финансовых услуг налоговыми резидентами все чаще и чаще обращаются к иностранным финансовым институтам. Однако предоставление кредитов и займов налоговым резидентам Российской Федерации зачастую не осуществляется ввиду обязанности нерезидентов уплачивать доход с процентов по полученному процентному доходу, то есть ввиду отсутствия в Налоговом Кодексе РФ института переложения налогового бремени на контрагента, так называемого *tax gross up*. Внедрение данного института позволит сделать экономику более привлекательной для иностранных инвесторов – откроет возможность для предоставления отечественным организациям кредитов и займов, снижая налоговые издержки, а также сделает более конкурентным рынок финансовых услуг в Российской Федерации, приводя в конкуренцию участников финансового рынка как внутри страны, так и за ее пределами.

Ключевые слова: налоговое бремя, международный финансовый институт, переложение налоговой обязанности, налоговый агент, процентный доход, соглашение об избежании двойного налогообложения.

С точки зрения гражданского законодательства стороны уполномочены самостоятельно определять условия (ст. 422 Гражданского кодекса Российской Федерации (Далее – ГК РФ)) и стоимость финансовой услуги (ст. 424. ГК РФ). [1] Данная возможность распространяется и на заключение договоров об оказании услуг с участием иностранных элементов, в том числе международных финансовых институтов, например, кредитных организаций, созданных и действующих на основании законодательства Соединённых Штатов Америки, и иностранных организаций, предоставляющих российским организациям займы. Однако, с точки зрения налогового законодательства, расходы отечественной организации по выплате процентов по долговым обязательствам не могут рассматриваться таковыми для уменьшения налоговой базы по налогу на прибыль в силу критерия обоснованности, установленного в ст. 252 Налогового Кодекса Российской Федерации (далее – НК). [2]

На данный момент сформировалась отрицательная судебная практика признания расходов налогоплательщика в виде компенсации выпадающего налогового дохода его контрагента.[3] [4] Хотя существует и практика, когда налогоплательщики используют налоговую оговорку путем прибегания к институтам гражданского права. [5] [6] Однако следует отметить, что в рассматриваемых делах налогоплательщику компенсировались налоговые издержки только в случае принятия решения налоговых органов о доначислении ему налогов и сборов, поэтому данные дела не позволяют охарактеризовать положительную судебную практику по возможности учета расходов при переложении налогового бремени. Указанный факт лишает налогоплательщиков использовать более эффективные кредитные ставки и, соответственно, принимать более выгодные управленческие и экономические решения.

Иностранному финансовому организации становится невыгодно предоставлять кредиты и займы налогоплательщикам тех стран, доход от источников которых приводит к повышению налогового обязательства, иными словами, снижается рентабельность финансовой услуги ввиду возрастания налоговых издержек в зависимости от страновой принадлежности налогоплательщика, поэтому для

поддержания конкурентоспособности иностранных кредитных организаций выпадающие налоговые издержки должны быть компенсированы.

В большинстве развитых стран мира вопросы привлечения иностранного капитала и его налогообложения регулируются соглашениями об избежание двойного налогообложения (далее – СИДН). В них, как правило, устанавливаются пониженные ставки по налогам с инвестиций в одного государства в другое, например, пониженная ставка по дивидендам или по процентному доходу. Таким образом в СИДН отражается текущая фискальная (протекционистская или фритредерская) позиция государства: если государство поощряет привлечение иностранного капитала путем добровольного недополучения бюджетом определённого объема денежных средств, то в СИДН закрепляются пониженные налоговые ставки, в противном случае интеграция государства в мировую финансовую систему замедляется.

Следует отметить замечание Д.С. Коломеева, который считает, что установление дополнительной ставки международными финансовыми организациями, компенсирующей налоговое обязательство, может привести к формально-дискриминационному характеру устанавливаемой процентной ставки для иностранных контрагентов ввиду разных юрисдикционных ставок, устанавливаемых в соответствии с СИДН.[7]

Для решения поставленной проблемы в международной практике активно применяется институт переложения налогового бремени – *tax gross-up*¹. Согласно данному правилу, кредитная организация получает процентный доход в объеме, который бы она получила при предоставлении денежных средств национальному резиденту, то есть на получателя займа (например, российскую организацию) возлагается обязанность компенсировать все налоговые издержки, связанные с получением и выплатой как тела займа, так и процентов по нему.[8]

Введение данного института в РФ позволит быстрее интегрироваться в мировую финансовую систему и наполнить финансовый рынок более выгодными предложениями, предусматривающими пониженные кредитные ставки, со стороны иностранных кредитных организаций. Следует обратить внимание на риски введения *tax gross-up* в России, а именно: 1) предложение финансовых услуг дешевле, чем предлагают отечественные участники финансового рынка, может привести к невостребованности их услуг на внутреннем рынке и, как следствие, банкротству, поскольку ставки кредитов будут напрямую зависеть от ключевой ставки Центрального банка РФ, в то время как иностранные организации могут не ориентироваться на ее значение при установлении налоговых ставок; 2) интеграция Российской Федерации в мировую финансовую систему может стать причиной еще больших потерь в случае глобального финансового кризиса, как это имело место,

¹ Вариант перевода, предлагаемый автором.

например, в 2008 г.. Степень этих рисков в текущей обстановке кажется минимальной, поскольку, во-первых, популярность использования услуг иностранных кредиторов не станет слишком большой ввиду абсолютной дороговизны их получения, во-вторых, Российская Федерация уже существенно интегрирована в мировую финансовую систему так, что банкротство одной крупной финансовой структуры приведет к ее распространению.

Применение *tax gross-up* может быть оценено как невыгодное налогоплательщику и, тем самым, сделать неактуальным введение данного института в отечественное законодательство ввиду того, что налогоплательщик будет нести дополнительные расходы, связанные с получением кредита или займа. Однако на деле, применение пониженных кредитных ставок, предлагаемых иностранными кредиторами, даже с учетом дополнительных издержек оказывается намного выгоднее для налогоплательщика.

Согласно одному из толкований *tax gross-up*, представленному в обзоре зарубежного исследователя Роберта Вуда, [9] данный институт представляет собой возможность возложения обязанности по уплате суммы налога в полном объеме одной из сторон. Таким образом, расходы налогоплательщика, учитываемые в рамках данного института, можно поделить на две основные категории: а) расходы, связанные с получением кредита и займа; б) расходы, связанные с выпадающими налоговыми доходами кредитора. Данная классификация позволяет разграничить законодательную возможность налогоплательщика принять к учету расходы для исчисления налога на прибыль.

Согласно ПБУ 15/2008 к расходам, связанным с выполнением обязательств по полученным кредитам и займам, относятся и дополнительные расходы, которые, в частности, могут включать себя затраты на консультационные и информационные услуги. [10]

НК РФ содержит положения, позволяющие налогоплательщику учесть расходы, связанные с получением кредитов и займов, в целях исчисления налога на прибыль (пп. 2 и пп. 20 п. 1 ст. 265 НК РФ), такие траты могут иметь, например, если осуществляется обмен корреспонденции посредством использования услуг почтовых организаций. Такие расходы должны соответствовать общим критериям расходов, изложенным в ст. НК РФ, т.е. быть экономически обоснованными и документально подтвержденными.

Другая категория расходов – расходы, связанные с компенсацией выпадающих налоговых доходов кредитора, которые в целях учета по налогу на прибыль в Налоговом Кодексе не предусмотрены. По своей сути данная часть института *tax gross-up* представляет собой обязанность исчислить, удержать и перечислить в бюджет денежные средства у источника дохода отечественной организацией, осуществляющей функции налогового

агента, снижая тем самым часть доходов кредитора, что снижает привлекательность выдачи кредитов и займов отечественным организациям и конкурентоспособность национальных финансовых институтов.

Для решения данной проблемы можно использовать два способа: 1) обеспечить принятие СИДН, устанавливающего пониженную либо нулевую ставку налогообложения по доходам с процентов долговых обязательств; 2) Введение в Налоговый Кодекс изменений, предусматривающих возможность учета налогоплательщиками расходов по компенсации налогового обязательства иностранного финансового кредитора.

Первый способ следует считать менее предпочтительным, поскольку, во-первых, в настоящее время наметилась пробюджетная политика Российской Федерации, в т.ч. и путем пересмотра СИДН, а, во-вторых, применение пониженных ставок налогообложения станет возможно только с теми государствами, с которыми удастся договориться, т.е. появится зависимость от территориальной принадлежности кредитора.

Второй способ позволит принимать расходы налогоплательщика независимо от страны инкорпорации (или иного критерия определения места происхождения организации) кредитора и вне зависимости от политических отношений с конкретным государством, что существенно повысит количество налогоплательщиков, способных учесть такие расходы по налогу на прибыль.

Так, п. 1 ст. 265 НК РФ, регулирующий состав расходов, принимаемых налогоплательщиком в целях исчисления налога на прибыль, может быть дополнен следующим подпунктом: «2.1 Расходы, связанные с компенсацией налогов и сборов, уплачиваемых иностранным организациям при предоставлении налогоплательщику кредитов и займов.»

Принятие изменений в НК РФ в части имплементации института tax gross-up позволит привлечь иностранный капитал отечественным организациям и развить внутреннюю инфраструктуру, кроме того внесение поправок в Налоговый кодекс позволит осуществлять деятельность резидентов более эффективно благодаря использованию ими более дешевых финансовых инструментов.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. ст. 3340.
3. Постановление Федерального Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.11.2007

№ Ф08–6533/07–2426А по делу № А32–64047/2005–52/1280.

4. Определение Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 07.02.2008 № 827/08 по делу № А-32–64047/2005–52/1280.
5. Постановление Федерального Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05.06.2017 № Ф08–2428/2017 по делу № А53–22858/2016.
6. Решение Федерального Арбитражного суда Свердловской области от 29 марта 2018 г. по делу № А60–65645/2017.
7. Коломеец Д.С. Исполнение обязанности налогового агента в отношении процентного дохода по международным займам и кредитам // Труды Института государства и права РАН. 2010. № 1. С. 166.
8. Логинова Т.А. Способы оптимизации налогообложения, применяемые холдинговыми компаниями // Финансовый журнал. 2015. № 2 (24). С. 38.
9. Роберт В. Вуд. Использовать налоговую оговорку или нет? // Калифорнийский налоговый юрист. 2010. С. 15.
10. Приказ Минфина России от 06.10.2008 № 107н (ред. от 06.04.2015) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет расходов по займам и кредитам» (ПБУ 15/2008)» // Зарегистрировано в Минюсте России 27.10.2008 № 12523.

SHIFTING THE TAX BURDEN ON THE DOMESTIC TAXPAYER IN INTERNATIONAL CONTRACTUAL RELATIONS (TAX GROSS UP INSTITUTE)

Kulakov A.O.
Moscow State University

The article discusses the possibility of legislative implementation of the institution of shifting the tax burden. In view of the fact that the integration of the Russian economy into the world financial market is impossible without adapting the basic principles of international settlements and transnational interbank lending, it is necessary to make timely changes to the national domestic base. Thus, with the development of the provision of financial services, tax residents are increasingly turning to foreign financial institutions. However, the provision of loans and borrowings to tax residents of the Russian Federation is often not carried out due to the obligation of non-residents to pay income from interest on the interest income received, that is, due to the absence in the Tax Code of the Russian Federation of the institution of shifting the tax burden on the counterparty, the so-called tax gross up. The introduction of this institution will make the economy more attractive for foreign investors – it will open up the possibility of providing loans and borrowings to domestic organizations, reducing tax costs, and will also make the financial services market in the Russian Federation more competitive, leading to competition among financial market participants both domestically and beyond.

Keywords: Tax burden, international financial institute, tax gross-up, tax agent, interest income, double taxation treaty.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. article 3301.
2. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) of 05.08.2000 No. 117-FZ (as amended by 02.07.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation, 2000. No. 32. Article 3340.

3. Determination of the Federal Court of Arbitration of North Caucasian Federal District of 06.11.2007 No. F08–6533/07–2426A on case No. A32–64047/2005–52/1280.
4. Definition of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation of 07.02.2008 No. 827/08 on case No. A-32–64047/2005–52/1280.
5. Determination of the Federal Court of Arbitration of North Caucasian Federal District of 05.06.2017 No. F08–2428/2017 on case No. A53–22858/2016.
6. Decision of the Federal Arbitration court of Sverdlovsk region of 29.04.2018 on case No. A60–65645/2017.
7. Kolomets D.S. Performance of the duty of a tax agent in respect of interest income on international loans and borrowings // Work of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2010. № 1. P. 166
8. Loginova T.A. Tax optimization methods used by holding companies // Financial journal. 2015. № 2 (24). P. 38.
9. Robert W. Wood. To Tax Gross Up Or Not To Tax Gross Up? // California Tax Lawyer. 2010. P. 15.
10. Order No. 107n of the RF Ministry of Finance of 06.10.2008 (as amended 06.04.2015) «On the Approval of the Accounting Regulations» Accounting for Borrowing Expenses «(PBU 15/2008)»/Registered with the RF Ministry of Justice 27.10.2008 No. 12523.

Понятие и правовая природа субсидиарной ответственности в рамках процедур банкротства по законодательству Российской Федерации

Толмачева Ирина Алексеевна,
аспирант кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»

В данной статье автор рассматривает правовое регулирование института субсидиарной ответственности на современном этапе, имеющиеся в законодательстве противоречия и пути их преодоления, приходит к выводу о том, существующее правовое регулирование рассматриваемого вида ответственности нарушает принцип ограниченной ответственности юридического лица, который способствовал привлечению средств в различные, в том числе рискованные коммерческие предприятия. Автор раскрывает понятие субсидиарной ответственности при банкротстве, согласно которому, субсидиарная ответственность при банкротстве – это вид гражданско-правовой ответственности при котором субсидиарный ответчик несет дополнительную ответственность по обязательствам основного должника, который применяется в случаях, установленных законодательством или договором. В заключении делается вывод о том, что ряд вопросов, рассматриваемых арбитражными судами в каждом конкретном деле, подлежит законодательному разрешению.

Ключевые слова: экономическая деятельность, субсидиарная ответственность, возмещение вреда, лимит ответственности, экономическая обоснованность, субсидиарный должник.

Одним из способов правового регулирования экономической деятельности является субсидиарная ответственность руководителей перед кредиторами по обязательствам должника.

Крюкова Ю.Я. рассматривает субсидиарную ответственность при банкротстве, как гражданские правоотношения в результате которых у руководителя возникают обязательства перед кредиторами за ненадлежащее исполнение основным должником своих обязательств [24].

Каминка А.И. считал, что субсидиарная ответственность контролирующего лица без установленного лимита ответственности является обособленной, если руководство организации находится непосредственно в руках контролирующего лица [23].

В свою очередь, принцип ограничения ответственности в науке гражданского права рассматривается как «правовой локомотив развития экономики» [25], который позволил привлекать средства в различные, в том числе рискованные коммерческие предприятия [21].

Егоров А.В, преподаватель в Российской школе частного права и Московской высшей школе социальных и экономических наук), Усачева К.А. объясняют принцип ограниченной ответственности наличием особой структуры управления, в которой акционеры отстраняются от руководства деятельностью общества, а соответствующая функция переходит к независимым управляющим [22].

Вышеуказанный способ правового регулирования, по мнению автора, нарушает принцип ограниченной ответственности юридического лица, который способствовал привлечению средства в различные, в том числе рискованные коммерческие предприятия [21].

Гутников О.В., которое разделяется автором, считает, что ответственность за неправомерные действия контролирующего лица должна применяться лишь в исключительных случаях, при этом перспективно при этом конструирование субсидиарной ответственности как особого рода деликта, по которому субсидиарный должник причиняет вред кредиторам юридического лица, являясь причиной неисполнения или ненадлежащего исполнения основным должником своих обязательств перед кредиторами. Право требования возмещения вреда в пользу юридического лица по такому деликту целесообразно было бы предоставлять кредиторам или конкурсному управляющему [20].

Нормы гражданского законодательства и банкротного по-разному регулируют институт субсидиарной ответственности, а именно:

1. Для привлечения к субсидиарной ответственности, согласно гражданскому законодательству необходимо доказать переход денежных средств (имущества) должника к контролирующим должника лицам (п. 22 постановления Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»), а для привлечения к ответственности, согласно банкротному законодательству, достаточно доказать наличие виновных действий со стороны контролирующих должника лиц (п. 8, п. 17 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»);

2. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ) бремя доказывания возложено на заявителя, а Закону о несостоятельности (банкротстве) (далее – Закон) бремя опровержения наличия в действиях вины несет ответчик.

Автор считает, необходимым унифицировать нормы ГК РФ и Закона. Внести изменения в главу III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве», указав, что для привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве заявителю необходимо доказать переход денежных средств (имущества) должника к контролирующим должника лицам.

Рассмотрев особенности субсидиарной ответственности при банкротстве, автор пришел к выводу о наличии противоречий в его правовом регулировании. Автор считает, что к данным правоотношениям не должны применяться положения статьи 399 ГК РФ, а нормы Закона нуждаются в доработке (разрешить вопрос о неправомерных действиях со стороны руководителей, определение вины, размера вреда и причинной связи).

Понятие недобросовестных и (или) неразумных действий содержится в Определениях Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2017 № 305-ЭС17–17279 по делу № А40–178997/2014, от 13.06.2017 № 305-ЭС15–7849(3) по делу № А40–58293/2012.

При этом оценка существенности производится арбитражным судом в каждом деле самостоятельно.

Например, при рассмотрении дела № А41–33464/18 арбитражный суд Московской области установил, что генеральным директором была заключена сделка с заинтересованностью (заключена с обеих сторон одним и тем же лицом и была совершена без соответствующего согласия и одобрения сделки).

По делу № А41–23050/18 арбитражный суд Московской области признал факт совершения генеральным директором неправомерных действий, которые причинили вред должнику.

Арбитражный суд установил, что генеральный директор выдал поручительство. При этом на дату

заключения договора у должника имелась кредиторская задолженность, которая с учетом размера активов должника, свидетельствует об отсутствии у должника возможности исполнить принятые на себя обязательства.

Ответчик не обосновал и не привел доводов и доказательств, свидетельствующих об экономической обоснованности для должника в выдаче подобного рода поручительства.

Суд пришел к правильному выводу, что сделки, совершенные генеральным директором от имени должника, причинили вред последнему и его кредиторам, при этом генеральный директор намеренно действовал во вред Обществу. Действия генерального директора привели к невозможности удовлетворения требований кредиторов должника, в связи, с чем удовлетворили требования о взыскании с бывшего руководителя денежных средств [10].

Под существенностью применительно к отсутствию (искажению) документов бухгалтерского учета и отчетности, Верховный Суд Российской Федерации предложил понимать – отсутствие возможности у суда определить круг лиц, вследствие действий которых возникли сложности при выявлении подозрительных сделок.

Так, в рамках дела № А40–39549/18 арбитражный суд города Москвы указал, что невозможность взыскания с должника денежных средств явилась следствием ненадлежащего исполнения руководителем своих обязательств.

В период, когда должник уже имел признаки банкротства, являясь контролирующим лицом двух организаций – и должника, и его контрагента, совершил перевод денежных средств со счета должника на счет контрагента, а затем вывел указанные денежные средства из оборота, чем причинил существенный вред имущественным правам кредиторов.

Судом установлено, что должником перечислено на личную банковскую карту руководителя 3255 978 руб. 17 коп. с назначением платежа «заработная плата» и «под отчет», с учетом информации налогового органа об отсутствии отчислений с указанных сумм в пенсионный фонд и бюджет, суд признал не являющимися заработной платой.

Суд указал на неисполнение руководителем обязательства по обращению в суд с заявлением должника о собственном банкротстве и неисполнение обязанности бухгалтерских документов, документов бухгалтерского учета и (или) отчетности, обязанность по ведению (составлению) и хранению которых установлена российским законодательством, что не позволило сформировать конкурсную массу, в том числе путем взыскания дебиторской задолженности и оспаривания сделок [11].

При рассмотрении дела № А40–81088/16 арбитражный суд города Москвы исходил из того, что в результате незаконных действий контролирующего должника лица по завышению расходной части и занижению налогооблагаемой базы, выво-

да денежных средств через «фирмы-однодневки» причинен вред имущественным правам кредиторов должника [12].

Законом установлено, что если должник признан несостоятельным (банкротом) вследствие действий (бездействия) нескольких контролирующих должника лиц, то в этом случае они солидарно несут субсидиарную ответственность.

Например, в рамках дела № А12–15647/19 арбитражный суд Волгоградской области на основании оценки представленных в материалы дела доказательств установил, что именно контролирующие должника лица – Овчинников А.В. и Ларионова Е.Ю. совершили неправомерные действия по формированию формального документооборота с недобросовестными контрагентами, без осуществления реальной хозяйственной деятельности, повлекшие безосновательное выбытие денежных средств должника в сумме 167 796 018,17 руб., то есть в размере, достаточном для погашения требований уполномоченного органа, на основании фиктивно составленных документов.

Довод Ларионовой Е.Ю. о недоказанности причинения существенного вреда обществу, причиненной сделкой, апелляционным судом отклонен, поскольку наличие вреда в особо крупном размере установлено приговором Красноармейского районного суда г. Волгограда от 24.06.2019 по делу № 1–10/2019.

Определяя размер, подлежащих взысканию денежных средств, судом также учтена задолженность должника перед налоговым органом в сумме 61 130 811 руб. 65 коп., подтвержденная требованиями об уплате налога, сбора, пени, штрафа № 42867 от 08.07.2016 на сумму 56 918 690,70 руб., № 428868 от 08.07.2016 на сумму 109 461,40 руб., № 43280 от 22.08.2016 на сумму 10 000 руб., № 624806 от 09.08.2016 на сумму 1 040 669 руб., № 624807 от 09.08.2016 на сумму 14 739 руб., № 625361 от 02.09.2016 на сумму 1 309 767 руб., № 330270 от 21.09.2016 на сумму 1 727 484,55 руб. [13].

В рамках дела № А21–15124/2018 арбитражный суд Калининградской области пришел к правильному выводу о недобросовестности ответчика, поскольку он должен был знать о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам Общества, и действовал при наличии конфликта между интересами аффилированных лиц и интересами Общества, что повлекло невозможность Общества исполнять свои кредитные обязательства, исключение Общества из ЕГРЮЛ в принудительном порядке, а также причинение убытков истцу.

По состоянию на 19.11.2018 и на момент исключения Общества из ЕГРЮЛ задолженность не была погашена ООО «Гранд Пегас» в полном объеме и составила 825 000 рублей основного долга и 603 466,26 рублей процентов, а всего 1 428 466,26 рублей.

Таким образом, к взысканию с Общества предъявлялась только сумма 1 428 466,26 рублей,

ввиду чего предъявление дополнительных денежных требований к лицу, несущему субсидиарную ответственность по обязательствам Общества, является необоснованным [14].

Действующее законодательство предусматривает основания для освобождения контролирующих лиц от ответственности:

1. Действия (бездействие) не выходили за пределы обычного делового риска и не были направлены на нарушение прав и законных интересов кредиторов.

При рассмотрении дела № А83–6558/18 арбитражный суд Республики Крым исходил из отсутствия причинно-следственной связи между действиями (бездействием) ответчиков и фактически наступившим объективным банкротством компании, учитывая неподтвержденность того, что действия (бездействие) указанных лиц, повлекшие негативные последствия на стороне должника, выходили за пределы обычного делового риска и были направлены на нарушение прав и законных интересов его кредиторов [15].

По делу № А34–7610/14 арбитражный суд Курганской области пришел к выводу, что заявителем доказана совокупность условий, необходимых для привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам как руководителя должника, не принявшего при увольнении всех необходимых мер по обеспечению сохранности вверенного ему имущества и документации при требуемой от него степени заботливости и осмотрительности, так и его участников, фактически устранившихся от контроля за финансово-хозяйственной деятельностью организации и ее имуществом [16].

При рассмотрении дела № А43–34360/2016 арбитражный суд Нижегородской области правомерно исходил из наличия совокупности условий, необходимых для привлечения заявителя к субсидиарной ответственности ввиду неисполнения им своей обязанности по передаче вновь избранному единоличному исполнительному органу и конкурсному управляющему документации должника, что воспрепятствовало формированию конкурсной массы и удовлетворению требований кредиторов [17].

2. Банкротство было обусловлено исключительно внешними факторами. Если банкротство наступило в результате действий (бездействия) контролирующего лица и внешних факторов, то размер субсидиарной ответственности может быть уменьшен.

В рамках дела № А41–21207/15 арбитражный суд Московской области установил, что банкротство должника вызвано не действиями его руководства, а совокупностью внешних неблагоприятных факторов; кредитором не доказано, что лица являлись контролирующими конечными бенефициарами и влияли на принятие решений, в результате которых был причинен вред кредиторам [18].

Закон предоставляет кредиторам выбор способа распоряжения правом требования о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиар-

ной ответственности. При отсутствии возражений относительно удовлетворения требований суды признают обоснованными заявления кредиторов и производят процессуальное правопреемство в отношении кредиторов.

Например, в рамках дела № А32–54256/2009, арбитражный суд Краснодарского края обоснованно установил наличие оснований для осуществления замены взыскателя на уполномоченный орган, реализовавший свое право на выбор способа распоряжения правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности надлежащим образом и в установленный срок [19].

Подводя итог вышеизложенному, автор приходит к выводу о том, что субсидиарная ответственность при банкротстве – это вид гражданско-правовой ответственности при котором субсидиарный ответчик несет дополнительную ответственность по обязательствам основного должника, который применяется в случаях установленных законодательством или договором.

В связи с недостаточным правовым регулированием института субсидиарной ответственности при банкротстве, арбитражные суды в каждом деле самостоятельно устанавливают контролирующих должника лиц, размер ответственности, порядок предъявления требований и прочее. Автор полагает, что ряд вопросов, рассматриваемых арбитражными судами в каждом деле, подлежит законодательному разрешению.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ)//Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ// Собрание законодательства РФ. – № 49. ст. 4552. 03.12.2001.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»// Парламентская газета – № 209–210. 02.11.2002.
5. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»// Собрание законодательства РФ. -№ 1. ст. 1. 01.01.1996.
6. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»//Российская газета. – № 30. 17.02.1998.
7. Письмо Федеральной налоговой службы России от 16.08.2017 № СА-4–18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ»//Доступ из СПС «Консультант Плюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»//Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. 2018.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» //Доступ из справочно – правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2021 г. № 305-ЭС20-21956 по делу № А41-33464/2018//Доступ из СПС «Консультант Плюс»
11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.02.2019 № 305-ЭС18-24365 по делу № А40-39549/2018//Доступ из СПС «Консультант Плюс»
12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.05.2019 № 305-ЭС19-5565 по делу № А40-81088/2016//Доступ из СПС «Консультант Плюс»
13. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.01.2021 № 306-ЭС20-21252 по делу № А12-15647/2019 //Доступ из СПС «Консультант Плюс».
14. Решение Арбитражного суда Калининградской области от 11.03.2021 по делу № А21-15124/2018//Доступ из СПС «Консультант Плюс»
15. Определение Верховного Суда РФ от 06.04.2021 № 310-ЭС21-3302 по делу № А83-6558/2018//Доступ из СПС «Консультант Плюс»
16. Определение Верховного Суда РФ от 31.03.2020 № 309-ЭС20-2568 по делу № А34-7610/2014//Доступ из СПС «Консультант Плюс»
17. Определение Верховного Суда РФ от 05.09.2019 № 301-ЭС19-14079 по делу № А43-34360/2016//Доступ из СПС «Консультант Плюс»
18. Определение Верховного Суда РФ от 18.05.2020 № 305-ЭС20-5859 по делу № А41-21207/2015//Доступ из СПС «Консультант Плюс»
19. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 января 2021 г. № 308-ЭС17-1634(36) по делу № А32-54256/2009//Доступ из СПС «Консультант Плюс»
20. Гутников Олег Валентинович. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: диссертация ... доктора Юридических наук: 12.00.03 / Гутников Олег Валентинович; [Место защиты: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»], 2019

21. Будылин С. В., Иванец Ю.Л. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и России // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 7. С. 80–125.
22. Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. – № 1. 2014. С. 31–73.
23. Каминка А.И. Акционерные компании. Т. 1. СПб., 1909. С. 489
24. Крюкова Ю.Я. Познание субсидиарного обязательства в гражданском праве России // Проблемы права. – № 7(38). 2012. С. 78–83.
25. Молотников А.Е. Значение института ответственности в регулировании акционерных правоотношений//Правовое регулирование предпринимательской деятельности в рыночной экономике. М.: Юрист, 2008. – С. 58–65.

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF SUBSIDIARY LIABILITY IN THE FRAMEWORK OF BANKRUPTCY PROCEDURES UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tolmacheva I.A.

Russian State University of Justice

In this article, the author examines the legal regulation of the institution of subsidiary liability at the present stage, the contradictions in the legislation and ways to overcome them, comes to the conclusion that the existing legal regulation of the type of liability under consideration violates the principle of limited liability of a legal entity, which contributed to raising funds in various including risky business ventures. The author reveals the concept of subsidiary liability in bankruptcy, according to which subsidiary liability in bankruptcy is a type of civil liability in which the subsidiary defendant bears additional liability for the obligations of the main debtor, which is applied in cases established by law or contract. In the conclusion, it is concluded that a number of issues considered by arbitration courts in each specific case are subject to legislative resolution.

Keywords: economic activity, subsidiary liability, compensation for harm, limit of liability, economic feasibility, subsidiary debtor.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2 -FKZ, dated 01.07.2020 No. 11-FKZ) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 05.12.1994. No. 32. Art. 3301.
3. Civil Code of the Russian Federation (part three) of November 26, 2001 No. 146-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – No. 49. Art. 4552.03.12.2001.
4. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ “On Insolvency (Bankruptcy)” // Parliamentary Gazette – No. 209–210. 02.11.2002.
5. Federal Law of 26.12.1995 No. 208-FZ “On Joint Stock Companies” // Collected Legislation of the Russian Federation. -№ 1. Art. 1.01.01.1996.
6. Federal Law of 08.02.1998 No. 14-FZ “On Limited Liability Companies” // Rossiyskaya Gazeta. – No. 30. 17.02.1998.
7. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated August 16, 2017 No. CA-4-18 / 16148 @ “On the application by tax authorities of the provisions of Chapter III.2 of the Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002” // Access from the ATP Consultant Plus ...
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2017 No. 53 “On some issues related to bringing the controlling debtor to liability in bankruptcy” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 3. 2018.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 6, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 8 dated 01.07.1996 “On some issues related to the application of the first part of the Civil Code of the Russian Federation” // Access from the reference and legal system “ConsultantPlus”.
10. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 26, 2021 No. 305-ES20-21956 in case No. A41-33464 / 2018 // Access from the PCA “Consultant Plus”
11. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.02.2019 No. 305-ES18-24365 in case No. A40-39549 / 2018 // Access from the PCA “Consultant Plus”
12. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.05.2019 No. 305-ES19-5565 in case No. A40-81088 / 2016 // Access from the SPS “Consultant Plus”
13. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 19, 2021 No. 306-ES20-21252 in case No. A12-15647 / 2019 // Access from the SPS “Consultant Plus”.
14. The decision of the Arbitration Court of the Kaliningrad Region dated 11.03.2021 in case No. A21-15124 / 2018 // Access from the ATP Consultant Plus
15. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.04.2021 No. 310-ES21-3302 in case No. A83-6558 / 2018 // Access from the SPS “Consultant Plus”
16. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 31, 2020 No. 309-ES20-2568 in case No. A34-7610 / 2014 // Access from the SPS “Consultant Plus”
17. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.09.2019 No. 301-ES19-14079 in case No. A43-34360 / 2016 // Access from the SPS “Consultant Plus”
18. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/18/2020 No. 305-ES20-5859 in case No. A41-21207 / 2015 // Access from the SPS “Consultant Plus”
19. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 15, 2021 No. 308-ES17-1634 (36) in case No. A32-54256 / 2009 // Access from the SPS “Consultant Plus”
20. Gutnikov Oleg Valentinovich. Civil liability in relations related to the management of legal entities: dissertation ... Doctor of Law: 12.00.03 / Oleg Valentinovich Gutnikov; [Place of defense: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation], 2019
21. S. V. Budylin, Yu.L. Ivanets The doctrine of removing the corporate veil in foreign countries and Russia // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2013. No. 7. S. 80–125.
22. Egorov A.V., Usacheva K.A. The doctrine of “removing the corporate cover” as a tool for distributing risks between corporation members and other subjects of turnover // Bulletin of civil law. – No. 1. 2014. P. 31–73.
23. A.I. Kaminka Joint stock companies. T. 1. SPb., 1909. S. 489
24. Kryukova Yu. Ya. Cognition of subsidiary obligation in civil law of Russia // Problems of law. – No. 7 (38). 2012. S. 78–83.
25. Molotnikov A.E. The value of the institution of responsibility in the regulation of joint-stock legal relations // Legal regulation of entrepreneurial activity in a market economy. M.: Jurist, 2008. – S. 58–65.

Совершенствование административного механизма регулирования налогообложения IT-отрасли: обоснование внедрения цифрового налога

Худяков Павел Алексеевич,

аспирант, кафедры правового регулирования экономики и финансов Института Государственной службы и управления РАНХиГС

E-mail: khudiakovpavel@ya.ru

Данное исследование посвящено проблемам имплементации правовых реформ, направленных на борьбу с уклонением от подоходного налогообложения в стране сбыта цифровых товаров и цифровых услуг путем введения цифрового налога или присоединения к глобальной реформе Pillar I, предложенной ОЭСР. В статье рассматриваются недостатки и преимущества от присоединения Российской Федерации к реформе Pillar I ОЭСР, а также предлагаются концептуальные положения закона о введении цифрового налога с учетом задач по недопущению дестимулирования высокотехнологичного сектора экономики и оттока иностранных ИТ-компаний. Также в статье отражена попытка определить концептуальные основы правового регулирования, которые помимо обеспечения плавного перехода к налогообложению иностранных ИТ-компаний по доходным цифровым налогом, позволят стимулировать ИТ-отрасль российской экономики.

Ключевые слова: Цифровой налог. Реформы ОЭСР. Pillar I. ИТ льготы. Налоговое стимулирование ИТ отрасли.

Методы, предмет, цели и актуальность исследования

Исследование проводилось посредством применения методов системного, логического, сравнительного анализа, а также метода аналогии. Применение данных методов позволило выявить ключевые недостатки и преимущества для российского бюджета от имплементации инициатив ОЭСР в рамках стандартов Pillar I, Pillar II, определить общее влияние от имплементации стандарта или цифрового налога на российские и иностранные ИТ-компании, разработать концептуальные положения по налоговому регулированию цифрового налога, отвечающих как защите фискальных интересов, так и обеспечивающие стимулирование и поддержку ИТ-отрасли российской экономики в целом.

Предметом исследования являются положения стандарта Pillar I, разработанные и предложенные ОЭСР, а также законодательство и законопроекты об имплементации цифрового налога. Целью настоящей статьи является определение недостатков и преимуществ для российской ИТ-отрасли от имплементации стандартов Pillar I в российское налоговое законодательство, так и от одностороннего введения цифрового налога, определение необходимых концептуальных положений закона о введении цифрового налога для сдерживания эффекта дестимулирования ИТ-отрасли, а также предложение возможных мер налогового стимулирования ИТ-отрасли в случае отказа от имплементации стандарта Pillar I и введения цифрового налога. Тема исследования является достаточно актуальной и новой, активного обсуждения данного регулирования на наднациональном уровне и отсутствия большого объема теоретических исследований.

Введение

1 июля 2021 года ОЭСР опубликовало Заявление [1], что более 130 стран и юрисдикций присоединились к налоговым реформам, предусмотренным стандартами Pillar I и Pillar II, которые посвящены реформам в области международного налогообложения, направленным на борьбу с уклонением от налогообложения международных групп компаний и применение справедливого корпоративного налогообложения к прибыли международных групп компаний. Как было отмечено ОЭСР, принципы и элементы международной налоговой системы в настоящий момент не подходят для глобализированной цифровой экономики и требуют реформ.

Разрабатываемые стандарты Pillar I и Pillar II, как отмечено в Заявлении, направлены на обеспечение справедливости корпоративного налогообложения МГК для сохранения определенности и стабильности международных налоговых систем.

Стандарт Pillar I [2] обеспечит справедливое распределение прибыли и налоговых прав юрисдикций в отношении крупнейших МГК. Во многом данный стандарт касается цифрового бизнеса, высокотехнологического сектора экономики. В соответствие со стандартом перераспределению подлежат налоговые права юрисдикций, которые являются рынками для таких МГК, в которых МГК, фактически, осуществляют предпринимательскую деятельность вне зависимости от физического и корпоративного присутствия. Стандарт Pillar II непосредственно направлен на ограничение конкуренции в отношении корпоративных налогов путем введения глобального корпоративного налога с минимальной ставкой. Это позволит защищать налоговую базу юрисдикциям, проигрывающим налоговую конкуренцию на уровне условий корпоративного налогообложения для членов МГК.

Как отмечает ОЭСР, проведение данных реформ поможет восстановить бюджеты и провести необходимые инвестиции в инфраструктуру, социальный сектор, общественные проекты, что в том числе необходимо для восстановления глобальной экономики от последствий пандемии COVID-19. Как отметил генеральный секретарь ОЭСР, Mathias Cormann, реформы Pillar I и Pillar II не устраняют налоговую конкуренцию юрисдикций за налоговую базу крупнейших налогоплательщиков, однако могут установить согласованные ограничения на такую налоговую конкуренцию.

По сообщениям СМИ, Президент РФ Владимир Путин поручил Правительству РФ проработать возможное введение глобального корпоративного налога с учетом национальных интересов государства. Тем не менее в настоящий момент в России активно обсуждаются и рассматриваются инициативы введение цифрового налога со ставкой 3%. Введение цифрового налога рассматривается на уровне Правительства РФ и будет зависеть от фактора присоединения или не присоединения России к инициативам ОЭСР в рамках Pillar I и Pillar II. ОЭСР отмечает, что недостижение консенсуса по вопросам налогообложения прибыли МГК может привести к «развязыванию» торговых войн путем одностороннего установления цифровых налогов, что приведет к потере мирового ВВП на уровне 1%.

Ниже будут рассмотрены последствия от имплементации стандарта по реформе Pillar I и введения цифрового налога, проанализированы недостатки и преимущества между имплементацией стандарта Pillar I и введения цифрового налога, а также определены концептуальные положения налоговой реформы по введению цифрового налога и основы правового регулирования введения и взимания цифрового налога. Соотношение стандарта Pillar II и возможного введения цифрового

налога, по моей оценке, должна стать объектом отдельного полноценного теоретического исследования.

Влияние текущей редакции стандартов ОЭСР на российских налогоплательщиков и иностранных ИТ-компаний, реализующие цифровые товары и услуги на российском рынке

В России плательщиками налога на прибыль являются российские организации, а также иностранные организации, осуществляющие свою деятельность через постоянные представительства и (или) получающие доходы от источников в России. ИТ-компании могут осуществлять реализацию цифровых товаров и услуг не имея физического, корпоративного присутствия в юрисдикции сбыта, тем самым фактически «неналогооблагая» прибыль и доходы, полученные в России.

Имплементация реформ ОЭСР в рамках стандартов Pillar I и Pillar II может являться компромиссным решением для установления на наднациональном уровне справедливого корпоративного налогообложения прибыли цифровых компаний даже в случае отсутствия корпоративного, физического присутствия компании в юрисдикции сбыта. Некоторые юрисдикции уже имплементировали в собственное налоговое законодательство корпоративное подоходное налогообложение иностранных компаний цифровым налогом (например, Великобритания, Италия, Турция), некоторые подготовили законопроекты и только рассматривают возможность введения цифрового налога, ожидая финальную редакцию стандарта Pillar I или Pillar II и результаты переговорного процесса по имплементации реформ (например, Франция, Нидерланды, Испания).

Внедрение стандарта Pillar I предусматривает введение правил налогообложения прибыли МГК в юрисдикции присутствия пользователей (Pillar I A), потребителей, а также введение правил о минимальном уровне вознаграждения дистрибьютеров МГК с минимальными функциями в стране сбыта (Pillar I B).

В соответствии с положениями Pillar A МГК будет уплачивать налог в конкретной юрисдикции присутствия пользователей после превышения определенных порогов выручки, которые, как ожидается, будут достаточно существенными (по состоянию на конец августа 2021 года реформа претерпела существенные изменения, в частности, был предложен достаточно высокий порог в 20 миллиардов евро консолидированной выручки МГК). В соответствии с реформами Pillar B уровень рентабельности планируется определять на наднациональном уровне и применять правила о минимальном уровне вознаграждения для любого бизнеса МГК.

Что касается последствий от имплементации стандарта Pillar A для российских налогоплательщиков-ИТ компаний, то не ожида-

ется, что внедрение стандарта существенно повлияет на российских налогоплательщиков как в части фискальной нагрузки, так и в части нагрузки по ведению дополнительной отчетности. Действие правил Pillar I А будет распространяться только на крупнейшие МГК с консолидированной выручкой не менее 20 миллиардов евро (порог был пересмотрен и существенно увеличен по сравнению с первой редакцией стандарта, в которой планировалось, что под действие правил подпадут МГК с годовым оборотом не менее 750 миллионов евро) и порогом по выручке в стране сбыта не менее 1 миллиона евро (250 тысяч евро при определенных условиях). Крупные российские компании телекоммуникационной и ИТ индустрии не имеют столь существенных финансовых результатов, и часто не практически не присутствуют на иностранных рынках, или уровень сбыта на таких рынках существенно ниже предложенных ОЭСР порогов. По информации, доступной в открытых источниках за 2020 год консолидированная выручка «Группы» Яндекс составила чуть больше 205 миллиардов рублей, корпорации «Лаборатория Касперского» не превысила 55 миллиардов рублей, а консолидированная выручка «Мейл.ру Групп» за 2020 год составила чуть больше 107 миллиардов рублей. Таким образом, с большей долей вероятности, стандарт Pillar I не повлияет на российские компании-крупнейшие МГК в связи с чрезмерно высоким квалифицированным порогом для подпадания под действия глобальных правил и не столько существенное вовлечение российских ИТ корпораций в глобальную цифровую экономику.

Российский бюджет в свою очередь вероятно может получить дополнительные налоговые поступления от имплементации стандартов Pillar I в случае, если уровень выручки иностранных МГК-ИТ компаний от российских клиентов превысит 1 миллион евро. Российский бюджет в случае присоединения к стандартам получит права на налогообложения прибыли, соответствующей пропорциональной доли выручки иностранной МГК в России. Стоит отметить, что в настоящий момент отсутствуют какие-либо официальные исследования, рассчитывающие возможный прогноз налоговых поступлений от иностранных МГК в случае имплементации стандартов ОЭСР.

Цифровой налог: поиск компромиссов и концептуальные основы регулирования

Реформа Pillar I предусматривает отказ присоединившихся к реформе юрисдикций и имплементирующих стандарт от введения в национальное законодательство цифровых налогов. Как отмечается в докладе Центра стратегических разработок 2020 года России важно сделать выбор между ожиданием финальных версий реформ ОЭСР в части стандарта Pillar I и введением в одностороннем порядке цифрового налога. По мнению ЦСР [3, с. 5–7], аргументами, на основании которых можно было бы

сделать выбор в пользу цифрового налога являются обеспечение защиты фискальных интересов от рисков недостижения договоренности по стандарту Pillar I, а также принятие решение на уровне ОЭСР об опциональном характере применения Pillar I МГК.

Согласно рекомендациям ЦСР [3, с. 36], в случае, если ОЭСР не удастся договориться по имплементации стандарта Pillar I, Россия сможет оперативно ввести цифровой налог на постоянной основе. ЦСР приводит в пример Францию, которая «разморозит» инициативы по введению цифрового налога в случае недостижения консенсуса на уровне ОЭСР. Следует отметить, что в настоящий момент законопроект о введении цифрового налога не разработан (даже в части концептуальных основ правового регулирования).

Российский законодатель предпринимает множественные попытки по созданию благоприятных условий для ведения бизнеса в сфере высоких технологий для российских компаний и в частности способствует формированию правового регулирования, устанавливающих равные условия ведения бизнеса для российских и иностранных поставщиков цифровых товаров и услуг. В июле 2020 году был принят законопроект о «налоговом маневре в ИТ-отрасли», начиная с 1 января 2021 года вступили в силу налоговые льготы по налогу на прибыль и преференции по страховым взносам для ИТ компаний, были внесены изменения в части налогообложения НДС реализации российского программного обеспечения и баз данных [4]. В 2017 году вступило в силу законодательство о налогообложении НДС электронных услуг, оказываемых иностранными поставщиками [5].

Данное налоговое регулирование ИТ сектора экономики, направлено на защиту национальных экономических интересов, уравнивание российских и иностранных поставщиков, а в отдельных случаях и предоставление налоговых преференций для отдельных налогоплательщиков, создания правовых механизмов для конкурентной борьбы российских ИТ-компаний как на национальном, так и на международном рынках.

ЦСР отмечает, что одним из негативных последствий введения цифрового налога в одностороннем порядке является рост неопределенности для международного бизнеса. С данным тезисом, выдвинутом ЦСР, можно поспорить, поскольку данный негативный эффект можно преодолеть компромиссным налоговым регулированием и правильной юридической конструкций введения и взимания цифрового налога.

Установление цифровых налогов в развитых экономиках стран ОЭСР направлено в первую очередь на крупнейших поставщиков цифровых услуг и цифровых товаров, для которых налоговое регулирование и стоящая за этим возможная налоговая нагрузка, не является критерием для осуществления или неосуществления инвестиций, а представляет собой лишь дополнительный «фискальный» расход.

Такие негативные последствия как возможное подорожание цифровых товаров и услуг для российских потребителей, производимых и поставляемых как российскими, так и иностранными компаниями, а также повышение налоговой неопределенности бизнеса, отмечается и другими авторами [6] однако с такой позицией можно поспорить, используя следующие аргументы. Введение цифрового налога для иностранных компаний в первую очередь приведет к включению дополнительных «налоговых» затрат в себестоимость продаж цифровых товаров, цифровых услуг российским пользователям. Дополнительные «фискальные расходы» в первую очередь повлияют на общий уровень чистой рентабельности иностранной компании по отгрузкам цифровых товаров и цифровых услуг на российском рынке.

Возможное повышение цен иностранными поставщиками может повлечь отток потенциальных клиентов и снижение привлекательности продуктов и услуг по сравнению с локальными российскими конкурентами. Большая вероятность, что менеджмент иностранных поставщиков цифровых товаров и цифровых услуг согласится с потерей рентабельности, и включат цифровой налог в «себестоимость» продаж цифровых товаров и цифровых услуг в пользу российских клиентов. При этом, в настоящей статье, приведены некоторые стимулирующие меры для, которыми могут воспользоваться иностранные поставщики цифровых товаров и цифровых услуг для минимизации эффекта.

Важно не только определить правовые основы установления и взимания цифрового налога, определить понятие цифрового налога, а также элементы юридического состава налога, но и рассмотреть возможность имплементации стимулирующего ИТ-отрасль правового регулирования, вводящего льготы и преференции для налогоплательщиков цифрового налога. Комплексная оценка элементов юридического состава налога в совокупности с выстроенной системой налогового администрирования сыграет решающую роль в общеэкономическом и фискальном эффекте при введении цифрового налога.

Таким образом, необходимо рассматривать цифровой налог не только как средство защиты фискальных интересов государства и борьбу с уклонением от налогообложения прибыли иностранных ИТ-компаний, но и как правовой механизм налоговой конкуренции за налоговую базу с иностранными юрисдикциями и как правовое средство стимулирования ИТ отрасли российской экономики. Далее я хотел бы предложить концептуальные положения законодательства об имплементации цифрового налога, которые отвечают данным задачам.

Необходимо ввести цифровой налог для иностранных ИТ компаний, реализующих в пользу российских клиентов юридических и физических лиц цифровые услуги и цифровые продукты, отказавшись от имплементации глобальных реформ ОЭСР, в частности, положений, предусмотренных стандартом Pillar I.

Определить и закрепить в налоговом законодательстве элементы юридического состава налога. При введении цифрового налога важно детально проработать элементы юридического состава налога и особое внимание обратить на объект налогообложения и налоговую базу по цифровому налогу. В качестве объекта налогообложения установить выручку от реализации цифровых услуг, продажи цифровых товаров в пользу российских пользователей – физических и юридических лиц.

Выбор прибыли от реализации цифровых товаров и цифровых услуг в качестве объекта налогообложения цифровым налогом при повлекло бы возникновения сложностей при определении налоговой базы для самих налогоплательщиков, так трудностей при налоговом администрировании и контроле, что в конечном счете означало бы возникновение многочисленных налоговых споров по методологии расчета налоговой базы, экономической обоснованность и документальной подтвержденности произведенных расходов.

Обращаясь к опыту зарубежных государств, уже имплементировавших цифровой налог или подготовивших законопроект об введении цифрового налога, можно отметить, что Италия и Франция в качестве объекта налогообложения установили исключительно доходы от реализации «цифровых товаров и услуг», исключив при этом расходы, связанные с такой реализацией при определении налоговой базы. Итальянское законодательство отдельно предусматривает [7], что вычет каких-либо расходов для определения налоговой базы по цифровому налогу, связанных с реализацией цифровых товаров и цифровых услуг невозможен. Таким образом, сложности, связанные с особенностью исчисления налоговой базы по цифровому налогу, администрированием и контролем не позволят определить прибыль в качестве объекта налогообложения. Подход к определению цифровых товаров и цифровых услуг, для целей исчисления и уплаты цифрового налога, отраженный в исследованиях отдельных специалистов является обоснованными и в целом соответствует российской налоговой практике и теории.

Важно установить налогоплательщиков цифрового налога на которых будет возложена обязанность по плате цифрового налога. Налогоплательщиком цифрового налога могут являться иностранные организации-члены МГК, осуществляющие реализацию цифровых товаров и цифровых услуг физическим лицам и организациям на территории Российской Федерации при достижении такими ими определенных в нормативно-правовом акте порогов по величине консолидированной выручки цифровых товаров и цифровых услуг, местом реализации которых признается территория Российской Федерации.

При определении круга налогоплательщиков цифрового налога важнейшим представляется определение данных порогов, что позволит как администрировать цифровой налог, контролировать исчисление и уплату цифрового налога. По моей

оценке, законодателю необходимо рассмотреть вопрос об установлении порогов для подпадания иностранных ИТ-компаний под действие правил о налогообложении цифровом налогом в России с учетом установления дифференцированной налоговой ставки.

Что касается возможной налоговой ставки по для цифрового налога, в профессиональном сообществе, а также правительственной комиссии обсуждается установление единой ставки для всех плательщиков цифрового налога в размере 3%, что в целом соответствует общемировому тренду (ставка цифрового налога в Италии, Испании, Новой Зеландии, Франции составляет 3%, Великобритании, Греции – 2%). Тем не менее, по моей оценке, законодатель может рассмотреть возможность установления дифференцированной налоговой ставки по цифровому налогу в зависимости от чистой маржинальности ИТ-компаний на уровне консолидированной отчетности или на уровне локальной чистой прибыли. Это позволит как избежать возможных негативных последствий от оттока низкомаржинальных ИТ-компаний, так и стимулировать сбыт на российском ИТ рынке.

Минфин в целом не поддерживает инициативы по дифференциации ставки по налогу на прибыль [8], ссылаясь на недискриминационный характер налогообложения, однако существуют отдельные исследования в доктрине [9], которые обосновывают возможность установления дифференцированных налоговых ставок по подоходному налогообложению в определенных случаях с соблюдением принципов справедливости и недискриминационной налогообложения. В теории финансового права длительная время рассматривается правовая природа классического принципа справедливости налогообложения. Помимо общих принципов построения налоговой системы, существуют частный принцип оптимального уровня налоговых ставок [10]. Важнейшей характеристикой эффективности налоговой системы является дифференциация ставок налогообложения и ее обоснованность. Так, именно соблюдение принципа оптимального уровня налоговых ставок в определенных случаях может позволить реализовать на практике правовой принцип справедливости налогообложения.

Принимая во внимание позицию, выработанную доктриной, установление дифференцированных налоговых ставок по цифровому налогу может являться экономически обоснованным и соответствовать правовому принципу справедливости налогообложения при их введении для цифрового налога.

В качестве возможного регулирования можно рассмотреть возможность введения пониженных налоговых ставок для иностранных поставщиков цифровых товаров и услуг, подпадающих под цифровой налог, имеющих небольшой уровень чистой прибыли, вне зависимости от объема реализации цифровых товаров и цифровых услуг российским пользователям. При этом, повышенные налоговые ставки можно установить для крупнейших ино-

странных ИТ компаний-членов МГК, имеющих высокий уровень чистой рентабельности по данным консолидированного отчета.

Установление дополнительной фискальной нагрузки на среднемаржинальные иностранные ИТ компании потенциально может затруднить для них выход на российский рынок, а удорожание себестоимости не позволит конкурировать с российскими поставщиками цифровых товаров и услуг. Налоговые ставки по цифровому налогу для таких компаний должны быть минимальными и не устанавливать существенные фискальные барьеры для доступа на российский рынок. При разработке правового регулирования в данной части за основу законодатель может взять концепции о минимальном уровне рентабельности, разработанные ОЭСР в рамках работы над стандартом Pillar 1.

Что касается порога по консолидированной по консолидированной выручке компании для ее признания плательщиков цифрового налога, то, по моей оценке, Россия должна стремиться к общему тренду у установить порог на уровне первоначальной редакции стандартов ОЭСР – от 500 до 750 миллионов евро. В доктрине и профессиональном сообществе, в целом, поддерживается такой подход.

Что касается факультативных элементов юридического состава возможного цифрового налога, можно предусмотреть для возможности применения налоговых вычетов в отношении отдельных расходов иностранных ИТ компаний-плательщиков цифрового налога. Сущность данных налоговых вычетов может заключаться в закреплении в законодательстве возможности уменьшить базу для исчисления цифрового налога на величину расходов на приобретение услуг по разработке, доработке, модификации, адаптации программного обеспечения, а также расходов на приобретение ИТ услуг, связанных с получаемыми в России доходами от реализации цифровых товаров и услуг, у российских налогоплательщиков-независимых по отношению к такой иностранной ИТ компании организаций, физических лиц.

Подобная мера позволит простимулировать для иностранных ИТ компаний приобретение ИТ работ и услуг у российских организаций. Принимая во внимание высокий технический уровень российских инженеров-разработчиков и общую востребованность российской экспертизы по разработке и ИТ услугам у иностранного бизнеса (ввиду высокого уровня развития отрасли при умеренных ценах на ИТ-услуги) введение подобных мер может вполне повлечь дополнительное стимулирование приобретения ИТ-услуг у российских поставщиков и заинтересованность иностранных ИТ-компаний-потенциальных плательщиков цифрового налога в применение налоговых вычетов.

Данная мера должны быть в первую очередь направлена не на достижение положительного фискального эффекта, а на повышение конкурентоспособности российских организаций-поставщиков технологических услуг, российских

организаций-независимых разработчиков в борьбе за глобальный рынок услуг по разработке, рынок ИТ услуг. Схожий механизм, при этом, не имеющий стимулирующего эффекта был имплементирован в Великобритании, в которой, любой плательщик цифрового налога может уменьшить величину доходов от оказания цифровых услуг за отчетный период на 25 миллионов фунтов стерлингов, что в целом и является возможностью применить стандартный фиксированный налоговый вычет [11].

Одновременно с введением цифрового налога, установлением всех обязательных и факультативных элементов юридического состава цифрового налога необходимо разработать и внедрить законодательство, предусматривающее стимулирование миграции ИТ-компаний в российскую налоговую юрисдикцию и создание корпоративного присутствия для целей налогообложения.

Одновременно с введением цифрового налога необходимо разработать и имплементировать законодательство, в соответствии с которым, иностранным ИТ-компаниям-плательщикам цифрового налога, регистрирующим в России юридическое лицо для целей создания корпоративного присутствия и перевода потока доходов от реализации цифровых товаров и цифровых услуг под российское налогообложение, таким образом фактически совершающим миграцию в Российскую налоговую юрисдикцию, будет предоставлена возможность уменьшить налоговую базу по налогу на прибыль на величину ранее уплаченного цифрового налога при условии осуществления непрерывной деятельности в России на протяжении нескольких налоговых периодов.

Также, дополнительные налоговые льготы можно предусмотреть для иностранных компаний-МГК-мигрирующих в Российскую налоговую юрисдикцию плательщиков цифрового налога, в случае перевода нематериальных активов, монетизируемых как в Российской Федерации, так и в иностранных юрисдикциях. В частности, таким компаниям может быть предоставлен относительно длительный период для применения пониженной ставки по налогу на прибыль и страховым взносам, которые уравнивают такие Компании с российскими налогоплательщиками-применяющими льготы для ИТ-компаний.

Долгосрочными результатами предложенных выше мер могут также стать как будущие налоговые поступления как от внутрироссийских продаж, так и от общемировых продаж, а также общий стимулирующий для высокотехнологического сектора экономики эффект, достигнутый налоговым регулированием. Возможные санкционные риски (например, зеркальные меры по обложению доходов резидентов цифровым налогом) в случае одностороннего введения Российской Федерацией цифрового налога, действительно могут повалить на эффективность данных налоговых мер по стимулированию миграции ИТ-компаний. В этом случае, законодатель должен предусмотреть, чтобы фи-

нансовые выгоды ИТ-компаний от перехода в Российскую налоговую юрисдикцию перекрывали финансовые потери при отгрузке «уже» иностранным клиентами в юрисдикциях, которые введут дополнительные налоговые, таможенные ограничения.

Результаты

Вышеописанные концептуальные основы налогового регулирования введения и взимания цифрового налога, по моей оценке, могут способствовать смягчению негативного финансового эффекта для иностранных ИТ-компаний и созданию условия для стимулирования высокотехнологичный сектора. При этом, установление дифференцированных налоговых ставок, возможности осуществления налогового вычета, а также потенциальную возможность возврата ранее уплаченного цифрового налога и применения налоговых льгот при «миграции» в российскую налоговую юрисдикцию, должно создать для иностранных компаний налоговый режим, способствующий как уплате налога или созданию в России корпоративного присутствия, так и росту инвестиций в российский технологический сектор.

Обсуждение

В рамках проведения исследования были определены отдельные аспекты и институты, требующие полноценного исследования, например, возможные санкционные последствия и правовые риски в случае одностороннего введения цифрового налога. В качестве результатов в статье дается оценка возможной налоговой реформы по имплементации цифрового налога, сдержанно критикуется позиция некоторых авторов по отдельным недостаткам и преимуществам цифрового налога перед имплементацией глобального стандарта Pillar I, а также отражается общая оценка предложенного правового регулирования цифрового налога для российской ИТ-отрасли в целом.

Заключение

В случае, если Российская Федерация не присоединится к окончательной версии стандарта Pillar I, введение цифрового налога для иностранных ИТ-компаний в российское налоговое законодательство станет неизбежным. Введение цифрового налога поможет в большей мере реализовать фискальные интересы российского бюджета, что не позволит наднациональное регулирование, разработанное ОЭСР и рассчитанное на налогообложение части сверхприбыли только крупнейших МГК. Тем не менее, несмотря на фискальные преимущества, цифровой налог имеет ряд существенных недостатков, таких как внешнеполитические риски правовых и финансовых санкций на международном уровне, трудность с налоговым администрированием и контролем. Необходимо отметить, что на риски наступления санкционных во многом повлияет результаты переговоров ведущих экономик по имплементации

реформ Pillar I и Pillar II, а также внедрение цифровых налогов в ведущих юрисдикциях-членах ОЭСР.

Важно детально проработать законопроект о введении цифрового налога, включая разработку отдельных льгот и преференций, для того, чтобы избежать дестимулирования ИТ отрасли за счет оттока иностранных цифровых услуг и продуктов, а также снижение конкуренции за потребителя, что может снизить технологическое развитие отрасли в целом.

Российскому законодателю важно найти баланс между необходимостью пополнения бюджета за счет налоговых поступлений в краткосрочный период и развитием ИТ отрасли за счет стимулирования миграции ИТ-компаний и стимулированием спроса правовыми средствами и налоговым регулированием, что может оказать положительный фискальный эффект для бюджета и общий экономический успех Российской ИТ-отрасли в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Statement on a Two-Pillar Solution to Address the Tax Challenges Arising From the Digitalisation of the Economy // OECD // 2021// [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/130-countries-and-jurisdictions-join-bold-new-framework-for-international-tax-reform.htm> (дата обращения 27.07.2021);
2. Tax Challenges Arising from Digitalisation – Report on Pillar One Blueprint // OECD // 2020 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/tax-challenges-arising-from-digitalisation-report-on-pillar-one-blueprint-beba0634-en.htm> (дата обращения 25.06.2021);
3. Отчет ЦСР на тему – Цифровой налог в России: перспективы введения / Digital tax in Russia: prospects for implementation / А. Сеницын, Л. Айрапетян, А. Суркова // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.csr.ru/ru/publications/tsifrovoy-nalog-v-rossii-perspektivy-vvedeniya/> / (дата обращения 02.08.2021);
4. Федеральный закон от 31.07.2020 N 265-ФЗ (ред. от 23.11.2020) «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // «Российская газета» – 2020 – N 173;
5. Федеральный закон от 03.07.2016 N 244-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // «Российская газета» – 2016 – N 146;
6. Цифровой налог: поучительный зарубежный опыт / Digital Tax: an Instructive Foreign Experience / К.С. Тетерятников, С.Г. Камолов, Д.А. Блашкина // Российский экономический журнал: научно-практическое издание. – 2020. – № 4. – С. 69–87;
7. Italy's Digital Services Tax enters into force as of 1 January 2020 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ey.com/en_gl/tax-alerts/ey-italys-digital-services-tax-enters-into-force-as

of-1%²January-2020 (дата обращения 02.08.2021);

8. Письмо Минфина России от 14.02.2020 N 03–03–07/10341 КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 06.08.2021);
9. Дубкова В.Б. Комплексная оценка эффективности налогообложения прибыли предприятий – Comprehensive assessment of the effectiveness of corporate profit taxation // Вестник Тюменского государственного университета: социально-экономические исследования. 2015. № 4. С. 170–181;
10. Дубкова В.Б. Об особенностях налогообложения прибыли предприятий обрабатывающих производств в условиях дифференцированного подхода – On the specifics of profit taxation of manufacturing enterprises in the conditions of a differentiated approach / В.Б. Дубкова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 2 (26);
11. Policy paper: Digital service Tax [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/introduction-of-the-digital-services-tax/digital-services-tax> (дата обращения 10.08.2021)

IMPROVING THE ADMINISTRATIVE MECHANISM FOR REGULATING TAXATION OF THE IT INDUSTRY: JUSTIFICATION FOR THE INTRODUCTION OF A DIGITAL TAX

Khudiakov P.A.

Institute of Public Administration and Management, RANEPА

This research is devoted to the problems of implementing legal reforms aimed at combating corporate tax evasion in the country where digital goods and digital services are sold by introducing a digital tax or joining the global Pillar I reform proposed by the OECD. The article examines the disadvantages and advantages of the Russian Federation's accession to the OECD Pillar I reform, and also proposes conceptual provisions of the draft law on the introduction of a digital tax, considering the tasks of preventing the disincentive of the high-tech sector of the economy and the outflow of foreign IT companies. The article also reflects an attempt to determine the conceptual foundations of legal regulation, which, in addition to ensuring a smooth transition to taxation of foreign IT companies with a digital income tax, will stimulate the IT industry, in particular, an approach to implement preferential legislation establishing separate benefits and preferences for foreign IT companies.

Keywords: Digital tax. OECD reforms. Pillar I. IT benefits. Tax incentives for the IT industry.

References

1. Statement on a Two-Pillar Solution to Address the Tax Challenges Arising From the Digitalization of the Economy // OECD // 2021 // [Electronic resource]. URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/130-countries-and-jurisdictions-join-bold-new-framework-for-international-tax-reform.htm> (date accessed 07/27/2021);
2. Tax Challenges Arising from Digitalization – Report on Pillar One Blueprint // OECD // 2020 // Electronic resource]. URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/tax-challenges-arising-from-digitalisation-report-on-pillar-one-blueprint-beba0634-en.htm> (date accessed 25.06.2021);
3. CSR report on the topic – Digital tax in Russia: prospects for implementation / A. Sinityn, L. Ayrapetyan, A. Surkova // Electronic resource]. – URL: <https://www.csr.ru/ru/publications/>

- tsifrovoy-nalog-v-rossii-perspektivy-vvedeniya/ / (date of treatment 08/02/2021);
4. Federal Law of July 31, 2020 N 265-FZ (as amended on 11/23/2020) "On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation" // "Rossiyskaya Gazeta" – 2020 – N 173;
 5. Federal Law of 03.07.2016 N 244-FZ "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation" // "Rossiyskaya Gazeta" – 2016 – N 146;
 6. Digital Tax: an Instructive Foreign Experience / KS Teteryatnikov, SG Kamolov, DA Blashkina // Russian economic journal: scientific and practical publication. – 2020. – No. 4. – P. 69–87;
 7. Italy's Digital Services Tax enters into force as of January 1, 2020 [Electronic resource]. – URL: https://www.ey.com/en_gl/tax-alerts/ey-italys-digital-services-tax-enters-into-force-as-of-1%C2%A0january-2020 (date of access 02.08 .2021);
 8. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated 02.14.2020 N 03–03–07 / 10341 ConsultantPlus: reference and legal system [Of. site]. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 06.08.2021);
 9. Dubkova V.B. Comprehensive assessment of the effectiveness of corporate profit taxation // Bulletin of the Tyumen State University: socio-economic research. 2015. No. 4. S. 170–181;
 10. Dubkova VB On the specifics of profit taxation of manufacturing enterprises in the conditions of a differentiated approach / VB Dubkova // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research. 2021. Volume 7. No. 2 (26);
 11. Policy paper: Digital service Tax [Electronic resource]. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/introduction-of-the-digital-services-tax/digital-services-tax> (date accessed 10.08.

Стратегические типы обеспечения ликвидации неравенства доходов в государственной политике

Шегуров Станислав Станиславович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Уральского государственного экономического университета
E-mail: shegurov89@mail.ru

Как правило, политика регулирования доходов населения охватывает все иерархические уровни, на которых происходит формирование доходов: от национального – до уровня домохозяйств. Основной целью регулирования доходов на уровне домохозяйств является справедливое распределение финансовых, экономических, социальных ресурсов между домохозяйствами, при условии получения ими максимально возможного объема дохода. Что касается государственного вмешательства, то его роль, скорее, социальная, чем экономическая, и, тем более, становится архиважным правовая настройка всей системы социального обеспечения. В частности, все три уровня (национальный, региональный, местный) находятся в непрерывном взаимодействии. Как правило, регулирование регионального и местного уровней осуществляется через территориальные органы. Поэтому одной из главных задач эффективной государственной политики регулирования доходов населения должна быть инициирована необходимость государством принятия мер для поэтапного приближения размера минимальных социальных гарантий к прожиточному минимуму, в частности, по защите денежных доходов от влияния самой инфляции. Поскольку несоответствие прожиточного минимума в современных условиях порождает дезориентацию в политике доходов населения, а также и в социальной политике в целом. Стоит указать, что значимым недостатком формирования прожиточного минимума является отсутствие его дифференциации в зависимости от состава семьи, что, в свою очередь, усложняет и исключает влияние состава семей домохозяйств на процесс его формирования. Мировой опыт свидетельствует, что величина прожиточного минимума должна отражать такой минимальный доход, гарантированный государством, который бы давал возможность обеспечивать работникам средний уровень жизни, нормальные условия для воспроизводства рабочей силы и ее развития, то есть выполнял определенные функции социальной защиты. Несмотря на существование в России разработанной законодательной базы в области обеспечения конституционных гарантий по социальной защите населения, уровень жизни населения остается без изменения.

Ключевые слова: государственно-правовое регулирование, доходы населения, домохозяйства, экономическое неравенство, политика.

Одним из важнейших шагов на пути к устойчивому социально-экономическому развитию нашей страны является обеспечение достойного уровня жизни населения и его благосостояния. К сожалению, сегодня Россия не может похвастаться достижениями в этой сфере: в стране наблюдается достаточно высокий уровень бедности и дифференциации доходов. Имеющееся в обществе неравенство, во всех его проявлениях, прежде всего, экономическое, наиболее явным проявлением которого является неравенство в доходах населения, сегодня признается одной из основных проблем современного российского общества [1].

Дифференциация доходов, которая развивается и обостряется по многим причинам, требует соответствующего государственного-правового регулирования, которое должно учитывать особенности посттрансформационной экономики нашей страны и эффективно влиять на процесс формирования доходов населения. Поэтому анализ методов и инструментов финансово-правовой регламентации доходов населения, учитывая особенности современного социально-экономического положения России и поиск действенных направлений решения государством имеющихся проблем, являются весьма важными на этом этапе.

На наш взгляд, именно исследование государственного-правового регулирования доходов населения, с целью отделения наиболее весомых и эффективных рычагов влияния на их уровень является одной из насущных потребностей отечественной юридической науки.

Процесс формирования доходов населения – очень важная составляющая механизма хозяйствования любого государства. Негативные тенденции и недостатки этого процесса, которые имеют место в нашей стране, приводят к существованию проблемы бедности населения, высокой степени дифференциации доходов в обществе, получения значительной массой населения низких доходов, которые не позволяют человеку обеспечить достойный уровень жизни. Поэтому приоритетными направлениями развития современной экономической системы должно быть такое правовое регулирование процесса формирования доходов населения, которое было бы направлено на преодоление проблемы бедности в стране и снижение степени дифференциации доходов.

Финансово-правовое регулирование доходов населения, как составляющая политики государственного регулирования экономики, представляет собой процесс влияния государственных органов на социально-экономические процессы, свя-

занные с формированием первичных и вторичных доходов населения. Для более полного понимания этого процесса определим, что представляют собой первичные и вторичные доходы населения.

Говоря о процессе формирования доходов населения вообще, надо заметить, что альтернативой государственному-правовому регулированию доходов населения является рыночное распределение. Но в современных условиях несовершенства нормативно-правовой базы, существенного влияния монополий и других аспектов, связанных с так называемыми ситуациями «фиаско рынка», финансово-правовое регулирование доходов населения является необходимым. Оно в большей или меньшей степени комбинируется с рыночным регулированием в зависимости от государственной политики доходов, так как считаем, что ключевым здесь является характер намерений государственных органов власти на реализацию мер социальной защиты.

Следовательно, политика государственного-правового регулирования доходов охватывает все процессы, связанные с формированием первичных доходов (распределением доходов) и их перераспределением между основными группами экономических субъектов: государством, территориальными общинами, предприятиями, домохозяйствами. При этом надо понимать, что довольно часто расходы одного субъекта экономики являются доходами другого.

Описанное выше, свидетельствует о том, что государственное-правовое регулирование доходов населения – это процесс, который охватывает все уровни хозяйствования, от домохозяйства до национальной экономики в целом.

При регулировании доходов населения государство использует различные методы, выбор которых предопределяется особенностями экономической ситуации в стране. Методы финансово-правового регулирования доходов населения – это способы, с помощью которых государство влияет на процесс формирования и перераспределения доходов.

Методы государственного-правового регулирования экономики, в целом, и доходов населения, в частности, классифицируют по следующим признакам:

- форма воздействия;
- средства воздействия.

По формам влияния методы государственного-правового регулирования доходов населения разделяют на прямые и косвенные:

- 1) прямые методы непосредственно влияют на процесс формирования и перераспределения доходов. Используя инструменты административно-правового характера и экономические инструменты прямого влияния, эти методы регламентируют деятельность всех субъектов экономической деятельности, непосредственно влияя на уровень доходов населения;
- 2) косвенные методы государственного-правового регулирования доходов населения опосредо-

вано влияют на формирование и перераспределение доходов населения, создавая такую экономическую среду, которая влияет на экономические интересы субъектов хозяйствования и побуждает их действовать в направлениях, приоритетных для государственной политики доходов [4]. То есть государство, используя те или иные рычаги влияния, побуждает экономических субъектов действовать определенным образом, что способствует уменьшению дифференциации доходов в обществе, снижению уровня бедности, росту доходов и тому подобное. Например, благодаря государственному контролю за ценами на определенные группы товаров, население напрямую ничего не получает от государства, но при этом имеет возможность покупать товар по ценам ниже рыночного уровня, и это повышает их реальный доход.

В зависимости от средств воздействия, выделяют следующие методы государственного регулирования доходов населения:

- правовые;
- административные;
- экономические.

Правовое регулирование доходов населения осуществляется путем разработки законодательной и нормативной базы процесса формирования и перераспределения доходов. Оно является первичным, определяя возможности процесса регулирования доходов с помощью всех других методов.

Административные методы – это методы прямого влияния государства на уровень доходов населения за счет таких рычагов как разрешение, запрет или принуждение, которые базируются на силе власти. В странах с развитой рыночной системой, административные методы выполняют второстепенную роль, уступая экономическим методам регулирования. Но в ситуации, когда рыночный механизм и экономические методы государственного регулирования не способны эффективно выполнять регулирующие функции, административное регулирование является необходимым. Достижение целей социальной политики является невозможным без административного регулирования, которое способно защитить интересы определенных групп граждан. Примером такого регулирования является разработка и внедрение государственных социальных стандартов и гарантий, благодаря которым обеспечивается удовлетворение жизненно необходимых потребностей человека на уровне социально признанных норм и нормативов.

Экономические методы государственного регулирования доходов населения – это система приемов и средств воздействия на уровень доходов в обществе за счет использования инструментов бюджетно-фискальной, финансовой, денежно-кредитной и ценовой политики.

Надо понимать, что при государственном регулировании доходов населения использование только какого-то одного отдельного метода невоз-

можно, поскольку все методы являются взаимозависимыми и комплементарными [2]. Довольно сложно отделить один метод от другого в чистом виде. В основе государственного регулирования доходов населения лежит правовой аспект: все методы и инструменты влияния должны соответствовать действующему законодательству. Для всех методов характерным является определенный административный характер. Использование экономических методов невозможно без административных и правовых регуляторов. В то же время правовые и административные методы регулирования, влияющие на доходы населения, имеют экономическую составляющую, реализуясь благодаря использованию инструментов бюджетной, налоговой и др. видов государственной политики [10].

Своеобразной и агрегированной, на наш взгляд, разновидностью государственного-правового регулирования доходов населения является междисциплинарное регулирование, которое предусматривает разработку и внедрение (имплементацию) системного комплекса взаимосвязанных правил, норм и процедур, с помощью которых осуществляется влияние на определенные социально-экономические процессы. Его использование является достаточно эффективным методом регулирования, который способен влиять на степень дифференциации доходов и уменьшения количества бедных слоев населения. Задачей междисциплинарного регулирования является выбор наиболее эффективных регулирующих институтов, участвующих в процессе формирования и перераспределения доходов населения, а также гармонизация действующих нормативно-правовых актов, внесение в них изменений и уточнений с целью унификации такого регулирования.

Далее рассмотрим инструменты государственного-правового регулирования доходов населения, влияющие на процессы формирования и перераспределения доходов.

Важной составляющей процесса определения доходов населения является регламентация оплаты труда со стороны государства. Государственное-правовое регулирование оплаты труда представляет собой деятельность государства на разных уровнях управления, которая благодаря налоговой политике, нормативно-правовым и законодательным механизмам обеспечивает эффективность системы оплаты труда. Инструментами этого регулирования является определение уровня (или критериев) основных социальных гарантий (минимальной заработной платы, обеспеченность жильем и др.), разработка единой тарифной сетки для определения заработной платы работников бюджетной сферы, индексация доходов, налоговая система государственного регулирования заработной платы и другие инструменты влияния на формирование фонда оплаты труда.

Одним из важнейших инструментов государственного-правового регулирования уровня доходов населения является установление минимальной

заработной платы. Как уже было отмечено выше, заработная плата является основным источником доходов населения нашей страны. Таким образом, минимальная заработная плата является инструментом регулирования уровня заработной платы, в том числе и уровня доходов населения в целом [8].

Минимальная заработная плата – это законодательно установленный уровень заработной платы за простой, неквалифицированный труд, ниже которого не может быть назначена оплата за выполненную рабочим месячную, а также почасовую норму труда (объем работ). Она не включает в себя надбавки, доплаты и другие выплаты.

Экономически-социальное значение минимальной заработной платы:

1. Используя традиционные подходы экономической теории к определению рыночного равновесия, минимальная заработная плата не дает заработной плате стать ниже определенного уровня, это минимальная цена труда из всех возможных на рынке.
2. Минимальная заработная плата – это государственная социальная гарантия, которая является обязательным для всей территории России для предприятий всех форм собственности, а также физических лиц, использующих труд наемных работников.
3. В частном и государственном секторах экономики заработная плата тесно привязана к минимальной заработной плате.
4. Минимальная заработная плата является исходным элементом единой тарифной системы оплаты труда в государственных учреждениях.
5. Минимальная заработная плата – это своеобразный ориентир для определения легального уровня оплаты труда в условиях теневой экономики.
6. Минимальная заработная плата является основой для расчета размера пособия по временной нетрудоспособности, связанной с выполнением трудовых обязанностей.

Надо отметить, что существует законодательная норма, которая ограничивает уровень минимальной заработной платы снизу – это прожиточный минимум для трудоспособных лиц. Таким образом, существует тесная связь между прожиточным минимумом и минимальной заработной платой, которая не может быть установлена ниже его уровня [3].

Если минимальная заработная плата является важнейшим инструментом регулирования процесса формирования заработной платы, как основной формы дохода населения, то не менее важными инструментами перераспределения доходов населения являются налоги и государственные финансовые трансферты.

Все социальные финансовые трансферты можно разделить на две группы:

- 1) программы социального страхования;
- 2) программы социальной помощи.

Программы социального страхования направлены на противодействие рискам, которые объ-

активно возможны для экономически активного населения. Их цель – обеспечить определенную компенсацию дохода работников в случае утраты ими трудоспособности. То есть программы социального страхования направлены на защиту от потери заработка, что может привести к росту бедности. Программам социального страхования являются общеобязательное государственное пенсионное страхование; государственное страхование на случай безработицы; от несчастного случая на производстве и профессионального заболевания, повлекших потерю трудоспособности и другие. Средства для социального страхования аккумулируются за счет сбора страховых сумм в сфере труда.

Программы социальной помощи направлены на помощь наиболее уязвимым слоям населения, которые оказались в трудном материальном положении и нуждаются в помощи государства для облегчения их материального состояния. Именно в определении состояния, в котором находится личность или социальная группа, и состоит смысл социальной защищенности. Особенностью программ социальной помощи является их адресность, то есть целевая направленность помощи определенным категориям граждан или помощь в случае наступления тех или иных социальных случаев. И если программы социального страхования нацелены на компенсацию рисков, которые только могут привести к потере основного дохода и стать фактором вероятного наступления бедности, то социальные пособия ориентированы на малообеспеченных людей, что уже подверглись воздействию этого риска и направлены на борьбу с бедностью [7]. Социальные пособия могут иметь как денежную, так и натуральную формы, а также предоставляться в виде социального обслуживания. Финансируются программы социальной помощи из средств государственного и местных бюджетов, пенсионного и других фондов. К программам социальной помощи относятся: пособия инвалидам; помощь малообеспеченным семьям; помощь по беременности и родам; жилищные субсидии и другие пособия.

Показателями роли финансовых трансфертов в процессе перераспределения доходов является доля трансфертов в структуре расходов государственного бюджета и доля расходов на социальную защиту в ВВП страны.

Важным направлением государственного правового регулирования доходов населения является бюджетно-налоговое регулирование. Взыскание с населения прямых и косвенных налогов позволяет сосредоточить в руках государства средства, необходимые для проведения социальной политики. Механизм налогообложения доходов населения (определение размеров налога на доходы физических лиц) базируется на пропорциональной системе налогообложения. Инструментами влияния на размер доходов населения со стороны налогового регулирования являются:

- во-первых, размер ставки налога с доходов физических лиц (НДФЛ), который определяется Налоговым кодексом и составляет 13%;
- во-вторых, дифференцированные ставки других налогов, плательщиками которых являются различные категории населения, в том числе по уровню доходов;
- в-третьих, налоговые льготы. Так, некоторые категории работников имеют право на уменьшение суммы дохода, который получили в виде зарплаты и подлежащего налогообложению, на величину налоговой социальной льготы.

Величина прибыли и смешанного дохода, а также доходов от собственности в значительной мере зависит от действующей в стране налоговой системы. Эти инструменты, влияя на уровень этих доходов, уменьшают их размер, снижая как покупательную способность населения, так и стимулы к инвестированию [6]. Высокие налоги становятся причиной перехода деловой активности предпринимателей в тень.

Говоря о налогах, надо помнить об обратной связи между налоговыми и другими поступлениями в бюджет и их последующими расходами на финансирование государственных социальных трансфертов. Поэтому очень важно разработать эффективную систему налогообложения, которая бы способствовала уменьшению уровня теневой экономики и, таким образом, росту доходной части бюджета. Государство, также экономически заинтересовано в повышении уровня жизни населения, ведь фискальная функция доходов будет обеспечивать все большую базу налогообложения в случае увеличения доходов [9].

Таким образом, государство, используя налоговые инструменты, формирует уровень основных форм доходов населения путем прямого влияния на конечный уровень доходов, которые получает население, а также аккумулирует средства, которые в результате перераспределения бюджетной системой будут формировать государственные социальные трансферты.

Регулирование доходов населения – это система форм, методов и инструментов воздействия рыночного механизма и государства на процесс формирования доходов населения в обществе. Государственное-правовое регулирование доходов населения направлено на формирование первичных и вторичных доходов и имеет целью снижение уровня дифференциации доходов населения, что возникает вследствие рыночного регулирования.

Основными инструментами государственного правового регулирования доходов населения является определение минимальной заработной платы и других социальных гарантий; единая тарифная сетка как инструмент регулирования уровня оплаты труда работников бюджетной сферы; индексация доходов; расходы на государственные социальные трансферты и уровень налоговой нагрузки [5].

Инструменты государственного-правового регулирования доходов населения могут быть разделены на:

- те, которые влияют на формирование первичных доходов;
- те, которые задействованы в перераспределении доходов и формировании вторичных доходов населения;
- и те, что влияют как на формирование первичных, так и на формирование вторичных доходов населения.

Большая популярность институционализма в современной экономической науке делает междисциплинарное регулирование доходов населения очень актуальным и требующим глубокого исследования. Если рассмотренные выше инструменты государственного-правового регулирования доходов населения соответствуют критериям категории «институт», то они могут выступать как определенный финансово-правовой институт регулирования доходов населения на основе использования императивов институциональной экономической теории. В дальнейших исследованиях планируется исследовать, какие из инструментов государственного-правового регулирования доходов населения, могут рассматриваться как институты регулирования и быть использованы при разработке направлений комплексного или междисциплинарного регулирования доходов населения.

Литература

1. Атоходжаева, М.А. Регулирование расслоения населения по доходам, с учетом концепции социальной справедливости / М.А. Атоходжаева // Вестник МИРБИС. – 2019. – № 2(18). – С. 175–180. – DOI 10.25634/MIRBIS.2019.2.23.
2. Афанасьева, Т.А. Совершенствование государственного регулирования доходов населения / Т.А. Афанасьева, А.И. Салова // Современный взгляд на будущее управленческой науки: материалы конференции студентов, магистрантов и аспирантов факультета государственного и муниципального управления, посвященный 80-летию Новосибирского ГАУ, Новосибирск, 14 апреля 2016 года / Новосибирский государственный аграрный университет. – Новосибирск: Издательский центр «Золотой колос», 2016. – С. 6–8.
3. Гончарова, К.С. Динамическая система государственного регулирования уровня региональной дифференциации доходов населения / К.С. Гончарова // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 27–28 августа 2020 года. – Уфа: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, 2020. – С. 210–216.
4. Гуляева, Т.И. Место системы социальной стандартизации в механизме регулирования доходов населения / Т.И. Гуляева, Е.В. Такмакова // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 3(154). – С. 430–432.
5. Ищенко-Падукова, О.А. Регулирование уровня доходов населения как приоритет социальной политики государства / О.А. Ищенко-Падукова, М.А. Коцинян // Экономическая политика хозяйственного роста: Тематический сборник научных трудов / Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Индивидуальный предприниматель Беспамятников Сергей Владимирович, 2015. – С. 79–82.
6. Какменев, И.Г. Экономико-правовые механизмы регулирования трудовых доходов и их применимость в Российской Федерации / И.Г. Какменев // – 2018. – № 4. – С. 98–108.
7. Каширская, Е.В. Межрегиональная дифференциация доходов населения и политика ее регулирования в Российской Федерации / Е.В. Каширская // Наука. Технологии. инновации: Сборник научных трудов: в 9 частях, Новосибирск, 01 января – 31 2015 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2015. – С. 63–65.
8. Пивень, М.М. Доходы населения Российской Федерации и меры государственного регулирования / М.М. Пивень // Управление изменениями: вызовы и перспективы, Красногорск, 19–20 апреля 2018 года. – Красногорск: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018. – С. 98–105.
9. Рахимов, Г.М. Механизм регулирования доходов и качества жизни населения в условиях рыночной экономики / Г.М. Рахимов, Х.Х. Юсупова, М.М. Хомидова // Образование и наука в России и за рубежом. – 2021. – № 4(80). – С. 56–63.
10. Тучина, Ю.В. Государственное регулирование дифференциации доходов населения в России / Ю.В. Тучина // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 12(127). – С. 469–471.

STRATEGIC TYPES OF ENSURING THE ELIMINATION OF INCOME INEQUALITY IN PUBLIC POLICY

Shegurov S.S.

Ural State Economic University

As a rule, the policy of regulating the income of the population covers all hierarchical levels at which income is formed – from the national to the household level. The main goal of regulating income at the household level is a fair distribution of financial, economic, and social resources between households, provided that they receive the maximum possible amount of income. As for government intervention, its role is more social than economic, and the more important is the legal adjustment of the entire social security system. In particular, all three levels (national, regional, local) are in continuous interaction. As a rule, regional and local level regulation is carried out through territorial bodies. Therefore, one of the main tasks of an effective state policy for regulating the income of the population should be initiated by the need for the state to take measures to gradually bring the size of the minimum social guarantees to the subsistence level, in particular, to protect cash income from the influence of inflation itself. Since the discrepancy between the sub-

sistence minimum in modern conditions gives rise to disorientation in the income policy of the population, as well as in social policy in general. It is worth pointing out that a significant disadvantage of the formation of the subsistence level is the lack of its differentiation depending on the composition of the family, which, in turn, complicates and excludes the influence of the composition of households' families on the process of its formation. World experience shows that the size of the subsistence minimum should reflect such a minimum income guaranteed by the state, which would make it possible to provide workers with an average standard of living, normal conditions for the reproduction of the labor force and its development, that is, it would perform certain functions of social protection. Despite the existence in Russia of a developed legislative framework in the field of ensuring constitutional guarantees for social protection of the population, the standard of living of the population remains unchanged.

Keywords: state and legal regulation, incomes of the population, households, economic inequality, politics.

References

1. Atokhodzhaeva, MA Regulation of the stratification of the population by income, taking into account the concept of social justice / MA Atokhodzhaeva // *Bulletin of MIRBIS*. – 2019. – No. 2 (18). – S. 175–180. – DOI 10.25634 / MIRBIS.2019.2.23.
2. Afanasyeva, T.A. Improving the state regulation of incomes of the population / T.A. Afanasyeva, A.I. Salova // *Modern outlook on the future of management science: materials of the conference of students, undergraduates and postgraduates of the faculty of state and municipal administration, dedicated to 80- anniversary of the Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, April 14, 2016 / Novosibirsk State Agrarian University*. – Novosibirsk: Publishing Center "Golden Ear", 2016. – P. 6–8.
3. Goncharova, K.S. Dynamic system of state regulation of the level of regional differentiation of income of the population / K.S. Goncharova // *Innovative technologies for managing the socio-economic development of Russian regions: Proceedings of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Ufa, 27– August 28, 2020*. – Ufa: Federal State Budgetary Scientific Institution Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2020. – pp. 210–216.
4. Gulyaeva, TI The place of the social standardization system in the mechanism of regulating the income of the population / TI Gulyaeva, EV Takmakova // *Eurasian legal journal*. – 2021. – No. 3 (154). – S. 430–432.
5. Ishchenko-Padukova, O.A. Regulation of the level of income of the population as a priority of the social policy of the state / O.A. Ishchenko-Padukova, M.A. Kotsinyan // *Economic policy of economic growth: Thematic collection of scientific papers / Southern Federal University*. – Rostov-on-Don: Individual entrepreneur Bespamyatnov Sergey Vladimirovich, 2015. – pp. 79–82.
6. Kakmenev, IG Economic and legal mechanisms for regulating labor income and their applicability in the Russian Federation / IG Kakmenev // . – 2018. – No. 4. – S. 98–108.
7. Kashirskaya, E.V. Interregional differentiation of incomes of the population and the policy of its regulation in the Russian Federation / E.V. Kashirskaya // *Science. Technology. innovations: Collection of scientific papers: in 9 parts, Novosibirsk, January 01–31 2015*. – Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University, 2015. – S. 63–65.
8. Piven, M.M. Incomes of the population of the Russian Federation and measures of state regulation / M.M. Piven // *Management of changes: challenges and prospects, Krasnogorsk, April 19–20, 2018*. – Krasnogorsk: Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 2018. – P. 98–105.
9. Rakhimov, GM The mechanism for regulating income and quality of life of the population in a market economy / GM Rakhimov, Kh. Kh. Yusupova, MM Khomidova // *Education and science in Russia and abroad*. – 2021. – No. 4 (80). – S. 56–63.
10. Tuchina, Yu.V. State regulation of income differentiation in Russia / Yu.V. Tuchina // *Eurasian legal journal*. – 2018. – No. 12 (127). – S. 469–471.

Истечение сроков давности уголовного преследования как основание прекращения уголовного дела

Дубровин Владимир Валерьевич,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО (У) МИД России
E-mail: vlduvbrovin@gmail.com

Дубровина Екатерина Геннадьевна,

к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО (У) МИД России
E-mail: benderskaya@gmail.com

Истечение сроков давности уголовного преследования как основание прекращения уголовного дела в стадии судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве имеет коллизии в правовом регулировании, которые неразрешимы при сохранении действующего правового регулирования. В рамках одной нормы УПК РФ предусмотрено сразу несколько правовых механизмов реализации полномочий суда, предписывающих суду противоречащие друг другу процессуальные действия. Более того, они вступают в противоречие с универсальными нормами УПК РФ, регулирующими общий порядок судебного разбирательства, таким образом, что фактически суд в подобной ситуации неизбежно нарушит предусмотренный УПК РФ порядок. В настоящей статье проводится анализ действующих норм УПК РФ, регулирующих действия суда в указанных обстоятельствах, предлагается способ разрешения выявленных коллизий.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебное разбирательство, истечение сроков давности уголовного преследования, прекращение уголовного дела.

Одним из оснований для прекращения уголовного дела является истечение сроков давности уголовного преследования (в дальнейшем – сроки давности) в соответствии со ст. 24 УПК РФ.

Само по себе такое основание имеет неоднозначную природу, потому что, с одной стороны, общественная опасность совершенного деяния не устраняется, с другой стороны, государство фактически отказывается преследовать лицо в порядке уголовной юстиции только лишь в связи с прошествием определенного периода времени с момента совершения преступления. Можно предположить, что косвенно истечение сроков давности свидетельствует о положительном посткриминальном поведении виновного, но только косвенно, поскольку действительно такими примерами поведения в действующем уголовном законодательстве являются деятельное раскаяние и примирение с потерпевшим, а само по себе истечение сроков давности не гарантирует виновного от совершения новых преступлений, в том числе и во время течения указанных сроков, т.к. сроки давности исчисляются для каждого преступления самостоятельно.

С учетом того, что они (сроки давности) исчисляются со дня совершения преступления, а при направлении уголовного дела в суд не приостанавливаются, то вероятно ситуация, что уголовное дело поступит в суд, когда они (сроки) еще не истекут, а в ходе судебного разбирательства до постановления приговора это произойдет, тем более что суд не ограничен в сроке проведения судебного разбирательства [2, 93]. Причинами такой ситуации может быть как объективными (госпитализация обвиняемого), так и субъективными (злоупотребления субъективными правами со стороны участников процесса, направленными на затягивание разбирательства).

Если указанные сроки истекли в досудебном производстве, то УПК РФ предусматривает отказ в возбуждении уголовного дела либо его прекращение.

На стадии судебного разбирательства предусмотрен правовой механизм учета истекших сроков давности, регулируемый сразу несколькими статьями УПК РФ, кажется противоречивым и предусматривает различные правовые последствия [3, 110]. Это не может признаваться корректным, поскольку нарушает принцип правовой

определенности и размывает императивный метод правового регулирования, предоставляя суду квазисвободный выбор процессуальных действий с различными правовыми последствиями.

Так, уголовное дело на судебных стадиях исследуемая ситуация регулируется ст. 239 УПК РФ (предварительное слушание), ст. 254 УПК РФ (судебное разбирательство) и ст. 302 УПК РФ (постановление приговора). Это деление достаточно условно и следует скорее структуре УПК РФ, чем содержанию стадии судебного разбирательства, так как судебное разбирательство включает в себя постановление приговора.

На первой и второй указанных стадиях, в рассматриваемом случае суд прекращает уголовное дело (ч. 1 ст. 239 УПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 254 УПК РФ). Законодатель в этой ситуации достаточно категоричен и не предусматривает необходимости наличия иных, дополнительных условий. В иных ситуациях, например, при отсутствии в деянии лица состава преступления, прекращение уголовного дела на этой стадии возможно только с согласия обвиняемого.

На стадии постановления приговора предусмотрены иные правила, сформулированные в ч. 8 ст. 302 УПК РФ:

- 1) если сроки давности истекли в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу;
- 2) в случаях, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК (ссылочная норма на п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – истечение сроков давности), суд постановляет оправдательный приговор;
- 3) в случаях, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (истечение сроков давности), суд постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания.

Необходимо отметить, что все вышеприведенные тезисы являются содержанием ч. 8 ст. 302 УПК РФ, которая не имеет деления на пункты и представляет собой единый текст, а сама эта статья расположена в главе 39 УПК РФ «Постановление приговора», что дает основание предположить, что ее (статьи) предписания относятся исключительно к этой стадии судебного разбирательства, однако этот вывод неверен, что прямо следует из содержания нормы. Представляется, что это – недостаток юридической техники законодателя при составлении указанной главы УПК РФ.

Первый вывод, который можно сделать, анализируя указанную норму, состоит в том, что законодатель создает искусственное разделение видов процессуальных решений, которые должен вынести суд в зависимости от стадии судебного разбирательства, хотя по смыслу п.п. 50, 51, 53.1 и 53.2 ст. 5 УПК РФ – это одна стадия.

Это искусственное разделение состоит в том, что на одних стадиях при истечении сроков давности суд должен прекратить уголовное дело, а на другой – вынести обвинительный приговор. Хотя все эти четыре отмеченные стадии: предва-

рительное слушание, судебное следствие, прения сторон и постановление приговора – составляют, наряду с другими, единую стадию судебного разбирательства.

Причины такого разделения неочевидны, при ординарном уголовном процессе в отсутствие затягивания судопроизводства со стороны участников уголовного судопроизводства их течение не зависит от сторон процесса, а только от объективного течения времени [1, 151].

Второй вывод, который представляется более интересным, состоит в том, что законодатель в ч. 8 ст. 302 УПК РФ предусмотрел взаимоисключающие положения, которые не могут существовать одновременно. Строгое выполнение предписаний ч. 8 ст. 302 УПК РФ является причиной нарушения закона со стороны суда, если в ходе судебного разбирательства истекли сроки давности. Данный тезис не дезавуирует ранее сделанный вывод, а скорее подчеркивает тот правовой дисбаланс в правовом механизме учета сроков давности при производстве по уголовному делу, что позволяет сделать предположение, что в этом проявляется некачественная юридическая техника при составлении данной нормы.

Первое проявление заявленного дисбаланса заключается в том, что в рассматриваемом случае суд в соответствии с ч. 8 ст. 302 УПК РФ не прекращает уголовное дело, а продолжает его рассмотрение по существу, хотя положения ст.ст. 239, 254 УПК РФ предусматривают противоположный порядок.

Фактически, данные положения УПК РФ противопоставляют судебное заседание и судебное разбирательство, хотя в соответствии с п. 51 ст. 5 УПК РФ судебное разбирательство – это и есть судебное заседание, т.е. они являются равнозначными правовыми понятиями. Непонятно, зачем вообще законодатель включил эти нормы в главу УПК РФ, регулиующую постановление приговора, хотя она фактически относится ко всему судебному разбирательству, а не только к его части – постановлению приговора, тем более, что это создает коллизию с нормами, имеющими более универсальный характер (ст. 254 УПК РФ).

Однако сама возможность принять иное процессуальное решение: продолжить рассмотрение уголовного дела по существу вместо прекращения уголовного дела – делает предположение о подобном разделении возможным и законодательно обеспеченным, что вносит свой вклад в увеличение правовой неопределенности при определении правового механизма реализации правовых положений о применении сроков давности при рассмотрении судом уголовного дела.

Также, необходимо обратить внимание на правовые последствия истечения сроков давности, определенные в ч. 8 ст. 302 УПК РФ. Формально, эта норма УПК РФ относится ко всему судебному разбирательству без исключения каких-либо его стадий, и в рассматриваемой правовой коллизии суду необходимо одновременно выполнить право-

вые предписания и ст. 254 УПК РФ, и ст. 302 УПК РФ, что не представляется возможным [3, 110].

Вместе с тем, необходимо учесть и то, исходя из содержания ч. 8 ст. 302 УПК РФ можно сделать вывод, что в исследуемой ситуации суд должен вынести оправдательный приговор. Ссылка в рассматриваемой норме на п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (как основание для вынесения оправдательного приговора), в свою очередь, отсылает к п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.е. к истечению сроков давности. Таким образом, если буквально следовать положениям ч. 8 ст. 302 УПК РФ, то суду при истечении сроков давности надлежит выносить оправдательный приговор.

Подводя итог, можно отметить, что буквальное следование положениям УПК РФ предписывает суду при истечении сроков давности совершить одно из трех процессуальных действий:

- 1) вынести постановление о прекращении уголовного дела (ст. 254 УПК РФ);
- 2) вынести обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания (ч. 8 ст. 302 УПК РФ);
- 3) вынести оправдательный приговор (ч. 8 ст. 302 УПК РФ).

Данную коллизию и можно было бы разрешить при помощи формулы *lex specialis derogat lex generalis* «специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон», распространив положения ч. 8 ст. 302 УПК РФ исключительно на принятие судом решения в совещательной комнате, а на иные ситуации распространять положения ст. 254 УПК РФ. Такой подход применялся законодателем, в частности, до 2020 г. по налоговым преступлениям, когда погашение ущерба причиненного бюджетной системе до передачи уголовного дела в суд влекло прекращение уголовного дела, а аналогичные действия, совершенные уже в ходе судебного разбирательства – нет.

Но коллизию внутри одной правовой нормы, выраженной в положениях ч. 8 ст. 302 УПК РФ, одновременно предписывающей постановить оправдательный и обвинительный приговор, не разрешается указанной выше формулой, а правила *lex specialis derogat lex generalis* в праве не предусмотрено.

Представляется, что в контексте постановления приговора при истечении сроков давности способом разрешения выявленных противоречий была бы новая редакция ч. 8 ст. 302 УПК РФ.

Во-первых, из нее стоит исключить требования продолжать рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до постановления приговора при истечении сроков давности, оставив единый процессуальный порядок прекращения уголовного дела.

Во-вторых, из ч. 8 ст. 302 УПК РФ необходимо исключить предписание выносить оправдательный приговор в случаях, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, поскольку это прямо противоречит

всей системе реабилитирующих и нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела.

В-третьих, из ч. 8 ст. 302 УПК РФ следует исключить предписание выносить обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания в случаях, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, поскольку уже имеющийся правовой механизм (ст. 254 УПК РФ) представляется достаточным и наиболее эффективным, в том числе и с точки зрения процессуальной экономии, а подобные коллизии создают правовую неопределенность.

Литература

1. Ендольцева Ю.В. Влияние времени на действие права // Право и управление. XXI век. № 2 (27). 2013. С. 149–155.
2. Макаров Л.В. Имплементация положений международного права о разумности срока уголовного судопроизводства в УПК РФ: нюансы теории и практики // Уголовное право. № 2. 2012. С. 90–96.
3. Соболев А.В. О порядке уголовного судопроизводства в случае установления истечения сроков давности уголовного преследования в ходе судебного разбирательства // Государство и право. № 9. 2015. С. 109–111.

THE EXPIRATION OF THE STATUTE OF LIMITATIONS FOR CRIMINAL PROSECUTION AS THE BASIS FOR THE TERMINATION OF A CRIMINAL CASE

Dubrovin V.V., Dubrovina E.G.
MGIMO-University

The expiration of the statute of limitations for criminal prosecution as the basis for the termination of a criminal case at the stage of trial in criminal proceedings has conflicts in legal regulation that are insoluble while maintaining the current legal regulation. Within the framework of one norm of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, several legal mechanisms are provided for the implementation of the powers of the court, prescribing to the court contradictory procedural actions. Moreover, they come into conflict with the universal norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which regulate the general procedure for judicial proceedings, in such a way that, in fact, the court in such a situation will inevitably violate the procedure provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. This article analyzes the current norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, regulating the actions of the court in these circumstances, and proposes a method for resolving the identified conflicts.

Keywords: criminal procedure, trial, expiration of the statute of limitations for criminal prosecution, termination of criminal proceedings.

References

1. Endoltseva Yu.V. Influence of time on the action of law // Law and Management. XXI Century. No. 2 (27). 2013. S. 149–155.
2. Makarov L.V. Implementation of the provisions of international law on the reasonableness of the term of criminal proceedings in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the nuances of theory and practice // Criminal Law. No. 2. 2012. S. 90–96.
3. Sobolev A.V. On the procedure for criminal proceedings in case of establishing the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution during the trial // State and Law. No. 9. 2015. S. 109–111.

Феномен становления личности преступника: на примере серийного убийства

Дьяков Иван Александрович,

аспирант, кафедра педагогики и психологии высшей школы, АНО ВО «Московский гуманитарный университет»; кафедра цифровой криминалистики, ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»
E-mail: vansanit@yandex.ru

Марков Артем Дмитриевич,

студент, кафедра педагогики и психологии высшей школы, АНО ВО «Московский гуманитарный университет»; кафедра цифровой криминалистики, ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»
E-mail: lobart00@list.ru

В рамках данной работы авторы рассматривают феномен становления личности преступника, проводят анализ литературы в области психологии, педагогики, социологии и криминологии, демонстрирующей особую роль детской психологии в жизни преступников, особенности их детских лет жизни, а также семей, в которых они воспитывались. Авторы затрагивают актуальные и важные вопросы по развитию личности, что имеет чрезвычайное значение для стабильной и положительной динамики развития общества и государства. Особое внимание в данной статье уделено описанию детерминант в аспекте реализуемого родителями воспитания, которые влияют на процесс деформации личности и приводят в дальнейшем к совершению ею преступлений. Также приводятся факты из биографий известных преступников, совершивших преступления против жизни человека (серийных убийц), выделяются базисные черты воспитания и той социальной среды, что приводят человека к совершению преступлений.

Ключевые слова: воспитание, феномен воспитания, семья, социализация, личность, личность преступника.

Преступления против жизни, а в особенности серийные убийства, как особые социальные явления всегда влияли на жизнь общества и государства. Всестороннее изучение данного вопроса является важным для стабильного развития любого общества и государства, а потому актуальность вопроса феномена детской психологии и становления личности преступника не вызывает сомнений. Центральным вопросом работ криминологов, криминалистов, психологов, психиатров, социологов и педагогов выступает дискуссия о соотношении значения наследственности и воспитания в формировании личности потенциального преступника.

Наследственность как фактор риска, а также физиологические и анатомические особенности человека могут служить предпосылкой развития психических и поведенческих отклонений личности, но на практике это встречается крайне редко. Чарльз Лобозо писал, что лишь антропогенез как сущность определяет преступника и его мотивы деятельности, однако на сегодняшний день известно, насколько несостоятельна данная теория. [1] В свете трансформации криминологии, криминалистики, психологии, психиатрии, социологии и педагогики показано, что главным фактором, обуславливающим формирование личности человека как преступников, является особенности детской психологии и реализации функций родителя-ми.

Дадим определение термину «серийный убийца». Согласно наиболее распространенному определению, данному агентом ФБР Робертом Ресслером, серийный убийца есть лицо, которое совершило три или более убийств людей с особой жестокостью, что попадают под сознательный образ жертвы преступника. Р. Ресслер также отмечает, что деяния отделяются между собой периодами эмоционального покоя убийцы. [2]

Биографии преступников и работы ученых в этой области (Х. Шехтер, Д. Эверит, А.О. Бухановский) отражают зависимость процессов воспитания и становления убийц.

Термин «серийный убийца» появляется в конце XIX века и впервые применяется в отношении Генри Говарда Холмса – первый зарегистрированный серийный убийца в США. На протяжении всего XX века, в связи со всплеском серийных убийств на территории значительного количества стран, в том числе США и СССР, криминологи, криминалисты и психиатры комплексно исследовали природу становления и формирования личности серийного убийцы (Джон Дуглас, Пи-

тер Вронски, Джон Брофи, Эйдриан Рейн и т.д.). Дискуссия о роли наследственности и воспитания ведется и в настоящее время. Дж. Дуглас указывает следующее: «Человек, не имеющий определенных врожденных склонностей к импульсивности, приступам ярости и/или проявлениям садизма, не станет маньяком в силу трудного детства». А.О. Бухановский, И.Н. Маркина, А.Б. Гармаш напротив утверждают, что именно неблагоприятная психологическая обстановка в период детства, жестокость со стороны родителей и сверстников есть ключевые компоненты в механизме становления и формирования личности преступника.

А.О. Бухановский в исследованиях подчеркивает, что на склонность к жесткому поведению влияет деструктивное воспитание со стороны родителей и неблагоприятная социальная среда. [6] Данное умозаключение легко подтвердить историей из детства преступников против жизни.

Известный под прозвищем «The Confession Killer» серийный убийца Генри ли Люкас прожил детские годы в неблагоприятной психологической и социальной ситуации, в частности, его мать вели антисоциальный образ жизни, обладала пониженной социальной ответственностью и проявляла жестокость по отношению к ребенку, не защищала его от агрессии окружающих, а провоцировала ее. В результате им было убито 11 человек, включая его мать.

Джон Уэйн Гейси, осуществил 33 убийств с проявлением особой жесткости страдал в детстве от физического и эмоционального насилия. В данном случае жестокое обращение отца и периодические сексуальные притязания взрастили личность с отклоняющимся поведением в форме насилия над другими людьми. [2]

Стоит упомянуть о личности «Новокузнецкого монстра» Александра Спесивцева, что совершал преступления с элементами садизма и каннибализма. Преступник вырос в неблагополучной семье, его отец был алкоголиком, нередко избивал сына и жену, а его мать проявляла гиперопеку, что также стало причиной негативного воздействия на личность. Также, его мать работая помощником адвоката, часто приносила домой изображения трупов, фотографии мертвых обнаженных тел и рассматривала их вместе с сыном. Стоит упомянуть, что мальчик часто болел, родился с дефицитом веса, поэтому одноклассники смеялись над ним, а он не добился особых успехов в школе и спорте. Его мать испытывала ненависть к сверстникам сына. Рассматривая фотографии вместе с Александром, мать говорила: «Посмотри, ты вырастишь, станешь сильным и покажешь всем, где их место». [3]

Она будила в сыне агрессию и жестокость, что стало причиной того, что она помогала сыну в совершении преступлений. Как мы видим, катализатором развития отклоняющегося поведения является не только насилие в отношении личности и гиперопека, но и внутренняя злоба самих родителей, демонстрация ребенку материалов «не по возра-

сту» (снимки трупов) и патологическая гиперопека.

Другим примером «продукта» воспитания и социальной среды является Юрий Цюман по прозвищу «Черноколготочник». Юрий рос в неблагополучной семье: отец и мать страдали от алкоголизма. Отец часто избивал сына, угрожал убить. Мать вела беспорядочную жизнь, сын при этом был свидетелем, что стало причиной формирования сексуальных отклонений, рождалась ненависть к родителям, а позже и к незнакомым людям. [5]

Кроме описанных случаев, существуют и другие примеры становления личности преступников, в жизни которых воспитание, отношение родителей и процесс социализации сыграли решающую роль. Ричард Рамирез, Джеффри Дамер не получали в семье заботу, что привело к их эмоциональной депривации и жестокому поведению в будущем. Игорь Иртышов, Альберт Де Сальво неоднократно подвергались сексуальному насилию со стороны взрослых людей. Андрей Чикатило, Эдмунд Кемпер постоянно терпели издевательства со стороны сверстников в школе и на улице. Эд Гин, Геннадий Михасевич, Сергей Головкин выросли в семье, где воспитательный процесс строился на принципах жестокости, насилия и унижений. [4]

Так, базисные черты воспитания и социальной среды преступников-убийц можно представить в следующем списке:

1. Жестокость со стороны одного или нескольких членов семьи.
2. Сексуальное насилие внутри семьи, изнасилования со стороны взрослых людей и детей.
3. Алкоголизм, наркомания родителей, бедность.
4. Унижения, оскорбления со стороны сверстников.
5. Отсутствие в семье благоприятной психологической атмосферы, где ребенок не получает внимания, ласки и заботы, гиперопека.
6. Гиперопека со стороны родителей, их внутренняя пассивная агрессия к «обидчикам» ребенка.

Безусловно, отношения в семье играют решающую роль в становлении личности. Уровень семейного благополучия, взаимоотношения внутри семьи в большинстве случаев определяют дальнейшее поведение, будущий стиль жизни человека.

Жестокость и ненависть по отношению к ребенку в детстве, гипо- или гиперопека порождают внутреннюю агрессию, психические, сексуальные, поведенческие отклонения в развитии личности. Предотвратить феномен воспитания и становления личности преступника, на данный момент, не представляется возможным. Однако всестороннее изучение этого процесса и меры, направленные на здоровьесберегающее семейное воспитание ребенка и его социализация, могут снизить риск формирования антисоциальных установок внутри личности, что приведет к улучшению имеющейся криминогенной ситуации.

Литература

1. Абакумова Д.С. Социальные факторы, влияющие на формирование серийных убийц и маньяков / Д.С. Абакумова // Общество, педагогика, психология: теория и практика: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 28 мая 2021 года / БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. – С. 352–355.
2. Аманжолова Б.А. Роль семьи в формировании личности преступника, совершившего впоследствии серийные убийства / Б.А. Аманжолова, С.В. Вейсенберг // Знание. – 2016. – № 4–3(33). – С. 116–125
3. Антипова А.А. Роль общественности в противодействии преступлениям, совершаемым серийными убийцами / А.А. Антипова // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник материалов, Воронеж, 23 мая 2018 года. – Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 63–66.
4. Гармаш А.В. Психологический климат в семье как фактор, влияющий на развитие личности серийного убийцы / А.В. Гармаш // Молодёжь Сибири – науке России: Материалы международной научно-практической конференции, Красноярск, 24 апреля 2020 года / Сост. Л.М. Ашихмина. – Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2020. – С. 75–78.
5. Гераськина М.М. Особенности нравственно-психологического портрета серийного убийцы / М.М. Гераськина, И.В. Харченко // Криминалистика: прошлое, настоящее, взгляд в будущее: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Руза, 04 октября 2019 года / под общ. ред. М.И. Пилиякина, А.В. Ростовцева. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2020. – С. 38–40.
6. Маркина И.Н. Особенности внутрисемейного воспитания как фактор становления личности серийного сексуального убийцы / И.Н. Маркина // Вестник Владимирского юридического института. – 2010. – № 3(16). – С. 121–124.

THE PHENOMENON OF THE FORMATION OF THE PERSONALITY OF A CRIMINAL: THE EXAMPLE OF SERIAL MURDER

Diyakov I.A., Markov A.D.

Moscow University for the Humanities; Bauman Moscow State Technical University

Within the framework of this work, the authors consider the phenomenon of the formation of a criminal's personality, analyze the literature in the field of psychology, pedagogy, sociology and criminology, demonstrating the special role of child psychology in the life of criminals, the characteristics of their childhood years, as well as the families in which they were brought up. The authors touch upon topical and important issues of personality development, which is extremely important for the stable and positive dynamics of the development of society and the state. Particular attention in this article is paid to the description of the determinants in the aspect of parenting implemented by the parents, which affect the process of deformation of the personality and lead in the future to the commission of crimes. It also provides facts from the biographies of famous criminals who have committed crimes against human life (serial killers), highlights the basic features of education and the social environment that lead a person to commit crimes.

Keywords. Education, the phenomenon of education, family, socialization, personality, personality of the criminal.

References

1. Abakumova D.S. Social factors influencing the formation of serial killers and maniacs / D.S. Abakumova // Society, pedagogy, psychology: theory and practice: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Cheboksary, May 28 2021 / BU CR DPO «Chuvash Republican Institute of Education» of the Ministry of Education and Youth Policy of the Chuvash Republic. – Cheboksary: Limited Liability Company Publishing House Sreda, 2021. – P. 352–355.
2. Amanzholova B.A. The role of the family in the formation of the personality of a criminal who subsequently committed serial murders / B.A. Amanzholova, S.V. Veisenberg // Knowledge. – 2016. – No. 4–3 (33). – P. 116–125
3. Antipova A.A. The role of the public in countering crimes committed by serial killers / A.A. Antipova // Crime in the CIS: problems of preventing and solving crimes: collection of materials, Voronezh, May 23, 2018. – Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. – P. 63–66.
4. Garmash A.V. The psychological climate in the family as a factor influencing the development of the personality of a serial killer / A.V. Garmash // Youth of Siberia – to the science of Russia: Materials of the international scientific-practical conference, Krasnoyarsk, April 24, 2020 / Comp. L.M. Ashikhmina. – Krasnoyarsk: Siberian Institute of Business, Management and Psychology, 2020. – P. 75–78.
5. Geraskina MM Features of the moral and psychological portrait of a serial killer / MM Geraskina, IV Kharchenko // Criminalistics: past, present, look into the future: Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference, Ruza, 04 October 2019 / under total. ed. M.I. Pilyakina, A.V. Rostovtseva. – Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.I. V. Ya. Kikotya, 2020. – P. 38–40.
6. Markina IN Features of intra-family education as a factor in the formation of the personality of a serial sexual killer / IN Markina // Bulletin of the Vladimir Institute of Law. – 2010. – No. 3 (16). – P. 121–124.

Состояние, структура и динамика краж из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода

Имамова Эльвира Маннуровна,

аспирант, кафедра уголовного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: evi-kiss@mail.ru

Предмет исследования представлен совокупностью уголовно-правовых норм, определяющих наступление уголовной ответственности за совершение краж из нефте- и газопровода. *Методология исследования* базируется на применении диалектического, эмпирического, статистического методов. *Результаты исследования* обусловлены тем, что в работе особое внимание уделяется актуальным вопросам уголовной ответственности за совершение краж из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода. Область применения результатов – правоприменительная практика, связанная с кражами, совершаемыми из нефте- и газопроводами. *Новизна исследования.* Проведенный анализ состояния, структуры и динамики тайных хищений, совершаемых в отношении газа, нефти и ее продуктов, свидетельствует о том, что в действующем уголовном законодательстве имеются пробелы, нуждающиеся в устранении. *Выводы.* Подобные преступления обусловлены практически сложностями, которые возникают в рамках квалификации совершенных деяний; их динамический рост, в свою очередь, напрямую связан с несовершенством действующего законодательства по вопросам добычи, изучения и охраны нефти и газа.

Ключевые слова: нефть, газ, преступное деяние, нефтепровод, квалификация, газопровод, нефтепродуктопровод, элементы состава преступления.

Согласно самой общей формулировке, хищением считается противоправное изъятие чужого имущества, которое осуществляется на безвозмездной основе и характеризуется корыстной целью и сопровождается причинением различного размера ущерба законному владельцу. Исследования в области развития социально-экономических отношений показывают, что институт собственности – приоритетный объект охраны с точки зрения уголовного права. Статистика МВД РФ по итогам 2020 г. свидетельствует о том, что количество совершенных хищений сократилось на 3% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [4]. В течение января-июня 2021 г. зарегистрировано 353,5 тыс. краж [5]. Совершаемые хищения нефти и ее продуктов, газа из соответствующих трубопроводов относятся к категории преступных деяний, которые, зачастую, совершаются умышленно и напрямую связаны с нарушением права собственности на газ и нефть – природные ресурсы, нуждающиеся в особой защите со стороны государства, которую целесообразно осуществлять, по мнению автора, с помощью уголовно-правовых инструментов.

Кражи, совершаемые из нефте- и газопроводов, касаются не только имущественных отношений, но и отношений в экономической сфере. В то же время Д.А. Лопатин подчеркивает, что в общем количестве хищений, которые регистрируются правоохранительными органами, кражи из нефтепроводов или газопроводов составляют незначительный процент [6, с. 10]. Однако хищения нефти и газа из трубопроводов причиняют вред окружающей среде. Например, каждая десятая кража, совершенная из нефте- и газопровода, характеризуется экологическим ущербом (так, продукты нефти разливаются в почву, загрязняют водоемы) [10, с. 235].

Как и любое другое преступление, кражи, совершаемые из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода, имеют свой состав. В рамках характеристики п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ следует подчеркнуть, что ст. 158 УК РФ структурно относится к преступлениям против собственности (раздел VIII УК РФ, глава 21). Преступные деяния, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, характеризуются материальным составом. Объективная сторона анализируемого преступления сопровождается совершением активных действий, которые предполагают завладением продуктами нефти, газом путем изъятия из соответствующих трубопроводов на незаконном основании.

Кроме того, кражи из нефте- и газопроводов характеризуются причинением последствий в виде соответствующего ущерба, а также причинно-следственной связью, которая увязывает совершенные действия и причиненный ущерб.

В п.п. 2 и 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [9] уточняется, что тайное хищение может совершаться и при посторонних лицах, если они действительно не осознают, что при них происходит кража. В свою очередь, виновный субъект может искренне полагать, что действует тайно при посторонних лицах. Важно подчеркнуть, что преступные деяния, квалифицируемые по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, совершаются, как правило, с прямым умыслом.

Субъективная сторона преступления – это внутренняя сторона деяния, по отношению непосредственно к объективной его стороне. Именно субъективная сторона деяния составляет психическое содержание совершенного преступления. Без своевременного и точного установления субъективных признаков не будет возможности квалифицировать совершенные деяния и привлечь к уголовной ответственности виновных лиц, в том числе при совершении краж из нефте- и газопроводов.

Вина является основным, обязательным признаком субъективной стороны любого состава преступления. Каждое из совершенных преступлений имеет свое содержание вины, которое отражает те объективные признаки, которыми пренебрег субъект преступления ради достижения своей преступной цели. По факту, вина – это совокупность психических элементов, которые и являются фундаментом для того, чтобы субъект решился на совершение преступления.

В настоящее время вопрос полноценного правового регулирования отношений, связанных с газом, нефтью и ее продуктами приобретает все большее значение. Пока что, без преувеличения, можно утверждать, что нефтегазовый комплекс в своей динамике ушел достаточно далеко от правовой системы России. Исследуя вопросы хищений нефти и нефтепродуктов, можно столкнуться с проблемами их регулирования и квалификации в рамках уголовного законодательства, но и с отсутствием необходимого специального законодательного акта. К позитивным моментам установления баланса мер государственного регулирования и рыночного саморегулирования позволяет говорить разработанная и поэтапно внедряемая Энергетическая стратегия России.

Соответственно, отсутствие комплексных нормативных документов ограничивает эффективность системы государственного регулирования. Реформирование нефтегазового комплекса остро нуждается в выработке и принятии соответствующих документов, которые в тоже время позволят улучшить с юридической точки зрения процедуру снабжения заинтересованных лиц нефтью и ее продуктами.

Существует необходимость в принятии новой версии Закона «О недрах», который содержит множество важных положений, связанных с регулированием отношений в сфере добычи, переработки нефти. Изначально указанный закон принимался с целью «латания дыр» – для устранения проблем, не урегулированных законодателем, но обнаруженных практиками. Законодательство об охране окружающей среды позволяет устанавливать границы ответственности и для лиц, которые нарушили правовые нормы в процессе разработки и освоения месторождений [3, с. 51].

Несмотря на всю значимость нефтегазового комплекса, именно нефть как ценный ресурс остается практически неурегулированной законодателем. В 1995 году был подготовлен первый законопроект о нефти и газе, который после нескольких попыток так и не был принят. Тем не менее, в ст. 1 Закона РФ «О недрах» значится, что специфические отношения, связанные с геологическим изучением и добычей минерального сырья, могут регулироваться другими нормативными правовыми актами. В отношении газа, драгоценных металлов и камней подобные специальные акты были приняты, а в отношении нефти данный вопрос не был решен.

К тому же, в действующем законодательстве, по мнению автора, отсутствуют необходимые правила, благодаря которым процесс изучения нефти, ее добыча были бы надлежащим образом урегулированы, что позволило бы сократить число преступных деяний, связанных с незаконными врезками в нефте- и газопроводы. Вследствие складывающейся ситуации, обусловленной острой нехваткой полноценной регламентации отношений по поводу изучения и добычи нефти и газа, на региональном уровне были приняты различные законы. Подобные законодательные акты приняты в Саратовской области, Ханты-Мансийском автономном округе, Тюменской области, Республике Татарстан, хотя по своему содержанию они могли вступать в противоречие с федеральным законодательством.

Накопившиеся проблемы усугублялись отсутствием единообразной практики в сфере снабжения нефтью и нефтепродуктами. Разрозненные нормы, присутствуют в самых различных правовых актах, но только не в Законе РФ «О недрах» и до сих пор не принятом Федеральном законе «О нефти и газе». На практике судам все чаще приходится руководствоваться субсидиарными нормами, применяемыми для урегулирования спорных вопросов по вопросам снабжения нефтью и нефтепродуктами, заниматься дополнительно толкованием терминологии, обоснования которой нет в нормах действующего законодательства. В частности, отсутствуют необходимые определения, поясняющие суть терминов «природные ресурсы», «нефть», «нефтепродукты». Также, необходимо уточнить с точки зрения законодательства и такие определения как нефтяное месторождение, залежь углеводородов и углеводородное сырье.

В современной Российской Федерации нефтяной сектор по праву занимает особое место, являясь при этом важным источником энергии и неотъемлемым элементом развитого экономического оборота. Экономика России, во многом, зависит от стабильности цен на нефть и газ на международном рынке, от адекватности внешнеэкономической политики. Нефть и нефтепродукты являются одними из базовых объектов внешнеэкономической деятельности.

Нефть является природным ресурсом Российского государства, одним из ценнейших полезных ископаемых, встречающихся в государстве. О.В. Пименова указывает на серьезнейшую проблему в современном законодательстве, затрудняющую понимание и трактовку сущности полезных ископаемых – отсутствие полноценного определения [8, с. 9]. Зарубежные исследователи, в частности, Ф. Грей указывает, что нефть (с англ. – *petroleum*) – сложенный термин, содержательно включающий в себя смесь жидких углеводородов.

Весьма часто слово «*petroleum*» употребляется применительно к природному газу. Соответственно, нефтью следует считать группу жидких, твердых и газообразных углеводородов [2, с. 13].

М.Е. Певзнер поясняет, что нефть можно и нужно воспринимать как объект потребляемый, исчерпаемый и невозобновляемый. Месторождения полезных ископаемых рассредоточены весьма неравномерно, поэтому считаются доступными человеку лишь отчасти. Неспроста нефть признается сырьевым ресурсом стратегического значения [7, с. 53], и ее разведка, добыча инициируется, как правило, государством. Нефть как ресурс привлекательна для всех стран мира, подтверждением тому является ситуация, разворачивающаяся вокруг природных ресурсов Арктики.

Внимание к Арктике как участку поверхности, содержащему ценные залежи природных ресурсов, было обращено только в 2008 году, когда силами американской геологической экспедиции было обнаружено на территории Арктического шельфа порядка 90 млрд баррелей нефти и около 1600 трлн. куб. метров газа. В совокупной массе, данные ресурсы составляют 1/5 часть от всех не добытых ресурсов планеты. Ввиду этого государства имеющие выход к данной территории заявили о суверенных правах на данную территорию.

В рамках проводимого нами исследования важно задаться вопросом, касающимся определения правовой природы нефти в российском законодательстве. Так, анализ современных взаимоотношений в сфере добычи нефти, проведения геологических и разведывательных работ свидетельствует о том, что самые первые правоотношения, касающиеся природных ископаемых, зародились еще в начале XX века. То есть, уже более века назад ресурсы нефти и газа признавались важнейшими экономическими активами.

Однако уже в середине прошлого века соглашения, касающиеся нефти, претерпели серьез-

ные изменения. Интересы сторон были уравнены, за счет сокращений и ограничений прав концессионеров. Такие соглашения уже именовались модернизированными, первое из которых было использовано в 1948 году в Венесуэле, теперь концессионер уплачивал не только роялти, но и налог на прибыль [1, с. 17]. Мировое сообщество пришло к заключению, что нефть – невозобновляемый природный ресурс, который уменьшается по мере вовлечения его в хозяйственный оборот. Несомненно, запасы нефти не бесконечны, и как производственный актив истощаются.

Таким образом, существующие противоречия и недоработки действующего законодательства отрицательно сказываются на квалификации, выявлении и профилактике краж из нефте- и трубопроводов. По мнению автора, существует необходимость ужесточения наказаний за совершение данных преступных деяний. В качестве потенциальных способов урегулирования проблемных аспектов в данной сфере следует назвать возможность выделения краж из нефте- и газопроводов в отдельный самостоятельный состав. Кроме того, следует предусмотреть возможность наступления уголовной ответственности за данный вид краж без наступления отрицательных имущественных последствий.

Литература

1. Богданов В.Л. Система управления активами нефтегазовых компаний в современных российских экономических условиях. М., 2002.
2. Грей Ф. Добыча нефти. М., 2001.
3. Исаргакова Э.В. Несанкционированные отборы углеводородного сырья в системе магистральных трубопроводов // Теория и практика высоких технологий в промышленности. Уфа. 2017.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/>
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июнь 2021 года. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/25094008/>
6. Лопатин Д.А. К вопросу об определении момента окончания кражи из нефтепровода // Юридические исследования. 2019. № 9.
7. Певзнер М.Е. О горном праве // Государство и право. 1996. № 8.
8. Пименова О.В. Нефть как объект гражданских правоотношений // Право и инвестиции. 2011. № 3–4 (48).
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
10. Чернышев Д.Б. Кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода, сопряжен-

ная с их повреждением – проблемы совокупного вменения // Вестник Казанского юрид. института МВД России. 2019. № 2 (36).

THE STATE, STRUCTURE AND DYNAMICS OF THEFTS FROM THE OIL PIPELINE, OIL PRODUCT PIPELINE AND GAS PIPELINE

Imamova E.M.

Kazan (Volga Region) Federal University

The subject of the research is represented by a set of criminal law norms that determine the onset of criminal liability for committing thefts from an oil and gas pipeline. The research methodology is based on the use of dialectical, empirical, statistical methods. The results of the study are due to the fact that the work pays special attention to topical issues of criminal liability for committing theft from oil pipelines, oil product pipelines and gas pipelines. The scope of the results is law enforcement practice related to thefts from oil and gas pipelines. Research novelty. The analysis of the state, structure and dynamics of secret thefts committed in relation to gas, oil and its products indicates that there are gaps in the current criminal legislation that need to be eliminated. Conclusions. Such crimes are due to the practical difficulties that arise in the qualification of the acts committed; their dynamic growth, in turn, is directly related to the imperfection of the current legislation on the production, study and protection of oil and gas.

Keywords: oil, gas, criminal act, oil pipeline, qualification, gas pipeline, oil product pipeline, elements of the corpus delicti.

References

1. Bogdanov V.L. Asset management system of oil and gas companies in modern Russian economic conditions. Moscow, 2002.
2. Gray F. Oil production. Moscow, 2001.
3. Isargakova E.V. Unauthorized selections of hydrocarbon raw materials in the system of trunk pipelines // Theory and practice of high technologies in industry. Ufa. 2017.
4. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2020. Access mode: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/>
5. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-June 2021. Access mode: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/25094008/>
6. Lopatin D.A. On the question of determining the moment of the end of the theft from the oil pipeline // Legal research. 2019. № 9.
7. Pevsner M.E. On mining law // State and law. 1996. No. 8.
8. Pimenova O.V. Oil as an object of civil legal relations // Law and investment. 2011. № 3–4 (48).
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 of 27.12.2002 “On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. No. 2.
10. Chernyshev D.B. Theft from an oil pipeline, oil product pipeline, gas pipeline, associated with their damage – problems of aggregate imputation // Bulletin of the Kazan Jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2 (36).

К вопросу о признании взяткодателя потерпевшим в делах о преступлениях коррупционной направленности

Калинина Алла Леонидовна,

аспирант отдел методологии противодействия коррупции
Института Законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ
E-mail: kalinina@legalcorp.ru

Привлечение лица в качестве потерпевшего в делах о преступлениях коррупционной направленности имеет особенности, которые несмотря на существующее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 не разрешен в полной мере в связи с чем в настоящей статье анализируются несколько нетипичных судебных решений, а также сравнивается круг прав потерпевшего и свидетеля по коррупционным преступлениям. Показано, что ошибка в определении процессуального статуса лица существенна. Если взяткодатель будет признан потерпевшим, то ему могут быть возвращены переданные денежные средства. При отмене постановления следователя о признании лица потерпевшим как ошибочное и изменяя процессуальный статус данного лица на статус свидетеля суд не решает проблему его незаконного участия в следственных действиях и знакомства со всеми материалами дела. На взгляд автора имущественные интересы взяткодателя не должны защищаться государством, то есть взяткодатель не застрахован от имущественных рисков, если цель передачи ценностей не была достигнута.

Ключевые слова: мошенничество, взятка, расследование преступлений, свидетель, потерпевший, коррупция.

С самых общих позиций вопрос наличия потерпевшего по коррупционным составам должен быть разрешен окончательно еще в декабре 2019 года внесенными изменениями в пункт 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях» [2]. Поправками Пленум закрепил правило, согласно которому взяткодатель, независимо от реальной возможности взяткополучателя в силу его служебных полномочий и должностного положения осуществить содеянное, не может быть признан потерпевшим. При этом, в пункте 30 обращено внимание, что «освобождение от уголовной ответственности взяткодателя либо лица, совершившего коммерческий подкуп, которые активно способствовали раскрытию и (или) расследованию преступления и в отношении которых имело место вымогательство взятки или предмета коммерческого подкупа, не означает отсутствия в их действиях состава преступления. Поэтому такие лица не могут признаваться потерпевшими и не вправе претендовать на возвращение им ценностей, переданных в виде взятки или предмета коммерческого подкупа».

Таким образом Пленум разъяснил два важных постулата – взяткодатель не может быть признан потерпевшим если передавал деньги за совершение незаконных действий. Во вторых, если взяткодатель способствовал раскрытию или расследованию преступления – это не означает отсутствия в действиях такого лица признаков иного преступления. На что также обратил внимание Конституционный суд отказывая 2020 году в принятии к рассмотрению жалоб граждан Максимовой Е.В. [3] и Максимова В.А. [4].

Однако в правоприменительной практике, вопреки вышеизложенным разъяснениям судьи и следователи продолжают придерживаться старого подхода. Проанализируем правоприменительную практику.

Так, Хамовнический районный суд указал, что гражданин У. признан потерпевшим ошибочно, и в связи с этим освободил гражданина У. от участия в деле. Более того, суд подчеркнул и тот факт, что в стадии предварительного расследования вопрос о наличии либо отсутствии в действиях гражданина У. состава одного из преступлений, предусмотренных ст. 291 УК, разрешен не был. [5]

Однако апелляция указала, что «У. не подвергался уголовному преследованию со стороны правоохранительных органов по факту дачи взятки за совершение в его интересах незаконных дей-

ствий, уголовное дело в отношении У. не возбуждалось. У. были переданы личные денежные средства, которые впоследствии ему не возвращены, в связи с чем совершенным преступлением ему причинен вред и, соответственно, он обоснованно признан потерпевшим по уголовному делу. Постановление суда первой инстанции лишает У., как пострадавшего от преступления, права на доступ к правосудию и права на судебную защиту. С учетом того, что действия обвиняемых квалифицированы как мошенничество, то есть по ч. 4 ст. 159 УК РФ, ссылки суда первой инстанции в постановлении на положения Постановления Пленума ВС РФ № 24 от 9 июля 2013 года «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» являются необоснованными».[6] Таким образом, апелляционная инстанция не только вынесла решение, которое прямо противоречит Постановлению № 24, но и подчеркнула, что ссылки на него суда первой инстанции являются необоснованными. Фактически она встала на защиту взяткодателя.

Согласно другому решению, адвокаты-защитники утверждали, что «З.Л.М. был необоснованно признан потерпевшим по делу, не мог быть таковым, поскольку не имеет никакого отношения к ООО, владельцем которого является К.И.Х. Исходя из этого, утверждается, что по заявлению З. Л.М. не могло быть возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 290 УК РФ в отношении Шалова А.А.» Однако суд апелляционной инстанции оставил З.Л.М. в статусе потерпевшего на том основании, что с заявлением о вымогательстве взятки в правоохранительные органы может обратиться любой гражданин и по такому заявлению при необходимости надлежит проведение оперативно-розыскных мероприятий, а в последующем, при наличии оснований, процессуальной проверки и предварительного расследования». [7]

Ошибка в определении процессуального статуса лица существенна. Вместе с тем ущерб от ошибочного признания взяткодателя потерпевшим трудно переоценить. Достаточно сравнить объем прав потерпевшего по уголовному делу (ст. 42 УПК) с аналогичными правами свидетеля (ст. 56 УПК). Так, степень участия потерпевшего в расследовании уголовного дела существенно выше, чем свидетеля, в виду того, что законодатель не относит свидетеля как участника уголовного процесса к сторонам участвующим в деле, по этой причине перечень предоставленных ему прав ограничен теми, которые необходимы для его участия в допросе в качестве свидетеля. Круг прав, представленных свидетелю, значительно меньше, чем прав предоставленных потерпевшему. У свидетеля отсутствуют следующие права: заявлять ходатайство о проведении следственных действий, участвовать в следственных действиях, производимых по его ходатайству, знакомиться с протоколами следственных действий, постановлением о назначении экспертизы, а также с заключением эксперта. У свидетеля отсутствует

право знакомиться со всеми материалами уголовного дела по окончании стадии предварительного расследования, однако присутствует право ходатайствовать о применении мер безопасности, что оправдано ценностью его содействия расследованию преступления.

Так как суд не правомочен подменять собой следственные органы, отменяя постановление следователя о признании лица потерпевшим как ошибочное и изменяя процессуальный статус данного лица на статус свидетеля суд не решает проблему его незаконного участия в следственных действиях и знакомства со всеми материалами дела. В результате это может привести к тому, что лицо, о узнав весь объем доказательств по делу, может изменить показания, данные им на досудебных стадиях в своих интересах, что станет причиной нарушения права на защиту обвиняемого, поскольку сторона защиты лишится возможности изобличить такого свидетеля в непоследовательных или ложных показаниях. Постановление Пленума содержит лишь (пункт 4) о том, что если по поступившему уголовному делу суд установит, что лицо признано потерпевшим без достаточных к тому оснований, предусмотренных ст. 42 УПК, то он выносит постановление (определение) о том, что такое лицо ошибочно признано потерпевшим, и разъясняет ему право на обжалование принятого судом решения в апелляционном порядке.

Ошибочное признание взяткодателя потерпевшим может привести и к другим трудно разрешимым и значительным последствиям. Как правило, взяткодатель не с самого начала производства по делу выступает в процессуальном статусе свидетеля. Получается, что в ходе следствия взяткодатель-потерпевшему могут быть возвращены переданные денежные средства. Если в ходе следствия обвиняемый возместит ущерб потерпевшему, вернув ему деньги, то забрать их обратно можно будет двумя способами – предъявить гражданский иск к потерпевшему и взыскать с него сумму денег в доход государства либо взыскать эту же сумму с осужденного, так как он неправильно вернул денежные средства, вопреки разъяснению Пленума. Но тогда нарушаются права осужденного – non bis in idem: так как ему придется возместить ущерб дважды.

Подводя итог вышеизложенному, на наш взгляд кажется справедливым, что имущественные интересы взяткодателя не должны защищаться государством, то есть взяткодатель не застрахован от имущественных рисков, если цель передачи ценностей не была достигнута. Таким образом вопрос о признании потерпевшим (гражданским истцом) при перекалфикации деяние на мошенничество, совершенного под видом получения взятки, а также о взыскании переданных при этом денег и других ценностей решается с учетом правомерности или противоправности поведения лица, их передавшего направлен на поддержание основ правопорядка и нравственности.

Следует обратить внимание, что наряду с предоставленными законом правами, потерпевшие несут определенные обязанности, за несоблюдение которых уголовным кодексом предусмотрена ответственность по ст.ст.307, 308 УК РФ (за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний, по ст. 310 УК РФ (за разглашение данных предварительного расследования).

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета от 22 декабря 2001 г. № 249
2. Постановление Пленума ВС РФ № 24 от 9 июля 2013 года «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // «Российская газета» от 17 июля 2013 г. № 154
3. Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 г. № 807-О // СПС «Гарант»
4. Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 г. № 806-О// СПС «Гарант»
5. Апелляционное постановление Московского городского суда от 26 августа 2020 г. по делу № 10–15497/2020 // СПС «Гарант»
6. Постановление Хамовнического районного суда г. Москвы от 11 августа 2020 по делу 01–0002/2021 // СПС «Гарант»
7. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 30 декабря 2019 г. по делу № 22–904/2019 // СПС «Гарант»

ON THE QUESTION OF RECOGNIZING A BRIBE-TAKER AS A VICTIM IN CASES OF CORRUPTION-RELATED CRIMES

Kalinina A.L.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Involvement of a person as a victim in cases of corruption-related crimes has features that, despite the existing Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2013 No. 24, are not fully permitted, and therefore this article analyzes several atypical court decisions, and also compares the range of rights of the victim and witness in corruption crimes. It is shown that the error in determining the procedural status of a person is significant. If the bribe-giver is recognized as a victim, the transferred funds can be returned to him. When canceling the decision of the investigator on recognizing a person as a victim as erroneous and changing the procedural status of this person to the status of a witness, the court does not solve the problem of his illegal participation in investigative actions and acquaintance with all the materials of the case. In the author's opinion, the property interests of the bribe giver should not be protected by the state, that is, the bribe giver is not insured against property risks if the purpose of the transfer of values has not been achieved.

Keywords: fraud, bribe, crime investigation, witness, victim, corruption.

References

1. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ//Russian newspaper of December 22, 2001 No. 249
2. Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation No. 24 of July 9, 2013 "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" //Rossiyskaya Gazeta of July 17, 2013 No. 154
3. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 26, 2020 No. 807-O//SPS "Guarantor"
4. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 26, 2020 No. 806-O// SPS "Guarantor"
5. Appeal decision of the Moscow City Court of August 26, 2020 in case No. 10–15497/2020//SPS "Garant"
6. Decision of the Khamovnichesky District Court of Moscow dated August 11, 2020 in the case 01–0002/2021//SPS "Garant"
7. Appeal decision of the UK in criminal cases of the Supreme Court of the Kabardino-Balkarian Republic of December 30, 2019 in case No. 22–904/2019//SPS "Garant"

Правовое положение наследственных трастов в США

Галикеев Фархад Назипович,

аспирант кафедры гражданского права, Башкирский
государственный университет
E-mail: farkhadgalikeev@yandex.ru

В представленной статье проведен анализ правового положения наследственных трастов в США. Исследованы вопросы наследования данных трастов. Результаты статьи базируются на тех положениях, что развитие института частной собственности и брачно-семейных отношений привело к появлению новых вопросов в сфере наследственного права. Согласно теории англо-американского права, наследственными фондами являются трасты. Данное понятие в американском законодательстве появилось достаточно давно и было заимствовано из английской правовой системы. В статье показано, что под трастом понимается доверительное правоотношение между учредителем и доверительным лицом, который будет управлять имуществом в интересах третьего лица-бенефициара, то есть, выгодоприобретателя. Траст признается действующим при соответствии следующим условиям: предмет траста четко определен и указывает на конкретное имущество, траст отражает намерение учредителя его создать, объект траста четко определен и указывает на бенефициаров, то есть, выгодоприобретателей или же при условии, что траст создан для достижения конкретных целей. Американское наследственное право предусматривает обязанность для доверительного управляющего уведомить кредиторов о факте смерти учредителя траста. Делается это путем публикации документа с указанием места и срока для приема требований со стороны кредиторов. После публикации документа начинается отсчет срока для получения требований со стороны кредиторов.

Ключевые слова: траст, наследственный траст, законодательство, США, регулирование, дееспособный.

В современном понимании трастовое законодательство в США представлено в виде совокупности правовых норм, целью применения которых является сохранение активов. Создание и администрирование трастов в США регулируется на государственном уровне. Учредителем траста может выступит лицо, достигшее 18 лет и не ограниченное в завещательной дееспособности по решению суда [1].

В отдельных штатах, к примеру, в Джорджии, предусматривается наступление завещательной дееспособности с 14 лет. Учредитель траста на момент составления завещания должен соответствовать определенным требованиям к своим умственным способностям и психическому состоянию. Данные требования не являются такими жесткими, какие предусматриваются для совершения некоторых иных гражданско-правовых сделок. Даже если в судебном завещатель будет признан недееспособным, будет назначен опекун, то это не помешает ему составить завещание, такой документ будет обладать юридической силой.

Доверительным управляющим признается субъект наследственного фонда. Им может быть любое лицо совершеннолетнее лицо, обладающее признаками дееспособности и правоспособности. В качестве доверительного управляющего может быть выбрана и корпорация. Профессор Э. Дженкс в своем исследовании пишет о том, что многие американцы, которые передают имущество в траст, назначают доверительными управляющими юридических лиц. Такая правовая политика направлена на то, чтобы не сосредотачивать все имущество в руках одного лица.

Создание траста предусматривается по завещанию, учредитель должен указать в нем на конкретного управляющего, если он не указан, то траст не аннулируется, так как доверительный управляющий может быть назначен по решению суда. Завещание не утрачивает своей юридической силы и в том случае, если выбранное лицо в качестве доверительного управляющего отказывается от исполнения возложенных на него обязанностей. Исключением из этого правила будут те случаи, когда учредитель не видит траст без назначенного управляющего [2].

Среди исследователей есть точка зрения о том, что доверительным управляющим необходимо выбирать такое лицо, которое не имеет интереса к разделу наследственного имущества. Ранее для назначения на роль доверительного управля-

ющего требовалось получение согласия от лица, который выполнял данные функции. В настоящее время по американскому законодательству предусматривается возможность получения такого согласия в будущем, а не на момент составления завещания.

Согласие может быть выражено не только в письменной форме, но и путем исполнения фактических действий, связанных с исполнением траста, совершенных в срок одного месяца с даты открытия наследства. Американское законодательство устанавливает обязанность для доверительного управляющего уведомить заинтересованных лиц, страховую компанию, фонд социальной безопасности и почтовое отделение о факте смерти завещателя. Он обязан проинформировать всех заинтересованных лиц о дате и месте, где будет зачитана последняя воля [3].

Если трастом предусматривается выплата заработной платы доверительному управляющему, то заблаговременно завещателем должен быть открыт специальный счет, за счет него будет содержаться траст. Доверительному управляющему отводится задача по сбору необходимого пакета документов, включая выписки по активам и имеющимся долгам умершего.

Сложившаяся юридическая практика в США указывает на то, что доверительные управляющие могут быть назначены по решению суда при условии, что в трасте они указаны не были. Если доверительные управляющие не были указаны в трасте, то они могут быть назначены по решению суда, неуказание выгодоприобретателя может являться основой для аннулирования траста. Требований к поименному указанию выгодоприобретателей в законе не установлено. В большей части случаев трасты создаются в интересах недееспособных родственников, детей учредителя и будущих внуков.

В трастовом законодательстве фигурирует термин «родственники», каковыми принято понимать законных наследников. В законодательстве большинства штатов имеется возможность отказать выгодоприобретателю от будущих доходов в течение 9 месяцев с момента возникновения права на такие доходы. Однако на уровне федерального законодательства, регулирующего вопросы налогообложения, предусматривается уплата налога как на подарок даже в случае отказа [3].

Внутренний Доходный кодекс от 1976 г. предусматривает возможность освобождения от уплаты такого налога путем предоставления отказов от получения будущих доходов в срок 9 месяцев с момента возникновения права на такие доходы даже в том случае, если реально такое право не возникло.

В США завещательный траст представлен в виде действия, основанием для совершения которого является последняя воля покойного. И главным условием создания наследственного фонда является оформление завещания с указанием на решении об учреждении наследственного фонда. В ре-

шении должна быть указана информация о фонде и утверждении его устава, приведены условия управления фондом. Также в решении должна приводиться информация об условиях распоряжения имуществом фонда. Образование наследственного траста в США происходит при условии, что есть намерение его создания и присутствуют элементы в виде назначенного доверительного управляющего, указанных бенефициаров и имущества. Эти элементы могут быть указаны в завещании с указанием на намерение создания траста, либо исходить из фактов, указанных в завещании и обозначающих намерение создания траста уже после смерти гражданина.

Завещание должно однозначно указывать на волю завещателя, ориентировано на передачу доверительному управляющему имущества с целью распоряжения им после смерти завещателя. В соответствии с законодательством штата Нью-Йорк предусматривается, что завещанием признается документ, в котором только реализовано право назначения в отношении имущества. Завещание должно быть представлено в виде письменного документа, подписанным в присутствии свидетелей. В некоторых штатах по закону предусматривается возможность оформления голографических завещаний, для их оформления присутствия свидетелей не требуется. Однако они должны быть написаны собственноручно.

Завещание может быть дополнено путем включения раздела о правах и обязанностях, распространяющихся на доверительных управляющих, выгодоприобретателей и раздела о налогообложении в отношении наследуемого имущества [4].

Учреждение завещательного траста происходит в соответствии с последней волей завещателя. Траст для него выступает в качестве преемника. Создается данный институт при жизни лица с целью размещения принадлежащего ему имущества в наследственном фонде. Законную силу траст приобретает после завершения завещательного процесса.

Специфика законодательства США заключается в том, что имущество не сразу переходит к наследникам, сначала оно переходит к личному представителю, каковым и является доверительный управляющий. Выгодоприобретатели приобретают имущество уже от доверительного управляющего. Если умерший не назначил доверительного управляющего, то таковым назначается лицо из числа наследников по решению суда. Доверительным лицом обычно назначается супруг или другие ближайшие родственники. Лицо, назначенное доверительным управляющим по решению суда, называется администратором.

Создание траста с позиции законодательства необходимо рассматривать как планирование защиты активов или долгосрочное планирование ухода. В создании траста помогают адвокаты, сопровождающие процесс составления завещания и соблюдение всех норм законодательства при этой процедуре. Основным методом создания

траста является оформление трастовой декларации. Она представлена в виде действия, подтверждающего и заявляющего намерения лица передать свое имущество в доверительное управление другому лицу или для достижения с этим определенных целей.

Особым образом в американском законодательстве регулируется завещательная дееспособность, для ее подтверждения необходимо соответствие требованиям психического здоровья. Главная же особенность заключается в том, что рассмотрением наследственных дел в США занимаются суды специальной юрисдикции. Они рассматривают дела о завещаниях и наследовании имущества, занимаются тем, что распределяют имущество между наследниками. Процедура наследования в США и ряде других стран представлена в виде ликвидации имущества, которое осталось после умершего. В связи с этим имущество учредителя фонда не сразу переходит к правопреемникам, сначала оно переходит в распоряжение доверительного управляющего [5].

В рамках исполнения своих обязанностей он осуществляет расчеты с кредиторами. Американское наследственное право предусматривает обязанность для доверительного управляющего уведомить кредиторов о факте смерти учредителя траста. Делается это путем публикации документа с указанием места и срока для приема требований со стороны кредиторов. После публикации документа начинает отсчитываться срок для получения требований со стороны кредиторов. Выставленные требования подлежат удовлетворению. После истечения этого срока право на предъявление требований признается прекращенным.

Литература

1. Алешина А.В. Основы наследственного права США / А.В. Алешина, В.А. Косовская // Общество. Развитие. – 2015. № 1. – с. 82–86.
2. Алешина А.В. Принятие наследства в США: способы, охрана, налоги / А.В. Алешина, В.А. Косовская // Общество. Развитие. – 2015. № 2. – с. 13–16.
3. Наследственное право: Учеб. пособие / Отв. ред. О.Ю. Ильина, Н.Д. Эриашвили, А.Н. Кузбагаров. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.
4. Чшмаритян П.С. Отдельные вопросы регулирования трансграничного наследования

по праву Соединенных Штатов Америки // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 1.

5. Петров Е.Ю. Ответственность наследника по долгам наследства // Актуальные вопросы наследственного права: сб. / Ю.Б. Гонгало, П.В. Крашенинников, И.Б. Миронов и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2016. – С. 88.

LEGAL STATUS OF INHERITANCE TRUSTS IN THE UNITED STATES

Galikeev F.N.

Bashkir State University

This article analyzes the legal status of inheritance trusts in the United States. The issues of inheritance of these trusts have been investigated. The results of the article are based on the provisions that the development of the institution of private property and marriage and family relations has led to the emergence of new issues in the field of inheritance law. According to the theory of Anglo-American law, inheritance funds are trusts. This concept appeared in American law a long time ago and was borrowed from the English legal system. The article shows that a trust is understood as a trust relationship between the founder and the trustee who will manage the property in the interests of the third party beneficiary, that is, the beneficiary. The trust is recognized as valid if the following conditions are met: the subject of the trust is clearly defined and indicates a specific property, the trust reflects the intention of the founder of it, the object of the trust is clearly defined and indicates the beneficiaries, that is, the beneficiaries, or provided that the trust was created to achieve specific goals ... American inheritance law provides for the obligation for the trustee to notify creditors of the death of the settlor of the trust. This is done by publishing a document indicating the place and time frame for accepting claims from creditors. After the publication of the document, the deadline for receiving claims from creditors begins to count.

Keywords: trust, hereditary trust, legislation, USA, regulation, capable.

References

1. Aleshina A.V. Fundamentals of inheritance law of the USA / A.V. Aleshina, V.A. Kosovskaya // Society. Development. – 2015. No. 1. – pp. 82–86.
2. Alyoshina A.V. Acceptance of inheritance in the USA: methods, protection, taxes / A.V. Alyoshina, V.A. Kosovskaya // Society. Development. – 2015. No. 2. – pp. 13–16.
3. Inheritance law: Textbook / Ed. by O.Y. Ilyina, N.D. Eriashvili, A.N. Kuzbagarov. M.: UNITY-DANA, 2021.
4. Chshmarityan P.S. Certain issues of regulation of cross-border inheritance under the law of the United States of America // Theory and practice of social development. – 2017. – № 1.
5. Petrov E. Yu. Responsibility of the heir for inheritance debts // Actual issues of inheritance law: collection / Yu.B. Gongalo, P.V. Krashenninikov, I.B. Mironov, etc.; edited by P.V. Krashenninikov. – M.: Statute, 2016. – p. 88.

База данных, интернет-сайт, доменное имя, искусственный интеллект, технологии блокчейн как объекты исключительных прав в странах ЕАЭС

Канатов Танат Канатович,

докторант МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: natan82008@mail.ru

В данной статье рассматриваются объекты исключительных прав, такие как, базы данных, интернет-сайт, доменное имя, искусственный интеллект, технологии блокчейн и другие в странах ЕАЭС. Следует отметить, о том, что перед наукой гражданского права на каждом этапе ее развития всегда стояли конкретные проблемы, определяемые политическими, экономическими, социально-культурными и научно-техническими потребностями общества. Среди их большого разнообразия существуют такие, которые являются ключевыми для юридической науки на любом этапе ее развития. К их числу можно с полным основанием отнести исследование проблемы трактовки «искусственный интеллект» и «технологии блокчейн» и другие. В юридической теории данные вопросы обсуждаются на протяжении нескольких лет, в статье отражены наиболее весомые теоретические выкладки выдающихся ученых по данным правовым спорным вопросам различных эпох.

Цель: исследовать актуальные проблемные вопросы, трактовки и регламентации дефиниций «гармонизация» и «унификация» в доктрине и законодательстве об интеллектуальной собственности стран Европейского Союза. *Методология:* при написании статьи были применены системно-структурные, конкретно-социологические, историко-правовые, социально-правовые, сравнительно-правовые, статистические методы работы. *Результаты:* предложения и выводы, основанные на проведенном анализе законодательства стран ЕАЭС.

Ключевые слова: базы данных, интернет-сайт, искусственный интеллект, технологии блокчейн, доменное имя, исключительные права, ЕАЭС.

Рассогласованность подходов законодателей Союза наблюдается и в отношении термина «база данных». В соответствии со ст. 1260 ГК РФ, «базы данных» – это представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью ЭВМ. В Законе РК «Об авторском праве и смежных правах» база данных – это «совокупность данных (статей, расчетов, фактов и других), представляющих по подбору и (или) расположению материалов результат творческого труда...» (п. 9 ст. 1). В Законе РА «Об авторском праве и смежных правах») база данных трактуется как «компилирование данных или иных материалов (статей, расчетов, фактов и т.п.) в машиночитаемую или иную форму, которое по подбору или расположению материалов является результатом творческого труда» (ст. 4). В кыргызском законодательстве это – «объективная форма представления и организации совокупности данных (статей, расчетов и так далее), систематизированных таким образом, чтобы эти данные могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ) (абз. 3 ст. 4 Закона КР «Об авторском праве и смежных правах»). В ст. 1 Закона РБ «Об информации, информатизации и защите информации» закреплено, что «база данных» – это «совокупность структурированной и взаимосвязанной информации, организованной по определенным правилам на материальных носителях».

Базы данных в законах ЕАЭС квалифицируются через различные родовые категории, как составного произведения, так и сложного объекта. База данных – это составное произведение, поскольку представляет собой соединение различных содержательных элементов. На базу данных может распространяться правовой режим сложного объекта, поскольку в состав базы может, например, входить компьютерная программа, необходимая для функционирования базы [1].

По поводу базы данных как объекта авторского права исследователи высказали мнение, что этот термин является весьма ограниченным в законе, что порождает проблемы с правовой идентификацией отдельных произведений как баз данных. Легальную дефиницию этого составного произведения А.А. Инюшкин, например, предлагает изложить следующим образом: «Базой данных является представленная в объективной форме совокупность независимых произведений, данных или

других материалов, расположенных систематически и доступных с помощью электронных или других средств» [2].

База данных, находящаяся на облачном сервере, не имеет ни одного классического оригинала произведения ввиду отсутствия единого хранилища данных. Сама конструкция онлайн-хранилищ предполагает распределенную сеть, и, несмотря на то, что для клиента этот виртуальный сервер обладает единой структурой, физически подобные сервера могут располагаться на большом удалении друг от друга, по всему миру. Следовательно, и легальные термины «экземпляр» и «материальный носитель», содержащиеся в ГК РФ, к данному высокотехнологичному составному произведению можно применять только с оговорками [3].

К широко распространенным сложносоставным объектам исключительных прав относится также сайт в сети «Интернет», который определяется как совокупность программ для ЭВМ и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети «Интернет» (п. 2 ст. 13 Закона № 149-ФЗ).

До настоящего времени не во всех странах ЕАЭС имеется четкое представление о правовой природе доменного имени и правомочий использования данного права. Согласно пп. 15 ст. 2 Закона № 149-ФЗ, доменное имя – это обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети «Интернет» в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети «Интернет».

Можно исходить из того, что доменная система имен (англ. Domain Name System, DNS) – это распределенная база данных, в которой символьному имени домена соответствует цифровой адрес компьютера, где расположен сайт, индивидуализируемый данным доменным именем [4].

Мировая судебная практика исходит из того, что доменное имя служит отдельным средством индивидуализации, являющимся объектом законного интереса владельца домена [5]. Однако «доменные споры» последнего времени все чаще связаны со средствами индивидуализации не столько владельцев товарных знаков, сколько физических и юридических лиц. По всему миру возникают недобросовестные пользователи сети Интернет, именуемые «киберсквоттерами», главным образом четырех видов: точный, тайпсквоттинг, транскрибирование и мультязычный [6], традиционные судебные процедуры для борьбы с ними применяются с большим трудом.

Проблемы намечаются с использованием технологии blockchain, правовой режим которой в гражданском законодательстве не определен. «Блокчейн» (от англ. «blockchain»: block – блок, chain – цепочка) – это пиринговая технология (A Peer-to-Peer Electronic Cash System, «peer-to-peer», P2P), дословно означающая «один на один» или равно-

правный обмен. Важным преимуществом технологии blockchain является тот факт, что ее невозможно подделать. Уже в ближайшее время, помимо финансовой сферы, технология blockchain найдет применение в области систематизации результатов интеллектуальной деятельности [7], в государственном управлении [8], жилищно-коммунальном хозяйстве [9] и других, что актуализирует задачу заполнения пробелов в правовом регулировании «прорывных» технологий в странах ЕАЭС.

Необходимость гармонизации и унификации терминологического аппарата и обеспечения стабильности правового режима цифровых объектов ИС не оставляет сомнений в том, что гражданское законодательство стран ЕАЭС должно быть дополнено новыми сложными объектами (программа ЭВМ, база данных, Интернет-ресурс, технология блокчейн, облачная технология, Интернет вещей, искусственный интеллект, аналитические структуры на основе Big Data и т.д.) и приведено к единообразному пониманию на основе единых принципов систематизации и правового регулирования.

Юридическое значение имеют все базовые вопросы правового регулирования: разработка новых правовых конструкций, принципов правового регулирования, правового режима использования информации, вопросов информационной безопасности с учетом таких свойств новых сложных объектов, как технико-технологическая сложность, экстратерриториальность, сетевая нейтральность, совместимость, децентрализованность.

С 2019 г. в России проходит эксперимент, предусматривающий переход некоторых ИТ-компаний на специальный правовой режим, предусматривающий максимальное снятие барьеров к новым информационным решениям и продуктам (в том числе с точки зрения технического регулирования) и особые процедуры проведения контрольно-надзорной и разрешительной деятельности мониторинга соблюдения этими компаниями обязательных требований.

Необходимо также рассмотреть еще одно глобальное явление постиндустриального общества – графический дизайн. Первое исследование, посвященное этой профессии, отождествляло дизайн как историю стилей [10]. Истоки дизайна как вида проектно-художественной деятельности представляют взаимодействие научно-технической и визуальной, художественной культурой, инжинирингом, компьютерной графикой и художественным творчеством.

Графический дизайн подразделяется в зависимости от материала печатной формы на такие виды как:

- 1) линогравюра (гравюра на линолеуме);
- 2) гелиогравюра;
- 3) ксилография (гравюра на дереве);
- 4) офорт (гравюра на металле);
- 5) акватинта;
- 6) литография.

Компьютерная графика, применяемая в графическом дизайне, систематизируется на следующие виды:

- 1) деловая графика;
- 2) иллюстративная;
- 3) художественная и рекламная;
- 4) компьютерная анимация;
- 5) мультимедиа.

Наиболее распространенными в гражданском обороте объектами графического дизайна являются фирменный стиль и его элементы – система визуально-коммуникативных средств, спроектированная в целях создания определенного образа, включающей в себя основные элементы: торговый знак, цвет, шрифт, упаковка, сувениры, графики на одежде, транспортных средствах, зданиях и так далее [11].

В отличие от стран ЕАЭС, в мировой практике дизайн является ключевым элементом во многих сферах патентного права (реклама, инжиниринг, компьютерные программы, цифровые технологии, мода, музыкальные постановки). В законодательстве Великобритании выделяют «право дизайнера» (design right) на объекты декорирования, иллюстрации, орнаменты, охраняемые нормами авторского права, а также исключительное имущественное право на объекты промышленного дизайна (промышленная модель или образец) [12]. В странах ЕС применяется международная регистрация объектов дизайна в соответствии с Гаагским соглашением о международной регистрации промышленного дизайна.

В процессе гармонизации и унификации национального законодательства стран ЕАЭС актуализировался вопрос о международной регистрации объектов дизайна (промышленных образцов). 28 февраля 2018 г. Российская Федерация была внесена в бланки МБ ВОИС. Теперь в Гаагскую систему международной регистрации промышленных образцов входит 68 стран. Международное патентование имеет в каждой из соответствующих стран такое же действие и охрану, как если бы промышленный образец был запатентован непосредственно в каждой из них. Наряду с Россией, из стран ЕАЭС участниками Гаагского соглашения о международной регистрации промышленных образцов являются Армения и Кыргызстан.

Таким образом, практика использования цифровых объектов ИС опережает развитие правового регулирования.

Сводная таблица охраняемых объектов исключительных прав демонстрирует, что (Таблица 1).

Таблица 1. Основные группы объектов исключительных прав в законодательстве стран ЕАЭС

Объекты исключительных прав	РА	РБ	РК	КР	РФ
(непосредственно в законе объекты не определены – н/о)					
литературные произведения;	+	+	+	+	+
драматические и музыкально-драматические произведения, сценарные произведения;	+	+	+	+	+

Объекты исключительных прав	РА	РБ	РК	КР	РФ
хореографические произведения и пантомимы;	+	+	+	+	+
музыкальные произведения с текстом или без текста;	+	+	+	+	+
аудиовизуальные произведения;	+	+	+	+	+
произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и другие произведения изобразительного искусства;	+	+	+	+	+
произведения декоративно-прикладного и сценографического искусства;	+	+	+	+	+
произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, в том числе в виде проектов, чертежей, изображений и макетов;	+	+	+	+	+
фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии;	+	+	+	+	+
географические и другие карты, планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к географии и к другим наукам;	+	+	+	+	+
произведения науки (монографии, статьи, отчеты, научные лекции и доклады, диссертации, конструкторская документация и др.);	н/о	+	н/о	н/о	н/о
программы ЭВМ;	+	+	+	+	+
базы данных;	+	+	+	+	+
программы и операционные системы;	+	+	+	+	+
составные произведения;	+	+	+	+	+
производные произведения;	+	+	+	+	+
часть произведения;	+	+	+	+	+
шрифты;	+	н/о	н/о	н/о	н/о
интервью;	+	н/о	н/о	н/о	н/о
устное или иное произведение, не выраженное на материальном носителе	+	+	+	+	+
служебные произведения	+	+	+	+	+
произведения, созданные по заказу	+	+	+	н/о	+
произведения, созданные при выполнении работ по договору	+	+	+	н/о	+
произведения науки, литературы и искусства, созданные по государственному или муниципальному контракту	н/о	+	н/о	н/о	+

Объекты исключительных прав	РА	РБ	РК	КР	РФ
иные произведения.	+*	+	+	+*	+
изобретения, полезные модели, промышленные образцы	+	+	+	+	+
рационализаторское предложение	н/о	+	н/о	н/о	+
селекционные достижения	+	+	+	+	+
товарные знаки (знаки обслуживания)	+	+	+	+	+
фирменное наименование	+	+	+	+	+
наименование места происхождения товара	+	+	+	+	+
коммерческое обозначение	н/о	н/о	н/о	н/о	+

* – закрытый перечень объектов авторского права

Таблица 1 показывает, что перечни исключительных прав в законодательстве стран ЕАЭС имеют много общего, но не идентичны. Например, в законах Армении и Кыргызстана об авторском праве перечни произведений являются закрытыми: подпункт «о» ст. 4 Закона РА «Об авторском праве и смежных правах» установил: «другие произведения, соответствующие положениям части первой настоящей статьи»; ст. 7 Закона КР «Об авторском праве и смежных правах» – «другие произведения, отвечающие требованиям, установленным статьей 6 настоящего Закона». Перечни охраняемых объектов авторских прав в законодательстве России, Беларуси и Казахстана являются открытыми, соответственно могут дополняться по мере появления новых объектов.

Таблица 1 демонстрирует также, что есть различия в составе патентных прав и средств индивидуализации: только белорусское и российское законодательство содержит такой объект ИС, как рационализаторское предложение.

Согласно п. 1 Типового положения о рационализаторской деятельности в Республике Беларусь [13], рационализаторским предложением признается техническое решение, предусматривающее создание или изменение конструкции изделия, технологии производства и применяемой техники, состава материала, являющееся новым и полезным для предприятия, которому оно подано, а также новое для предприятия организационное решение, дающее экономию трудовых, сырьевых, топливно-энергетических и других материальных ресурсов или иной положительный эффект. Это определение практически совпадает с трактовкой рационализаторского предложения в советском законодательстве [14], включая его признаки: а) техническое решение; б) новизна; в) полезность.

Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федера-

ции» ГК РСФСР, который предусматривал право автора принятого к внедрению рационализаторского предложения, признан утратившим силу. Однако, своим Решением ВС РФ от 9 декабря 2015 г. № АКПИ15–1138 [15] отказал компании «АЛРОСА» в признании частично не действующим Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утв. постановлением Совета Министров СССР от 21 августа 1973 г. № 584.

Если рассматривать подходы к определению товарного знака в законодательстве стран ЕАЭС, то, как отмечалось выше, эти объекты ИС как средства индивидуализации, наряду с фирменным наименованием и местом происхождения товаров, признаются всеми законодателями, но трактовки различаются. К тому же такой объект ИС, как коммерческое обозначение, присутствует только в российском законе (статьи 1538–1541 ГК РФ), что свидетельствует о разбалансированности подходов законодателей к составу и правовому регулированию отдельных объектов исключительных прав.

Наряду с охраняемыми объектами исключительных прав, законодатели стран Союза выделили объекты, не охраняемые законом. В частности в ГК РФ это: идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы решения технических, организационных или иных задач, открытия, факты, языки программирования, геологическая информация о недрах, официальные документы государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований, в том числе законы, другие нормативные акты, судебные решения, иные материалы законодательного, административного и судебного характера, официальные документы международных организаций, а также их официальные переводы; государственные символы и знаки (флаги, гербы, ордена, денежные знаки и тому подобное), а также символы и знаки муниципальных образований; произведения народного творчества (фольклор), не имеющие конкретных авторов; сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер (сообщения о новостях дня, программы телепередач, расписания движения транспортных средств и тому подобное) (пп. 5, 6 ст. 1259 ГК РФ).

Но относительно состава группы неохранных объектов ИС единства среди законодателей не достигнуто. Только закон Беларуси однозначно относит к числу объектов авторских прав произведения науки (монографии, статьи, отчеты, научные лекции и доклады, диссертации, конструкторскую документацию и др.). Статья 34 Закона Республики Армении об авторском праве признает авторское право на интервью и поместил в охраняемую группу объектов ИС шрифты и правила игр, а в неохранный перечень – политические выступления, речи, произнесенные в ходе судебного процесса, которые не упоминаются в других странах Союза.

Литература

1. Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. С. 92.
2. Инюшкин А.А. Особенности термина «База данных» в праве интеллектуальной собственности / А.А. Инюшкин // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 20. – С. 135–137.
3. Инюшкин А.А. Актуальные вопросы разграничения интеллектуальных прав на базы данных и вещных прав на их материальный носитель / А.А. Инюшкин // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 24. – С. 237–238; Он же: Интеллектуальные права и вещные права: соотношение на примере баз данных / А.А. Инюшкин // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 12. – С. 138–140.
4. Новоселова Л.А. Суд по интеллектуальным правам: активное взаимодействие с представителями IT-индустрии / Л.А. Новоселова // Доменные имена. – 2013. – № 2. – С. 24–26.
5. Азаров М.С. Доменные имена в структуре гражданского и информационного права / М.С. Азаров // Информационное право. – 2010. – № 2. – С. 14–17.
6. Рубан А.А. Правовое регулирование и реализация права на доменное имя в предпринимательской деятельности в России / А.А. Рубан // Молодой ученый. – 2015. – № 7. – С. 583–586.
7. Рузакова О.А. Применение технологии Blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности / О.А. Рузакова, Е.С. Гринь // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – Вып. 38. – С. 508–520.
8. Клечиков А.В. Блокчейн-технологии и их использование в государственной сфере / А.В. Клечиков, М.М. Пряников, А.В. Чугунов // International Journal of Open Information Technologies. – 2017. – Том 5. – № 12. – С. 123–128.
9. Кемайкин Н.К. Технология блокчейн в сфере жилищно-коммунального хозяйства / Н.К. Кемайкин // Общество, политика, экономика, право. – 2017. – № 11. – С. 59–63.
10. Певзнер Н. Пионеры современного дизайна / Н. Певзнер. – Лондон, 1960.
11. Дижур А.Л. Фирменный стиль / А.Л. Дижур. – ВНИИТЭ, 1970. 50 с.
12. Карцхия, А.А. Развитие законодательства о промышленной собственности и реформа гражданского законодательства Российской Федерации / А.А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. – 2013. – № 1. – С. 18–19.
13. Постановление Кабинета Министров РБ № 417 от 24.06.1996. «О мерах по развитию изобретательской и рационализаторской деятельности в Республике Беларусь» // База данных «Законодательство стран СНГ».
14. Постановление Совмина СССР от 21.08.1973. № 584 «Об утверждении Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях» (утратил силу) // СП СССР. 1973. № 19. Ст. 109.
15. Решение Верховного Суда РФ от 9 декабря 2015 г. № АКПИ15–1138 «Об отказе в признании частично не действующим Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утв. постановлением Совета Министров СССР от 21 августа 1973 г. N 584».

DATABASE, WEBSITE, DOMAIN NAME, ARTIFICIAL INTELLIGENCE, BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES AS OBJECTS OF EXCLUSIVE RIGHTS IN THE EEU COUNTRIES

Kanatov T.K.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

This article discusses the objects of exclusive rights, such as databases, an Internet site, a domain name, artificial intelligence, blockchain technologies and others in the EEU countries. It should be noted that the science of civil law has always faced specific problems at each stage of its development, determined by the political, economic, socio-cultural, scientific and technical needs of society. Among their wide variety, there are those that are key for legal science at any stage of its development. These include, with good reason, the study of the problem of the interpretation of “artificial intelligence” and “blockchain technologies” and others. In the legal theory, these issues have been discussed for several years, the article reflects the most significant theoretical calculations of outstanding scientists on these legal controversial issues of various eras.

Purpose: To study current problematic issues, interpretations and regulations of the definitions of “harmonization” and “unification” in the doctrine and legislation on intellectual property of the European Union countries. Methodology: When writing the article, system-structural, concrete-sociological, historical-legal, socio-legal, comparative-legal, statistical methods of work were applied. Results: Proposals and conclusions based on the analysis of the legislation of the EEU countries.

Keywords: databases, Internet site, artificial intelligence, blockchain technologies, domain name, exclusive rights, EEU

References

1. Intellectual Property law. Vol.2. Copyright: Textbook / Under the general editorship of D. yu.n., prof. L.A. Novoselova.p.92.
2. Inyushkin A.A. Features of the term “Database” in intellectual property law / A.A. Inyushkin // Theory and practice of social development. – 2015. – No.20. – pp.135–137.
3. Inyushkin A.A. Actual issues of differentiation of intellectual rights to databases and real rights to their material carrier / A.A. Inyushkin // Theory and practice of social development. – 2015. – No. 24. – pp. 237–238; He also: Intellectual rights and property rights: correlation on the example of databases / A.A. Inyushkin // Society: politics, economics, law. – 2016. – No. 12. – pp. 138–140.
4. Novoselova L.A. Intellectual Property Rights Court: active interaction with representatives of the IT industry / L.A. Novoselova // Domain names. – 2013. – № 2. – p. 24–26.
5. Azarov M.S. Domain names in the structure of civil and information law / M.S. Azshcharov // Information law. – 2010. – No. 2. – pp. 14–17.
6. Ruban A.A. Legal regulation and implementation of the right to a domain name in entrepreneurial activity in Russia / A.A. Ruban // Young Scientist. – 2015. – No. 7. – pp. 583–586.
7. Ruzakova O.A. Application of Blockchain technology to systematization of intellectual activity results / O.A. Ruzakova, E.S. Grin // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. – 2017. – Issue 38. – С. 508–520.
8. Klechikov A.V. Blockchain technologies and their use in the public sphere / AV Klechikov, M. Gingerbread, A.V. Chugu-

- nov // International Journal of Open Information Technologies. – 2017. – Volume 5. – No. 12. – P. 123–128.
9. Kemaykin N. K. blockchain Technology in the sphere of housing and communal services / N. To. Kemaykin // Society, politics, Economics, law. – 2017. – No. 11. – pp. 59–63.
 10. Pevsner N. Pioneers of modern design / N. Pevsner. – London, 1960.
 11. Dizhur A.L. Corporate identity / A.L. Dizhur. – VNIITE, 1970. 50 s.
 12. Kartskhiya, A.A. The development of legislation on industrial property and the reform of civil legislation of the Russian Federation / A.A. Kartskhiya // Monitoring of law enforcement. – 2013. – No. 1. – pp. 18–19.
 13. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Belarus No. 417 of 24.06.1996. “On measures for the development of inventive and rationalization activities in the Republic of Belarus” // Database “Legislation of the CIS countries”.
 14. The Council of Ministers of the USSR from 21.08.1973. № 584 “On approval of the Regulations of the discoveries, inventions and rationalization proposals” (invalid) // SP Soviet Union. 1973. No. 19. St. 109.
 15. The decision of the Supreme Court of the Russian Federation of December 9, 2015 № АКПИ15–1138 “On refusal of recognition partially applicable Provisions of the discoveries, inventions and rationalization proposals, approved. The Council of Ministers of the USSR dated August 21, 1973 N 584”.

Правовая модель налогообложения доходов в США

Кузнецов Леонид Дмитриевич,

кандидат юридических наук, профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: leonkuzn@mail.ru

Статья посвящена исследованию правовой модели взимания подоходного налога США, который является основным источником доходов федерального правительства. В статье показано, что в Соединенных Штатах существует многоуровневая система подоходного налога, в соответствии с которой налоги взимаются федеральным правительством, правительством штата, а иногда и местными властями. Федеральный подоходный налог и налог штата схожи в том, что они применяют процентную ставку к налогооблагаемым доходам, но они могут значительно различаться в отношении этих ставок и того, как они применяются, а также в отношении типа налогооблагаемого дохода и вычетов и разрешенные налоговые льготы. Подоходные налоги штата могут значительно отличаться от штата к штату. Такие штаты как: Аляска, Флорида, Невада, Южная Дакота, Теннесси, Техас, Вашингтон и Вайоминг вообще не имеют подоходного налога. Штат Нью-Гэмпшир облагает налогом только процентный доход и дивиденды – а не заработанный доход от заработной платы. При этом, правовая модель взимания подоходного налога напрямую связана с развитием федерализма в США, наличием развитой местной правовой системы и строгостью наказания за налоговые преступления.

Ключевые слова: подоходный налог, прогрессивная налоговая система, налоговые пределы ставок, эффективная налоговая ставка, предельная налоговая ставка, стандартный налоговый вычет, детализированный вычеты, виды статуса: холостой, женатый и подающий декларацию совместно, женатый и подающий декларацию отдельно и глава домашнего хозяйства, скорректированный валовой доход, высокая процентная ставка.

Подоходный налог является основным источником доходов федерального правительства США. Это налог, взимаемый страной, штатом, городом/поселком, округом и даже школьным округом, с дохода, полученного в налоговом году. Подоходный налог варьируется от штата к штату. Федеральный подоходный налог в США является «прогрессивным» налогом, уплачиваемым по предельной налоговой ставке, что означает, что каждый диапазон дохода, который получает налогоплательщик в течение года, находится в другой группе и облагается налогом по другой ставке.

Федеральный подоходный налог представляет собой систему взимания налога с доходов, полученных физическими лицами, корпорациями и различными другими юридическими лицами. Доход включает в себя любой вид дохода, то есть заработную плату, премию и т.д. Часть дохода должна быть выплачена государству в виде подоходного налога. Это правило применяется ко всем формам дохода, таким как выигрыш денежных средств в лотерею, прирост капитала, бонусы. Физические лица платят подоходный налог, который обычно уплачивается непосредственно из их зарплаты.

В США большинство людей платят подоходный налог с дохода, которые они зарабатывают на работе, но существуют и иные формы. К ним относят доходы от прироста капитала, выигрыши в азартных играх, арендная плата, роялти, проценты и дивиденды, доходы от бизнеса, пособие по безработице и выигрыши в лотерею. Налоговые выплаты финансируют большой список услуг и программ на федеральном, государственном и местном уровнях. Средства от налогов идут на помощь в области обороны и международной безопасности; социальную защиту; на программы сети безопасности; льготы для федеральных пенсионеров и ветеранов; транспортную инфраструктуру; образование; науку и медицинские исследования.

Федеральный подоходный налог введёт в большинстве штатов и почти 5000 налоговых юрисдикций, а в 17 штатах установлены местные подоходные налоги. Так принято, что в США в разных штатах и местных юрисдикциях используется большое разнообразие налоговых систем. Кроме того, штаты могут облагать налогом только определенные виды доходов, иметь свои собственные вычеты из доходов или поддерживать другие положения, уникальные для их юрисдикции.

Федеральное правительство использует прогрессивную налоговую систему, известную как градуированный подоходный налог. Прогрессивная налоговая система означает, что люди с более высокими налогооблагаемыми доходами облага-

ются более высокими федеральными налоговыми ставками, а люди с более низкими налогооблагаемыми доходами облагаются более низкими федеральными налоговыми ставками. Налоговые пределы ставок варьируются от 10% до 37%, что означает, что различные ставки могут применяться к различным частям дохода граждан. Например, в 2021 году один налогоплательщик с годовым доходом в 50 000 долларов будет платить 10% подоходный налог с первых 9 950 долларов дохода. Доход от 9 951 до 40 525 долларов будет облагаться налогом в размере 12%, а доход от 40 526 до 50 000 долларов – налогом в размере 22%. То есть не все 50 000 долларов (облагаемые налогом) в размере 22%.

Эффективная налоговая ставка дает более точное представление уплаты налогов, поскольку она по существу является средним значением налоговых ставок, то есть не весь доход облагается по одной налоговой ставке, доход облагается налогом по различным налоговым ставкам вплоть до верхней предельной налоговой ставки, и только часть будет облагаться налогом по верхней налоговой ставке – 22%.

Исходя из вышеуказанного примера, налогооблагаемый доход в сумме \$9 875 будут облагаться налогом по ставке 10%, доход от \$9 876 до \$40 125 будет облагаться налогом по ставке 12%, а оставшая часть будет облагаться налогом по ставке 22%. Таким образом, эффективная ставка будет представлять собой общий налоговый результат, деленный на налогооблагаемый доход в размере 50 000 долларов.

Эффективная налоговая ставка похожа на среднюю ставку налога. **Предельная налоговая ставка** зависит от суммы налогооблагаемого дохода в пределах семи налоговых ставок (10%, 12%, 22%, 24%, 32%, 35% и 37%) и представляет собой самую высокую налоговую ставку, на которую приходится доход налогоплательщика, поэтому эффективная налоговая ставка, как правило, ниже.

У налогоплательщиков есть два варианта вычета: **стандартный вычет и детализированный вычеты**. В то время, как стандартный вычет является встроенным вычитанием сумм из налогооблагаемого дохода правительства, которое применяется при уплате налогов, то детализация состоит из индивидуальных вычетов, которые вместе могут снизить сумму налогооблагаемого дохода, который предстоит платить.

Потеря личных льгот компенсируется тем, что стандартный вычет был удвоен в 2018 году и скорректирован вверх в последующие годы. В зависимости от статуса подачи налоговой декларации налогоплательщики имеют право на один из следующих стандартных вычетов: подача декларации (одинокий (ая) или замужняя) отдельно – на \$12,400; подача декларации главой семьи на – \$18,650; подача декларации супружеской парой совместно или раздельно на – 24 800 долларов. Любой желающий может получить стандарт-

ный вычет, установленный Законом о снижении налогов и создании рабочих мест. Это особенно выгодно семьям с низкими доходами, то есть тем, у кого нет ипотеки, и тем, кто традиционно не мог перечислить вычеты.

В связи с указанным, уплата налогов стала проще, а выбор в пользу стандартного вычета стало разумным решением. Некоторые налогоплательщики получили право на больший вычет. Стандартный вычет стал автоматическим процессом, который не требует от налогоплательщиков тратить время на отслеживание расходов. Отдельные налогоплательщики получили право на увеличение своего вычета в зависимости от возраста или инвалидности. Налогоплательщики в возрасте 65 лет и старше или слепые получили право на дополнительный вычет в размере от 1300 до 1650 долларов США, в зависимости от их налогового статуса. Появилось разрешение иметь стандартный налоговый вычет, даже тем налогоплательщикам, которые не имеют расходов.

Вместе с тем, стандартный налоговый вычет имеет некоторые недостатки, например: стандартные вычеты имеют ограничения по подаче документов.

Кроме того, стандартные налоговые вычеты имеют ограничения при подаче документов. Нельзя иметь стандартный налоговый вычет в некоторых случаях, например, если налогоплательщики состоят в браке и подают декларацию (заявление) отдельно. Один супруг не может претендовать на стандартный вычет, если другой супруг перечисляет свои вычеты. Также если налогоплательщик иностранец-нерезидент; если иностранец с двойным статусом или налоговая декларация подаётся менее чем за год, то эти лица не будут иметь права на стандартный вычет. Вычет может быть ограничен, если налогоплательщик был объявлен зависимым от налогов других лиц.

Стандартная сумма вычета может быть и ниже, чем сумма, которую можно было вычесть, например, стандартный вычет может быть меньше общей суммы процентов по ипотеке, налогов на недвижимость и благотворительных взносов.

В отличие от стандартного вычета, детализированные вычеты могут привести к различной уплате сумм для каждого налогоплательщика. Детализированные вычеты утверждаются по форме и разбиваются на пять основных категорий: медицинские и стоматологические расходы; уплаченные налоги; уплаченные проценты; подарки на благотворительность; потери от несчастных случаев и краж. Существует также обстоятельства для других детализированных вычетов, которые охватывают менее распространенные ситуации, такие как проигрыши в азартных играх и некоторые невозвращенные инвестиции в пенсию.

При детализированных вычетах налогоплательщики могут требовать включение в них больших расходов. Проценты по ипотеке, налоги на недвижимость и медицинские счета являются лишь некоторыми из расходов, разрешенных при дета-

лизации. В тоже время некоторые из этих категорий имеют ограничения. Однако, налогоплательщики с крупными ипотечными кредитами, которые щедро жертвуют деньгами благотворительности, могут получить больший вычет за счет детализации.

При детализации можно включить больше вычетов и получить больший возврат налогов. Сумма, которую можно сэкономить, будет зависеть от налоговой ставки. Например, подоходный налог, облагаемый налогом в размере 24%, приведет к экономии налога в размере 24 центов на каждый доллар, перечисленный сверх стандартного вычета.

Детализация вычетов имеет некоторые недостатки, например: требуется больше бумажной работы и усилий для детализации.

Существуют следующие виды статуса, по которым можно подать декларацию: холостой, женатый и подающий декларацию совместно, женатый и подающий декларацию отдельно, и глава домашнего хозяйства.

Одинокие налогоплательщики. Они не состоят в браке или юридически разлучены со своим супругом и не имеют права на какой-либо другой статус подачи документов. Подпадают под эту категорию.

Налогоплательщики, **состоящие в браке и подающие документы совместно**. Это налогоплательщики, вступившие в брак до конца налогового года. Подпадают под эту категорию.

Налогоплательщик – женат, то есть он состоит в браке, но решает подать декларацию отдельно. Подпадает под эту категорию.

Глава домохозяйства. Это налогоплательщик, который несёт более 50% расходов на домашнее хозяйство и проживание.

Поскольку федеральное правительство предлагает ряд вычетов, то граждане платят налоги на меньший доход, чем тот, который они фактически зарабатывают. Например, в 2021 году стандартный вычет составит 12 550 долларов для одиноких налогоплательщиков и 25 100 долларов для супружеских пар, подающих совместную декларацию.

На государственном уровне налоги могут исчисляться по-разному. Тридцать два штата имеют градуированные подоходные налоги, аналогичные федеральной системе, 10 оценивают единый подоходный налог, а девять не имеют подоходного налога.

В то время как некоторые штаты основывают свои налоги на федеральном скорректированном валовом доходе человека, другие делают корректировки, предлагая свои собственные вычеты и кредиты. Существуют два распространенных способа уменьшить налоговый счет (налоговую базу) – это кредиты и вычеты. Налоговые кредиты напрямую уменьшают сумму налога, которую должны уплатить налогоплательщики. Эти кредиты не влияют на то, в какой группе они находятся. Налоговые вычеты уменьшают часть дохода, которая подлежит налогообложению. Как правило, вычеты снижают налогооблагаемый доход на про-

цент от самого высокого федерального подоходного налога. Так, если налогоплательщик попадает в налоговый предел 22%, то вычет в размере 1000 долларов может сэкономить 220 долларов. Таким образом, если использовать все налоговые вычеты, на которые может претендовать налогоплательщик, то они могут уменьшить налогооблагаемый доход и перевести платёж на более низкую налоговую ставку.

Некоторые штаты также исключают определенные виды доходов, такие как социальное обеспечение или государственные пенсии, из своих налоговых расчетов.

Что касается налоговых ставок с плоской налоговой системой, то обычно они имеют ставки в диапазоне от 3% до 5%. Между тем в Калифорнии самая высокая в стране предельная ставка налога. Штат имеет 10 налоговых пределов ставок на 2021 год, начиная с 1% для дохода до 8 932 долларов и заканчивая 13,3% налоговой ставкой для дохода свыше 1 миллиона долларов для одиночных заявителей. В штате Северная Дакота ставки начинаются с 1,1% для дохода в размере до \$40,125 и заканчиваются на 2,9% для дохода свыше \$440,600.

Федеральный подоходный налог должен уплачиваться в течение всего года либо путем удержания налога работодателем, либо ежеквартальными налоговыми платежами налогоплательщика. В налоговый день налогоплательщик должен выверить свои налоги и либо оплатить любой непогашенный долг, либо запросить возврат средств у Налоговой службы (IRS).

Если налогоплательщик является наемным работником, то работодатель будет вычитать процент от зарплаты. Если работодатель удержит больше, чем должен удержать по этому налогу, то налогоплательщик имеет право на возврат подоходного налога в конце года.

Если налогоплательщик работает не по найму или получает доход из источника, который не удерживает для налога, то налогоплательщику необходимо самостоятельно представлять расчетные налоговые платежи в Налоговое управление США четыре раза в год.

Разница между государственными и федеральными налогами может быть суммирована следующим образом: федеральные налоговые ставки обычно выше, чем ставки налогов штатов; штаты могут иметь различные кредиты и отчисления. Большинство штатов опираются на федеральные расчеты, но некоторые штаты имеют свое собственное определение (скорректированного валового дохода).

Поскольку многие штаты используют федеральный AGI¹ в качестве отправной точки для своих расчетов, то налогоплательщики получают выгоду от некоторых федеральных налоговых выче-

¹ Скорректированный валовой доход (AGI) – это показатель дохода, рассчитанный на основе валового дохода налогоплательщика, и используется для определения того, какая часть дохода облагается налогом.

тов при подаче своих налоговых форм. К ним относятся отчисления на взносы в квалифицированные пенсионные фонды и сберегательные счета здравоохранения, которые вычитаются из дохода при определении федерального AGI лица.

Штаты могут вносить коррективы в федеральный налог со своими собственными кредитами, вычетами или добавками, которые вычитаются из федеральных доходов, но облагаются государственным налогом. Например, в то время как некоторые государственные и местные налоги могут быть вычтены из федеральной прибыли, штаты могут потребовать, чтобы они были добавлены обратно для целей расчета государственных подоходных налогов.

Поскольку государственные и федеральные налоги различаются, то удержания для каждого из них, скорее всего, будут разными. В то время как работодатели часто рассчитывают налоговые удержания для работников, то они могут проверить суммы самостоятельно.

Налоговая служба (IRS) поддерживает онлайн – оценку удержания налогов, которая может быть использована для обеспечения удержания надлежащей суммы из зарплаты. Штаты – государства могут иметь свои собственные калькуляторы или таблицы удержания для выполнения этих расчетов. Если налогоплательщик работает в двух штатах, то ему придется подавать две налоговые декларации. Не забудьте проверить ставки удержания в каждой юрисдикции.

Местный подоходный налог может взиматься в городах, округах, школьных округах или других муниципалитетах. Однако эти местные налоги не связаны между собой.

Штаты на Среднем Западе и в районе Великих озер, скорее всего, имеют местные подоходные налоги, причем большинство налоговых муниципалитетов расположены в Огайо и Пенсильвании. Юрисдикции, как правило, взимают единую налоговую ставку, которая часто составляет от 1% до 3%. Города часто облагают налогом всё, что граждане получают, кроме социального обеспечения.

Они также могут платить как резидентные, так и нерезидентные налоги. Нерезиденты платят местный подоходный налог только с денег, заработанных в этом муниципалитете, в то время как резиденты платят налоги со всех доходов, независимо от того, где они заработаны. Резиденты, работающие в другом муниципалитете, который взимает подоходный налог, могут получить кредит на эти налоговые платежи.

Государственные налоговые льготы существуют как для корпораций, так и для частных лиц. Они могут включать в себя государственные налоговые льготы по заработанному подоходному налогу, налоговые льготы на имущество усадьбы и вычеты для сбережений в колледже или страховых взносов по долгосрочному уходу.

В других, соседних штатах таких кредитов может и не быть. По этой причине решение о смене

места жительства может быть важной частью планирования выхода на пенсию или решения о переезде на другую работу.

Однако надо иметь в виду, что у каждого штата есть свои собственные требования к месту жительства. Покупка второго дома в другом штате и смена адреса водительских прав могут оказаться недостаточными для смены места жительства по налоговым соображениям. Некоторые штаты, например Нью-Йорк, внедрили программы, гарантирующие, что люди, особенно высокооплачиваемые, не уклоняются от уплаты подоходного налога штата, утверждая, что живут в другом штате, где они на самом деле не являются постоянными жителями.

Таким образом, в Соединенных Штатах существует многоуровневая система подоходного налога, в соответствии с которой налоги взимаются федеральным правительством, правительством штата, а иногда и местными властями. Федеральный подоходный налог и налог штата схожи в том, что они применяют процентную ставку к налогооблагаемым доходам, но они могут значительно различаться в отношении этих ставок и того, как они применяются, а также в отношении типа налогооблагаемого дохода и вычетов и разрешенные налоговые льготы. Подоходные налоги штата могут значительно отличаться от штата к штату. Такие штаты как: Аляска, Флорида, Невада, Южная Дакота, Теннесси, Техас, Вашингтон и Вайоминг вообще не имеют подоходного налога. Штат Нью-Гэмпшир облагает налогом только процентный доход и дивиденды – а не заработанный доход от заработной платы. Он находится в процессе отмены этого налога в течение пяти лет. Окончание намечено на январь 2024 года (Штат Теннесси также, как и Нью-Гэмпшир).

Во всех остальных штатах действует **фиксированная или прогрессивная система подоходного налога**. Система фиксированного налога – это система, которая применяет единую ставку ко всем уровням дохода. По состоянию на 2021 год этим методом пользуются девять штатов: Колорадо (4,55%), Иллинойс (4,95%), Индиана (3,23%), Кентукки (5%), Массачусетс (5%), Мичиган (4,25%), Северная Каролина (5,25%), Пенсильвания (3,07%) и Юте (4,95%). Однако в большинстве штатов, которые взимают подоходный налог, используются прогрессивные налоговые системы, в которых более высокие уровни дохода облагаются налогом по более высокой процентной ставке.

Таким образом, правовая модель взимания подоходного налога напрямую связана с развитием федерализма в США, наличием развитой местной правовой системы и строгостью наказания за налоговые преступления.

Литература

1. Малкова Ю.В. Зарубежный опыт подоходного налогообложения физических лиц и возмож-

ность его имплементации в России // *Налоги и налогообложение*, 2018. – № 10.-С. 49–66. URL: <http://elib.fa.ru/art2018/bv2468.pdf>

2. Основы налоговой системы <https://webarchive.library.unt.edu/web/20121017001655/http://www.irs.gov/Russian/Основы-налоговой-системы>
3. Most tax-friendly states for retirees – MarketWatch <http://marketwatch.com> 08 янв. 2018
4. Стандартное вычитание <http://lektcii.net> 30 янв. 2017
5. Налоговые системы зарубежных стран. <http://elibrary.ru> раньше 2011 eLIBRARY.RU
6. Регрессивные, пропорциональные и прогрессивные налоги: в чем разница? – Финансовая энциклопедия – NESrakonk <https://nesrakonk.ru/what-are-differences-between-regressive-proportional-and-progressive-taxes/> 21 авг. 2021
7. Судакова, Наталья Андреевна диссертация ... кандидата экономических наук: <http://dlib.rsl.ru> раньше 2011 Коллекция РГБ
8. AN EMPLOYER'S GUIDE TO PAYROLL BASICS. Metro Data Processing, Inc. «We provide s... <http://docplayer.net> 06 янв. 2018
9. Налогообложение доходов и имущества физических лиц в зарубежных странах: в... <http://biblioclub.ru> 21 Янв 2020 Сводная коллекция ЭБС
10. Эффективная ставка налога 2021. Table of Contents: <https://rus.toptipfinance.com/effective-tax-rate>
11. Как рассчитать эффективную налоговую ставку <https://money.usnews.com/money/blogs/my-money/articles/how-to-calculate-your-effective-tax-rate>
12. 15 ответов на налоговые вопросы <https://money.usnews.com/money/personal-finance/taxes/slideshows/15-tax-questions-answered>
13. Вы должны налоговому управлению? Как это выяснить <https://money.usnews.com/money/personal-finance/taxes/articles/do-you-owe-the-irs-how-to-find-out>
14. Должен ли я принять стандартный Вычет? <https://money.usnews.com/money/personal-finance/taxes/articles/should-i-take-the-standard-deduction>
15. На какой налоговый кредит 2020 года я имею право? <https://money.usnews.com/money/personal-finance/taxes/articles/what-tax-credits-do-i-qualify-for>

THE LEGAL MODEL OF TAXATION OF INCOME IN THE UNITED STATES

Kuznetsov L.D.

Moscow University of MVD Russia in the name of V.Y. Kikot

The article is devoted to the study of the legal model of the collection of the US income tax, which is the main source of income for the federal government. The article shows that the United States has a tiered income tax system, whereby taxes are levied by the federal, state, and sometimes local governments. Federal income taxes and state taxes are similar in that they apply an interest rate to taxable income, but they can vary significantly with respect to these rates and how they are applied, as well as with respect to the type of taxable income and deductions and tax credits allowed. State income taxes can vary significantly from state to state. States such as Alaska, Florida, Nevada, South Dakota, Tennessee, Texas, Washington and Wyoming have no income tax at all. New Hampshire taxes only interest income and dividends – not earned wage income. At the same time, the legal model for levying an approach tax is directly related to the development of federalism in the United States, the presence of a developed local legal system and the severity of punishment for tax crimes.

Keywords: income tax, progressive tax system, tax rate limits, effective tax rate, marginal tax rate, standard tax deduction, itemized deductions, types of status: single, married and filing a declaration together, married and filing a declaration separately and head of household, adjusted gross income, high interest rate.

References

1. Malkova Yu.V. Foreign experience of income taxation of individuals and the possibility of its implementation in Russia // *Taxes and taxation*, 2018. – No. 10. – pp. 49–66. URL: <http://elib.fa.ru/art2018/bv2468.pdf>
2. Fundamentals of the tax system <https://webarchive.library.unt.edu/web/20121017001655/http://www.irs.gov/Russian/Fundamentals-of-the-tax-system>
3. The most tax-friendly states for pensioners – Market Overview <http://marketwatch.com> 08 Jan. 2018
4. Standard subtraction <http://lektcii.net> January 30, 2017
5. Tax systems of foreign countries. <http://elibrary.ru> before eLIBRARY.RU 2011
6. Regressive, proportional and progressive taxes: what is the difference? – Financial Encyclopedia-NESrakonk <https://nesrakonk.ru/what-are-differences-between-regressive-proportional-and-progressive-taxes/> 21 Aug. 2021
7. Sudaikova, Natalia Andreevna dissertation ... Candidate of Economic Sciences: <http://dlib.rsl.ru> earlier 2011 Collection of the Russian State Library
8. THE EMPLOYER'S GUIDE TO THE BASICS OF PAYROLL CALCULATION. Metro Data Processing, Inc. «We provide with... <http://docplayer.net> 06 Jan. 2018
9. Taxation of income and property of individuals in foreign countries: in... <http://biblioclub.ru> 21 Jan 2020 Consolidated collection of EBS
10. Effective tax rate 2021. Table of contents: <https://rus.toptipfinance.com/effective-tax-rate>
11. How to calculate the effective tax rate <https://money.usnews.com/money/blogs/my-money/articles/how-to-calculate-your-effective-tax-rate>
12. 15 answers to tax questions
16. <https://money.usnews.com/money/personal-finance/taxes/slideshows/15-tax-questions-answered>
13. Do you owe the tax office? How to find out <https://money.usnews.com/money/personal-finance/taxes/articles/do-you-owe-the-irs-how-to-find-out>
14. Should I accept the standard Deduction? <https://money.usnews.com/money/personal-finance/taxes/articles/should-i-take-the-standard-deduction>
15. What tax credit do I qualify for in 2020? <https://money.usnews.com/money/personal-finance/taxes/articles/what-tax-credits-do-i-qualify-for>

Курашвили Автандил Юрьевич,

кандидат юридических наук, начальник отдела правовой экспертизы договоров, Газпром ЭП Интернэшнл Сервисиз Б.В., филиал в Санкт-Петербурге.
E-mail: avtand-reserv@yandex.ru

Статья посвящена специфике прав, которыми могут быть наделены третьи государства в процессе заключения и исполнения международных договоров. Несмотря на всеобщее признание государствами принципа *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*, его реализация имеет ряд особенностей. Глобальные интеграционные процессы влияют на цели и содержание заключаемых договоров, которые, в свою очередь, оказывают влияние на третьи государства. В отношении третьих государств автор выделяет права процедурного характера и права материального характера. Разделение прав третьих государств на права процедурного и материального характера позволяет лучше понять юридическую природу предоставляемых прав, и соответственно, добиться оптимальной реализации третьими государствами возможностей и преимуществ по международному договору, даже не становясь участником такого договора. Публикация может представлять интерес для лиц, занимающихся правом международных договоров в целом, процедурой заключения и исполнения международных договоров, а также действием договоров в отношении третьих государств.

Ключевые слова: международные договоры, третьи государства, права третьих государств, *pacta tertiis*, временное применение.

В современном мире международные договоры обладают особой значимостью, так как при их помощи согласовываются и реализуются права и обязательства государств, что способствует развитию межгосударственного сотрудничества в различных сферах. Международные договоры являются инструментом, который гарантирует в международных отношениях стабильность и преемственность установленного правопорядка.

Целью данного исследования является выявление и анализ специфики прав третьих государств, возникающей в процессе заключения и исполнения международных договоров различного уровня.

В международном праве достаточно давно сформировался принцип *pacta tertiis nec nocent nec prosunt* (договоры не вредят и не благоприятствуют третьим лицам), который берет свое начало еще с римского права, а позже был закреплен в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (далее – Венская конвенция 1969 года).

Несмотря на всеобщее признание государствами принципа *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*, его реализация имеет ряд особенностей. Во-первых, сегодня каждый отдельный договор нельзя рассматривать вне глобальной системы международных договоров. Во-вторых, всеобщая интеграция влияет на цели и содержание заключаемых договоров, которые, в свою очередь, оказывают влияние на третьи государства. Участники договоров вынуждены заниматься урегулированием таких проблем, которые представляют интерес и для стран, не принимавших участия в составлении договоров.

Каждое государство обладает правоспособностью заключать международные договоры [3, ст. 6]. А вступать или не вступать в договорные отношения является правом того или иного государства, которое подчеркивает его суверенитет. Принудительное распространение договорных положений на третьи государства расценивается мировым сообществом как прямое нарушение норм Венской конвенции 1969 года.

А.Н. Талалаев справедливо отмечал в своих трудах: «Государство суверенно. Никто не может заставить его участвовать в том или ином договоре, но никто не может запретить ему выражать свое согласие с ним. Это тоже часть суверенитета государства» [9, с. 67].

Понятие «третье государство» определено в Венской конвенции 1969 года. Третьим является государство, не являющееся участником договора. При этом, под участником понимается государство, которое согласилось на обязательность

для него договора и для которого договор находится в силе. Таким образом, третьим государством в отношении конкретного международного договора может быть: участвующее в переговорах государство, договаривающееся государство, или государство, не имеющее к данному договору никакого отношения.

В соответствии со статьей 36 Венской конвенции 1969 года «право для третьего государства возникает из положения договора, если участники этого договора имеют намерение посредством этого положения предоставить такое право либо третьему государству, либо группе государств, к которой оно принадлежит, либо всем государствам и если третье государство соглашается с этим. Его согласие будет предполагаться до тех пор, пока не будет иметься доказательств противного, если договором не предусматривается иное» [3].

При этом необходимо различать непосредственно предоставленные права для третьего государства и фактические блага, которые третье государство получает от международного договора.

Договоры, связанные с глобальной безопасностью, экологией и климатом, направлены на благо всего человечества. Например, в отношении Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 года Израиль, Индия, Пакистан, КНДР и Южный Судан, не участвующие в таком договоре, также являются бенефициарами по договору.

Для того чтобы дифференцировать права и блага стоит обратить внимание на существенные слова в формулировке пункта 1 статьи 36 Венской конвенции 1969 года, а именно: «если участники этого договора имеют намерение посредством этого положения предоставить такое право» [3]. Наличие намерения со стороны участников договора является обязательным условием предоставления прав третьим государствам. Ещё Д. Анцилотти говорил: «Следует признать, что соглашение между договаривающимися сторонами и третьим государством, направленное на то, чтобы дать этому последнему полностью или частично участвовать в преимуществах, вытекающих из договора, всегда возможно при наличии необходимого для этого волеизъявления» [1, с. 362]. В дальнейшем такая позиция была поддержана Комиссией международного права и многими исследователями. По нашему мнению, справедливо отмечал И.И. Лукашук, что «благо может возникнуть как при наличии, так и при отсутствии соответствующего намерения. Что же касается права, то наличие соответствующего намерения сторон является необходимым» [6, с. 247].

Полагаем, что в отношении предоставления прав для третьих государств требуется соблюдение одновременно трёх условий: 1) закрепление прав для третьих государств в международном договоре, 2) согласие с этими правами со стороны третьего государства, а также 3) соблюдение условий пользования правами со стороны третье-

го государства, как это предписано пунктом 2 статьи 36 Венской конвенции 1969 года.

Что же касается фактических благ для третьих государств, то данные условия могут не соблюдаться полностью или в какой-либо части.

В отношении согласия третьего государства мы солидарны с мнением Г. Баллрайха, который считал, что «право может превратиться в обязательство, если от третьего государства требуется принять и реализовать так называемое право. Чтобы избежать этого обременительного воздействия, соответствующее государство должно иметь право решать, принимать это право или нет» [11, с. 476]. Создание международно-правовых норм носит согласительный характер, что подчеркивает особую природу международного права в целом. Соответственно, без надлежащего согласования воли сторон участникам международных отношений не обойтись. Норма международного публичного права создается путём заключения договора между государствами, такая норма действует только в отношении первоначальных участников договора или тех государств, которые присоединились к международному договору впоследствии. Третьи государства не могут быть связаны такой договорной нормой, иначе согласительный характер международного нормотворчества будет подменён принудительным.

В контексте рассматриваемой темы предоставляемые третьему государству права по международным договорам можно разделить на две большие группы: права процедурного характера и права материального характера. Право процедурного характера устанавливает порядок действий, направленных на реализацию закрепленного международным договором материального права. Важность процедуры заключается как раз в том, что посредством неё потенциальный участник договора может получить доступ к правам материального характера, закрепленным в самом договоре. В свою очередь, право материального характера представляет собой непосредственную выгоду, предусмотренную договором для третьего государства. Объем этих прав различен. Международным договором могут предоставляться как оба вида прав, так и только один из них. Наибольшее количество договоров предоставляет третьим государствам исключительно права процедурного характера.

Государства, участвовавшие в переговорах, вправе подписать или ратифицировать такой договор. Также государства – участники переговоров, вправе быть осведомленными о количестве полученных или депонированных согласий на обязательность, необходимых для вступления договора в силу. Однако государства, не принимавшие участие в переговорах, могут только присоединиться к международному договору.

Например, упомянутый выше Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года, предоставляет право подписания его всеми государствами, а любое государство, которое не подпи-

шет договор до вступления его в силу, может присоединиться к нему в любое время [4, п. 1 ст. IX]. Данный договор содержит права процедурного характера для третьих государств. Получить права материального характера по договору возможно только став его непосредственным участником.

С другой стороны, Конвенция о режиме проливов 1936 года, предоставляет третьим государствам уже права материального характера. Статья 2 предусматривает, что «в мирное время, торговые суда будут пользоваться правом полной свободы прохода и плавания в Проливах, днём и ночью, независимо от флага, и груза, без каких-либо формальностей... Никакие сборы или платы, иные чем те, взимание которых предусмотрено Приложением I к настоящей Конвенции, не будут взыскиваться турецкими властями с этих судов при проходе их транзитом без остановки в одном из портов Проливов» [5]. Таким образом, любое третье государство вправе использовать предоставленное право судоходства в проливах, не становясь участником международного договора.

В отношении государств, принимавших и не принимавших участие в переговорах по договору, сложилось мнение, что статус и юридические последствия у них различны. Например, А.Н. Талалаев отмечал, что «было бы неправильным считать, что эти различия не несут за собой никаких юридических последствий в правовом положении третьих государств в отношении международного договора» [9, с. 62]. С ним соглашается С.Б. Бальхаева: «Международно-правовой статус договаривающегося государства отличается от статуса третьего государства, которое не имеет отношения к конкретному международному договору, поскольку первый из перечисленных субъектов международного права обладает большим объемом прав и полномочий» [2, с. 139].

Данные утверждения представляются спорными. Венская конвенция 1969 года рассматривает присоединение к международному договору как один из видов согласия на обязательность договора, наряду с подписанием или ратификацией. В таком случае юридические последствия от присоединения, подписания или ратификации для третьего государства одни – оно становится участником договора, и договор действует для него в полном объёме, независимо от формы выражения согласия на обязательность.

Права для третьих государств могут быть отменены или изменены только самими участниками международного договора. Венская конвенция 1969 года содержит положение, что «если для третьего государства возникает право в соответствии со статьей 36, то это право не может быть отменено или изменено участниками, если установлено, что согласно существовавшему намерению это право не подлежало отмене или изменению без согласия этого третьего государства» [3, п. 2 ст. 37]. Опять, как и в случае с наделением правами третьих государств, важным является намерение участников договора в отношении

третьих государств. Формулировка по отмене или изменению прав для третьих государств отличается от аналогичной формулировки по отмене или изменению обязательств, где необходимо заручиться согласием третьего государства для отмены или изменения обязательств. Разница текста объясняется тем, что при разработке формулировки по правам составителям конвенции необходимо было исключить возможность наложения права вето со стороны третьего государства в отношении изменения договора между его участниками.

Полагаем, что отмена или изменение прав третьих государств в первую очередь затрагивает права материального характера, так как изменение или отмена прав процедурного характера, таких как подписание, ратификация, присоединение и т.п. (за исключением договоров, изначально предполагающих ограниченный круг участников) может налагать определенные ограничения на правоспособность государств заключать международные договоры, что в современном международном праве неприемлемо.

Отдельно подчеркнем, что статья 37 Венской конвенции 1969 года говорит лишь об отмене или изменении прав для третьего государства, но не того или иного положения самого международного договора, которое стало основанием для возникновения прав у третьего государства. Изменить положение договора могут только его участники.

Анализируя вопрос прав третьих государств в международных договорах необходимо рассмотреть временное применение международных договоров. К временному применению прибегают, когда требуется немедленно решить определенные вопросы, а время на прохождение обязательной процедуры для вступления договора в силу, у сторон отсутствует. Стороны фактически приступают к реализации положений, закрепленных в международном договоре. Временное применение может распространяться на двусторонние и многосторонние договоры. Возможно временное применение отдельных частей или всего договора. Все зависит от того, какие договоренности будут достигнуты между потенциальными сторонами соглашения. По общему правилу, временное применение международных договоров относится к договорам, которые подлежат ратификации в форме национального закона или постановления. Согласно Венской конвенции 1969 года «договор или часть договора применяются временно до вступления договора в силу, если:

- а) это предусматривается самим договором; или
- б) участвовавшие в переговорах государства договорились об этом каким-либо иным образом» [3, п. 1 ст. 25].

Соответственно, временное применение договора возможно участвовавшем в переговорах государством, а также договаривающимся государством, так как по общему правилу договаривающееся государство является участником перегово-

ров. Государство, не имеющее к договору никакого отношения, воспользоваться временным применением не может. Напомним, что согласно Венской конвенции 1969 года все такие государства считаются третьими по отношению к договору.

По нашему мнению, временное применение международного договора можно охарактеризовать как получение третьим государством прав и обязательств материального характера без реализации прав и обязательств процедурного характера в полном объеме или в значительной части. При этом, стоит согласиться с утверждением И.И. Лукашук, что «во всех случаях временное применение означает, что договор юридически обязателен для сторон» [6, с. 469].

Советский союз часто прибегал к временному применению международных договоров, несмотря на то, что еще в начале XX века это считалось исключением из правил. В наши дни Российская Федерация также использует временное применение договоров, когда это отвечает интересам страны. Например, правительством Российской Федерации было принято постановление о временном применении отдельных положений Договора об объединении денежной системы Республики Беларусь с денежной системой Российской Федерации и условиях функционирования общей денежной системы [7], или Российская Федерация и Эстония обменивались нотами о временном применении Договора между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 14 июля 2011 года [8].

Хотели бы обратить внимание на формулировки федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в отношении временного применения. По закону «международный договор или часть договора до его вступления в силу могут применяться Российской Федерацией временно, если это предусмотрено в договоре или если об этом была достигнута договоренность со сторонами, подписавшими договор» [10, п. 1 ст. 23].

На наш взгляд данная формулировка не в полной мере отражает положения Венской конвенции 1969 года, так как закон оперирует фразой «сторонами, подписавшими договор». Таким образом, за бортом временного применения оказываются государства, участвовавшие в переговорах, но не подписавшие международный договор. Более того, принятие текста в качестве обязательного может происходить и без подписания, например, путем голосования за него государств, участвовавших в переговорах.

Рассмотренные в настоящей статье вопросы, затрагивающие права третьих государств в рамках международных договоров, показали, что принцип *pacta tertiis nec nocent nec prosunt* может оставаться предметом научного изучения ещё долгое время. Несмотря на значительный период развития данного принципа, его понимание способно претерпевать изменения в зависимости

от состояния международного права в конкретный момент истории. Разделение прав третьих государств на права процедурного характера и права материального характера позволяет лучше понять юридическую природу предоставляемых прав, и соответственно, добиться оптимальной реализации третьими государствами возможностей и преимуществ по международному договору, даже не становясь участником такого договора.

Литература

1. Анцилотти Д. Курс международного права. Том 1. Введение – Общая теория. Пер. с итал. А.Л. Саккети, Э.М. Фабрикова / Под ред. Д.Б. Левина. М.: Иностранная литература. 1961. 447 с.
2. Бальхаева С.Б. Принцип *pacta tertiis nec nocent nec prosunt* в праве международных договоров // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 136–145.
3. Венская конвенция о праве международных договоров. Вена. 1969 г. / ИПС КонсультантПлюс.
4. Договор о нераспространении ядерного оружия. Москва, Вашингтон, Лондон. 1968 г. / ИПС КонсультантПлюс.
5. Конвенция о режиме проливов. Монтрё. 1936 г. / ИПС КонсультантПлюс.
6. Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. Заключение международных договоров. М.: Волтерс Клувер. 2004. 672 с.
7. Постановление Правительства Российской Федерации «О временном применении отдельных положений Договора об объединении денежной системы Республики Беларусь с денежной системой Российской Федерации и условиях функционирования общей денежной системы» от 30.04.1994. № 416 / ИПС КонсультантПлюс.
8. Соглашение в форме обмена Нотами о временном применении Договора между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 14 июля 2011 года. Москва 2011 / ИПС КонсультантПлюс.
9. Талалаев А.Н. Право международных договоров: Действие и применение договоров. М.: Международные отношения. 1985. 294 с.
10. Федеральный закон Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995. № 101-ФЗ / ИПС КонсультантПлюс.
11. Ballreich H. *Treaties, Effect on Third States / Encyclopedia of Public International Law / Ed. Bernhardt R. Instalment 7. Amsterdam: Elsevier Science Publishers. 1984. 571 p.*

RIGHTS OF THIRD STATES AND TREATIES

Kurashvili A. Yu.

Gazprom EP International Services B.V., branch office in St. Petersburg

The article deals with the rights that may be granted to third states in the process of concluding and application treaties. Despite the general acceptance of the principle *Pacta tertiis nec nocent nec prosunt* by states, its implementation has a number of peculiarities. Global integration process affects the goals and content of concluded treaties, which have an impact on third states. With regard to third states the author determines procedural and material rights. The suchlike determination of the rights allows to understand better the legal nature of the granted rights and, respectively, to achieve optimal implementation by third states of the possibilities and advantages under a treaty without becoming a party to such treaty. The publication may be of interest to persons engaged in the law of treaties in general, the procedure for conclusion and application of treaties, as well as the effect of treaties with respect to third states.

Keywords: treaties, third states, rights for third states, *pacta tertiis*, provisional application.

References

1. Anzilotti D. Course of International Law. V. 1. Introduction – General theory. Trans. from Ital. A.L. Sakketi, E.M. Fabrikova / Ed. D.B. Levin. M.: Foreign literature. 1961. 447 p.
2. Balkhayeva S.B. The Principle of *Pacta Tertiis Nec Nocent Nec Prosunt* in the Law of Treaties // Journal of Russian Law. 2018. № 3. P. 136–145.
3. Vienna Convention on the Law of Treaties. Vienna. 1969. / ISS “ConsultantPlus”.
4. Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Moscow, Washington, London. 1968 / ISS “ConsultantPlus”.
5. Montreux Convention Regarding the Regime of the Straits. Montreux. 1936 / ISS “ConsultantPlus”.
6. Lukashuk I.I. Modern Law of Treaties. V. 1. Conclusion of Treaties. M.: Walters Kluver. 2004. 672 p.
7. Resolution of the Government of the Russian Federation “On the Temporary Application of Certain Provisions of the Agreement on the Unification of the Monetary System of the Republic of Belarus with the Monetary System of the Russian Federation and the Conditions for the Functioning of the Common Monetary System” dated 30.04.1994. No. 416 / ISS “ConsultantPlus”.
8. Agreement in the Form of Exchange of Notes on the Provisional Application of the Agreement between the Russian Federation and the Republic of Estonia on Cooperation in the Field of Pension Provision dated 14.07.2011. Moscow. 2011 / ISS “ConsultantPlus”.
9. Talalaev A.N. Law of Treaties: Validity and Application of Treaties. M.: International relations. 1985. 294 p.
10. Federal Law “On Treaties of the Russian Federation” dated 15.07.1995. № 101-FZ / ISS “ConsultantPlus”.
11. Ballreich H. Treaties, Effect on Third States / Encyclopedia of Public International Law / Ed. Bernhardt R. Instalment 7. Amsterdam: Elsevier Science Publishers. 1984. 571 p.

Развитие туризма в Камчатском крае: состояние и перспективы правового регулирования

Завьялова Светлана Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции, ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга»
E-mail: s_zavyalova@mail.ru

Кормочи Елена Александровна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга»
E-mail: kormochi@mail.ru

В статье сформулировано положение о возможности формулирования органами исполнительной власти Камчатского края инициативных предложений в части регионального отраслевого законодательства о туризме и туристской деятельности в субъекте Российской Федерации. Представлены предложения по разработке корпуса нормативных правовых актов Камчатского края, а также их содержания, охранительное и регулятивное воздействие норм которых обращено на сферу туризма в аспекте реализации органами государственной власти края полномочий по созданию благоприятных условий для развития туризма в Камчатском крае. Выделены группы актов, принятие которых имеет первоочередное значение. Отмечена необходимость создания эффективно работающей, результативной и в достаточной степени гибкой системы органов и организаций, их объединений, обеспечивающей как реализацию закрепленных в документах стратегического планирования целей и задач, так и региональный государственный контроль (надзор) за исполнением и соблюдением законодательства о туризме и туристской деятельности на территории Камчатского края.

Ключевые слова: полномочия органов власти в сфере туризма, условия для развития туризма, приключенческий туризм, экологический туризм, лечебно-оздоровительный и рекреационный туризм, детский и социальный туризм, правовое обеспечение безопасности туризма.

Согласно высказыванию Губернатора Камчатского Края Солодова В.В. «Камчатка – это пилотный регион, на котором сейчас отрабатываются технологии внутреннего туризма, особенно на особо охраняемых природных территориях». Исследование положений Национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» [1], а также анализ документов стратегического планирования социально-экономического развития Камчатского края и действующих региональных нормативных правовых актов, охранительное и регулятивное воздействие норм которых обращено на сферу туризма, позволили нам оценить актуальное состояние условий для развития туризма в Камчатском крае [2]. Это также позволило согласиться с мнением Е.Л. Писаревского о том, что туризм это «...сложный межотраслевой комплекс («сфера туризма»), один из приоритетов социально-экономической, эколого-культурной политики государства...» [3, с. 28] и признать точность утверждения И.А. Чеботаревой о происходящем в настоящее время изменении «...парадигмы национальной туристской политики...» [4, с. 22], выраженном в выведение туризма (сферы туризма) за пределы признанной ранее исследователями области исключительно гражданско-правовых (обязательственных) отношений туристов (экскурсантов) и/или иных заказчиков и субъектов туристской деятельности [5].

На основе выше сказанного, видится возможным формулирование и формирование органами исполнительной власти Камчатского края инициативных предложений в части регионального отраслевого законодательства о туризме и туристской деятельности в рамках осуществления взаимодействия органов государственной власти субъекта Российской Федерации с Федеральным агентством по туризму (далее – Ростуризм), а также с Правительственной комиссией по развитию туризма в Российской Федерации. Последняя, в силу норм Положения о Правительственной комиссии по развитию туризма в Российской Федерации, является координационным органом, одной из задач которого выступает подготовка предложений по совершенствованию нормативного правового регулирования в целях обеспечения развития туризма [6].

Анализ норм широкого круга федеральных нормативных правовых актов и нормативных пра-

вовых актов субъектов Российской Федерации, в том числе дальневосточных регионов, о туризме и туристской деятельности, а также других актов [2] и положений проекта Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в целях организации деятельности по осуществлению экологического туризма на особо охраняемых природных территориях» [7] позволил констатировать необходимость формирования в Камчатском крае системы нормативных правовых актов, регулятивное и охранительное воздействие норм которых обращено непосредственно на сферу туризма (за исключением регулирования вопросов исключительной компетенции Российской Федерации).

Основу правового регулирования сферы туризма в Камчатском крае должен составить соотнесенный с актуальными нормами федерального законодательства Закон Камчатского края «О туризме и туристской деятельности в Камчатском крае», устанавливающий в целях создания благоприятных условий для развития туризма в крае не только принципы, основные цели, задачи и компетенцию органов власти, но и определяющий ключевые аспекты регулирования отношений в сфере туризма на территории Камчатского края.

Полагаем, что в Законе Камчатского края «О туризме и туристской деятельности в Камчатском крае» необходимо:

- признать приключенческий, экологический, лечебно-оздоровительный и рекреационный туризм приоритетными видами туризма в Камчатском крае; раскрыть цели каждого из видов с указанием подвидов (например, подвиды приключенческого туризма: спортивный и экстремальный туризм, рыболовно-охотничий туризм, этнографический туризм); закрепить общие положения их правового регулирования, а также основы правового регулирования детского, социального и самодеятельного туризма на территории Камчатского края;
- закрепить нормы о туристско-рекреационном планировании и туристско-рекреационном зонировании в Камчатском крае, о паспортизации туристских и экскурсионных маршрутов в соответствии с действующими государственными стандартами [8], о реестре туристских ресурсов и туристской индустрии Камчатского края, определить цели, принципы и общие правила эксплуатации туристских ресурсов Камчатского края;
- закрепить нормы об осуществлении на территории Камчатского края регионального государственного контроля (надзора) за деятельностью туроператоров и турагентов в сфере въездного и внутреннего туризма, оказывающих услуги на территории Камчатского края, нормы об аттестации экскурсоводов (гидов) и гидов-переводчиков и о порядке взаимодействия органов государственной власти Камчатского края с Ассоциацией туристской индустрии Камчатки;

- закрепить нормы об информационном обеспечении, системе навигации и ориентирования в сфере туризма на территории Камчатского края, об обеспечении доступности туристских ресурсов для лиц с ограниченными возможностями здоровья и людей пожилого возраста, а также о взаимодействии органов государственной власти Камчатского края, органов местного самоуправления, общественных, научных, образовательных и иных организаций в целях обеспечения развития туризма, о международном и межрегиональном сотрудничестве;
- урегулировать порядок обеспечения безопасности туризма и привлечения к ответственности за нарушение требований безопасности в Камчатском крае, и другое.

В целях обеспечения реализации положений Закона Камчатского края «О туризме и туристской деятельности в Камчатском крае» и развернутой регламентации отрасли на территории края необходимой видится разработка и утверждение Правительством Камчатского края целого ряда актов, в частности Положения о порядке создания зон туристско-рекреационной деятельности и утверждении формы паспорта зоны туристско-рекреационной деятельности и Правил об организации и осуществлении в Камчатском крае каждого из видов туризма: приключенческого, экологического, лечебно-оздоровительного и рекреационного, самодеятельного, детского и социального. Каждый из них требует отдельной детализации правового регулирования в том числе в соответствии с действующими государственными стандартами [9], в пределах всего объема полномочий (компетенции) органов государственной власти Камчатского края как субъекта Российской Федерации с учетом региональной специфики края. Особое внимание необходимо уделить вопросам урегулирования экологического туризма [10], а также обеспечения безопасности туристов и активных видов туризма на территории Камчатского края не только в соответствии с требованиями государственных стандартов [11], но и с учетом сезона, в пределах которого проходит путешествие. Обеспечение безопасности туристов не может ограничиваться «памятками» [12].

Кроме указанных актов во исполнение ч. 3 ст. 1 Федерального закон от 20.04.2021 № 93-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в части правового регулирования деятельности экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников» [13] Министерством туризма Камчатского края должна быть создана аттестационная комиссия для аттестации экскурсоводов (гидов) и гидов-переводчиков, должна быть утверждена форма нагрудной идентификационной карточки экскурсовода (гида) или гида-переводчика, а также должно быть обеспечено внесение сведений об экскурсоводах (о гидах) и о гидах-переводчиках в еди-

ный федеральный реестр экскурсоводов (гидов) и гидов-переводчиков, должно быть разработано и утверждено «Положение о региональном государственном контроле (надзоре) за деятельностью организаций, индивидуальных предпринимателей и физических лиц, применяющих специальный налоговый режим, которые оказывают услуги экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и (или) инструкторов-проводников».

Не менее значимым в аспекте регулирования отношений в сфере туризма и туристской деятельности на территории Камчатского края является мониторинг состояния туристских ресурсов и туристской индустрии Камчатского края. В целях обеспечения возможности ведения такого мониторинга Министерству туризма Камчатского края необходимо разработать и утвердить «Положение о ведении реестра туристских ресурсов и туристской индустрии Камчатского края». Содержание такого Положения следует соотнести с положениями федеральных актов о классификации гостиниц, горнолыжных трасс, пляжей [14], а также с положениями Приказа Ростуризма от 27.11.2020 № 443-Пр-20 «Об утверждении порядка уведомления аккредитованными организациями о планируемом ими осуществлении классификации гостиниц, классификации горнолыжных трасс, классификации пляжей уполномоченных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, на территориях которых планируется осуществлять соответствующую классификацию, а также формы такого уведомления» [15]. Кроме того, необходима разработка и утверждение «Положения об организации и осуществление регионального государственного контроля (надзора) за деятельностью туроператоров и турагентов в сфере въездного и внутреннего туризма, оказывающих услуги на территории Камчатского края» и «Положения о системе навигации и ориентирования в сфере туризма на территории Камчатского края».

В завершении отметим, что было бы ошибкой признать перечень указанных актов исчерпывающим, равно как и то, что само наличие системы нормативных правовых актов является гарантией развития туризма на территории Камчатского края. Нормы так и останутся нормами на бумаге, если не будет выстроена эффективно работающая, результативная и в достаточной степени гибкая система органов и организаций, их объединений, обеспечивающая как реализацию закрепленных в документах стратегического планирования целей и задач, так и региональный государственный контроль (надзор) за исполнением, соблюдением законодательства о туризме и туристской деятельности на территории Камчатского края.

Литература

1. В Москве состоялась презентация национального проекта «Туризм и индустрия туризма». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://tourism.gov.ru/news/17319/> (дата обращения: 16.07.2021).
2. Завьялова С.В., Кормочи Е.А. Создание благоприятных условий для развития туризма в Камчатском крае: состояние и перспективы правового регулирования (часть 1) // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 9.
3. Писаревский Е.Л. Предложения Федерального агентства по туризму к концепции проекта федерального закона «О туризме и туристской деятельности в Российской Федерации» // Туризм: право и экономика. – 2013. – № 2. – С. 28–32.
4. Чеботарева И.А. Компетенция субъектов РФ в сфере туризма: состояние правового регулирования и перспективы развития в свете новой Стратегии // Административное и муниципальное право. – 2020. – № 1. – С. 22.
5. См.: Волошин Н.И. Законодательство Российской Федерации о туристской деятельности // Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 38–45; Парций Я.Е. Научно-практический комментарий Закона «Об основах туристской деятельности в РФ». – М.: Изд-во Фонд «Правовая культура», 1998. – С. 12; Писаревский Е.Л. Туристская деятельность: проблемы правового регулирования. – Владивосток: НОУ «Ин-т междунар. туризма г. Владивосток», 1999. – С. 79; Чененов А.Ю. Оформление отношений с туристом: правовые аспекты применения информационного листка, ваучера, турпутевки // Туризм: практика, проблемы, перспективы. – 1999. – № 2. – С. 9; Завьялова С.В. К вопросу о легитимности существования регионального законодательства о туристской деятельности (на примере Камчатского края) // Модернизация и перспективы современного экономического, философского, правового аспекты. – Саратов: КУБиК, 2010. – Ч. 1. – С. 189–191.
6. п. 4 Положения о Федеральном агентстве по туризму (утв. Постановлением Правительства РФ от 31.12.2004 № 901: в ред. от 16.06.2021 № 918 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 2. – Ст. 1594; О совершенствовании государственного управления в сфере туризма и туристской деятельности: указ Президента РФ от 05.06.2020 № 372 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 23. – Ст. 3627; пп. «д» п. 3 Положения о Правительственной комиссии по развитию туризма в Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 11.09.2020 № 1398: в ред. от 09.02.2021 № 141) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 38. – Ст. 5877.
7. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в целях организации деятельности по осуществлению экологического туризма на особо охраняемых природных территориях: проект федерально-

го закона ID проекта 01/05/06–20/00105338 (подготовлен Минприроды России). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=196555#XSEdZgS2QFMqzoJG> (дата обращения: 20.07.2021).

8. ГОСТ Р 50681–2010 Туристские услуги. Проектирование туристских услуг (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 30.11.2010 № 580-ст). – М.: Стандартинформ, 2011; ГОСТ Р 54604–2011 Туристские услуги. Экскурсионные услуги. Общие требования (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 08.12.2011 № 738-ст). – М.: Стандартинформ, 2012.
9. ГОСТ Р 56642–2015 Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 14.10.2015 № 1562-ст). – М.: Стандартинформ, 2016; ГОСТ Р 57287–2016 Туристские услуги, предоставляемые на особо охраняемых природных территориях. Требования (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 25.11.2016 № 1798-ст). – М.: Стандартинформ, 2016; ГОСТ Р 57854–2017 Услуги оздоровительного туризма. Общие требования (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 31.10.2017 № 1560-ст). – М.: Стандартинформ, 2017; ГОСТ Р 54605–2017 Туристские услуги. Услуги детского туризма. Общие требования (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 31.10.2017 № 1562-ст). – М.: Стандартинформ, 2017; ГОСТ Р 57806–2017 Туристские услуги в области самодельного туризма. Общие требования (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 20.10.2017 № 1467-ст) М.: Стандартинформ, 2017; ГОСТ Р 57286–2016 Услуги социального туризма. Туристские услуги для людей пожилого возраста. Общие требования (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 25.11.2016 № 1797-ст). – М.: Стандартинформ, 2016; ГОСТ 32613–2014 Туристские услуги. Услуги туризма для людей с ограниченными физическими возможностями. Общие требования (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 26.03.2014 № 230-ст). – М.: Стандартинформ, 2015 и др.
10. См.: Абрамченко В.В. В России урегулируют вопросы экологического туризма. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/news/41169/> (дата обращения: 18.07.2021); Об особо охраняемых природных территориях а Камчатском крае: закон Камчатского края от 29.12.2014 № 564: в ред. от 13.06.2018 № 224 // Официальные ведомости. – 2015. – № 1.
11. ГОСТ 32611–2014 Туристские услуги. Требования по обеспечению безопасности туристов (введен в действие Приказом Росстандарта от 26.03.2014 № 228-ст). – М.: Стандартинформ, 2014; ГОСТ Р 56643–2015 Туристские услуги. Личная безопасность туриста (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 14.10.2015 № 1563-ст). – М.: Стандартинформ, 2016; ГОСТ Р 54601–2011 Туристские услуги. Безопасность активных видов туризма. Общие положения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 08.12.2011 № 735-ст). – М.: Стандартинформ, 2012.
12. Камчатка включена National Geographic в топ-25 лучших направлений для путешествии. – [Электронный ресурс]. – <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/best-trips-2020-1> (дата обращения: 10.07.2021).
13. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в части правового регулирования деятельности экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников: федеральный закон от 20.04.2021 № 93-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2021. – № 17. – Ст. 2879.
14. Об утверждении Правил аккредитации организаций, осуществляющих классификацию гостиниц, классификацию горнолыжных трасс, классификацию пляжей: постановление Правительства РФ от 03.12.2020 № 2000 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 50 (ч. 4). – Ст. 8206; Об утверждении Положения о классификации гостиниц: постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1860 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 48. – Ст. 7721; Об утверждении Правил классификации горнолыжных трасс, классификации пляжей: приказ Ростуризма от 08.09.2020 № 287-Пр-20 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011120031> (дата обращения: 29.07.2021).
15. Об утверждении порядка уведомления аккредитованными организациями о планируемом ими осуществлении классификации гостиниц, классификации горнолыжных трасс, классификации пляжей уполномоченных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, на территориях которых планируется осуществлять соответствующую классификацию, а также формы такого уведомления: приказ Ростуризма от 27.11.2020 № 443-Пр-20 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru/http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011300086> (дата обращения: 29.07.2021).

TOURISM DEVELOPMENT IN THE KAMCHATKA TERRITORY: THE STATE AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION

Zavyalova S.V., Kormochi E.A.
Vitus Bering Kamchatka State University

The article formulates a thesis about the possibility of formulating initiative proposals by the executive authorities of the Kamchatka Territory in terms of regional sectoral legislation on tourism and tour-

ist activity in the subject of the Russian Federation. Proposals are presented for the development of the corpus of normative legal acts of the Kamchatka Territory, as well as their content, the protective and regulatory impact of the norms of which is addressed to the tourism sector in the aspect of the implementation by the state authorities of the territory of the powers to create favorable conditions for the development of tourism in the Kamchatka Territory. Groups of acts are identified, the adoption of which is of primary importance. The necessity of creating an effective, efficient and sufficiently flexible system of bodies and organizations, their associations, ensuring both the implementation of the goals and objectives set out in the strategic planning documents, and regional state control (supervision) over the implementation and compliance with the legislation on tourism and tourist activities on the territory of the Kamchatka Territory, was noted.

Keywords: the powers of the authorities in the field of tourism, conditions for the development of tourism, adventure tourism, ecological tourism, medical and recreational tourism, children's and social tourism, legal support for the safety of tourism.

References

1. The presentation of the national project «Tourism and the tourism industry». – [Electronic resource]. – URL: <https://tourism.gov.ru/news/17319/> (accessed: 16.07.2021).
2. Zavyalova S.V., Kormochi E.A. Creating favorable conditions for the development of tourism in the Kamchatka Territory: the state and prospects of legal regulation (part 1) // Theory and practice of social development. – 2021. – № 9.
3. Pisarevsky E.L. Proposals of the Federal Agency for Tourism to the concept of the draft federal law «On tourism and tourist activity in the Russian Federation» // Tourism: law and Economics. – 2013. – № . 2. – pp. 28–32.
4. Chebotareva I.A. Competence of the subjects of the Russian Federation in the field of tourism: the state of legal regulation and development prospects in the light of the new Strategy // Administrative and municipal law. – 2020. – № 1. –p. 22.
5. See: Voloshin N.I. Legislation of the Russian Federation on tourist activity // Journal of Russian Law. – 2002. – № . 11. – pp. 38–45; Partiy Ya.E. Scientific and practical commentary of the Law «On the basics of tourist activity in the Russian Federation». – M.: Publishing house of the Foundation «Legal Culture», 1998. – p. 12; Pisarevsky E.L. Tourist activity: problems of legal regulation. – Vladivostok: NOU «In-t mezhdunar. tourism of Vladivostok», 1999. – p. 79; Chenenov A. Yu. Registration of relations with a tourist: legal aspects of the application of an information leaflet, voucher, travel package // Tourism: practice, problems, prospects. – 1999. – № . 2. – p. 9; Zavyalova S.V. On the question of the legitimacy of the existence of regional legislation on tourist activity (on the example of the Kamchatka Territory) // Modernization and prospects of modern economic, philosophical, legal aspects. – Saratov: KUBIK, 2010. – Part 1. – p. 189–191.
6. Item 4 of the Regulations on the Federal Agency for Tourism (approved by By the Decree of the Government of the Russian Federation № 901 of 31.12.2004: as amended. from 16.06.2021 № 918 // *Sobr. zakonodatelstva Ros. Federation.* – 2005. – № 2. – Art. 1594; On improving public administration in the field of tourism and tourist activity: decree of the President of the Russian Federation № 372 of 05.06.2020 // *Sobr. zakonodatelstva Ros. Federation.* – 2020. – № 23. – Art. 3627; item «d» of item 3 of the Regulations on the Government Commission for the Development of Tourism in the Russian Federation (approved by the Decree of the Government of the Russian Federation № 1398 of 11.09.2020: as amended. from 09.02.2021 № 141) // *Sobr. zakonodatelstva Ros. Federation.* – 2020. – № 38. – Art. 5877.
7. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation for the purpose of organizing activities for the implementation of ecological tourism in specially protected natural territories: draft federal law Project ID 01/05/06–20/00105338 (prepared by the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation). – [Electronic resource]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=196555#XSEdzgS2QFMqzoJG> (accessed: 20.07.2021).
8. GOST R 50681–2010 Tourist services. Design of tourist services (approved and put into effect by the Order of Rosstandart № 580-st dated 30.11.2010). – M.: Standartinform, 2011; GOST R 54604–2011 Tourist services. Excursion services. General requirements (approved and put into effect by the Order of Rosstandart № 738-st dated 08.12.2011). – M.: Standartinform, 2012.
9. GOST R 56642–2015 Tourist services. Ecological tourism. General requirements (approved and put into effect by the Order of Rosstandart № 1562-st dated 14.10.2015). – M.: Standartinform, 2016; GOST R 57287–2016 Tourist services provided in specially protected natural territories. Requirements (approved and put into effect by the Order of Rosstandart № 1798-st dated 25.11.2016). – M.: Standartinform, 2016; GOST R 57854–2017 Health tourism services. General requirements (approved and put into effect by the Order of Rosstandart № 1560-st dated 31.10.2017). – M.: Standartinform, 2017; GOST R 54605–2017 Tourist services. Children's tourism services. General requirements (approved and put into effect by the Order of Rosstandart № 1562-st dated 31.10.2017). – M.: Standartinform, 2017; GOST R 57806–2017 Tourist services in the field of amateur tourism. General requirements (approved and put into effect by the Order of Rosstandart № 1467-st dated 20.10.2017). – M.: Standartinform, 2017; GOST R 57286–2016 Social tourism services. Tourist services for the elderly. General requirements (approved and put into effect by the Order of Rosstandart № 1797-st dated 25.11.2016). – M.: Standartinform, 2016; GOST 32613–2014 Tourist services. Tourism services for people with disabilities. General requirements (approved and put into effect by the Order of Rosstandart № 230-st dated 26.03.2014). – M.: Standartinform, 2015, etc.
10. See: Abramchenko V.V. In Russia, issues of ecological tourism will be regulated. – [Electronic resource]. – URL: <http://government.ru/news/41169/> (date of application: 18.07.2021); On specially protected natural territories in the Kamchatka Territory: law of the Kamchatka territory of 29.12.2014 № 564: as amended. dated 13.06.2018 № 224 // *Official Gazette.* – 2015. – № 1.
11. GOST 32611–2014 Tourist services. Requirements for ensuring the safety of tourists (put into effect by the Order of Rosstandart № 228-st dated 26.03.2014). – M.: Standartinform, 2014; GOST R 56643–2015 Tourist services. Personal safety of a tourist (approved and put into effect by the Order of Rosstandart № 1563-st dated 14.10.2015). – M.: Standartinform, 2016; GOST R 54601–2011 Tourist services. Safety of active types of tourism. General provisions (approved and put into effect by the Order of Rosstandart № 735-st dated 08.12.2011). – M.: Standartinform, 2012.
12. Kamchatka is included by National Geographic in the top 25 best travel destinations. – [Electronic resource]. – <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/best-trips-2020-1> (date of application: 10.07.2021).
13. On amendments to the Federal Law «On the Basics of tourist activity in the Russian Federation» regarding the legal regulation of the activities of guides (guides), guides-interpreters and instructors-guides: federal Law № . 93-FZ of 20.04.2021 // *Sobr. zakonodatelstva Ros. Federation.* – 2021. – № 17 – Art. 2879.
14. On approval of the Rules for accreditation of organizations that classify hotels, classify ski slopes, classify beaches: Decree of the Government of the Russian Federation № 2000 of 03.12.2020 // *Sobr. zakonodatelstva Ros. Federation.* – 2020. – № 50 (part 4) –Art. 8206; On approval of the Regulations on the classification of hotels: Decree of the Government of the Russian Federation № 1860 of 18.11.2020 // *Sobr. zakonodatelstva Ros. Federation.* – 2020. – № . 48 –Art. 7721; On approval of the Rules for classification of ski slopes, classification of beaches: order of the Federal Tourism Agency № 287-Pr-20 of 08.09.2020 // Official Internet portal of legal information <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120201120031> (accessed: 29.07.2021).
15. On approval of the procedure for notification by accredited organizations about their planned implementation of the classification of hotels, classification of ski slopes, classification of beaches of the authorized state authorities of the subjects of the Russian Federation, on the territories of which it is planned to carry out the corresponding classification, as well as the form of such notification: order of the Federal Tourism Agency of 27.11.2020 № 443-Pr-20 // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ruhttp://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011300086> (accessed: 29.07.2021).

Анализ правоприменительной практики по уголовным делам о преступлениях с применением технологий блокчейна

Мкртчян Сона Мартиросовна,

доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет», кафедра уголовного права
E-mail: s.mkrтчian1992@volsu.ru

Исследование посвящено изучению правоприменительной практики по уголовным делам о преступлениях, получивших распространение в сфере функционирования технологий блокчейна, и направлено на уточнение Методических рекомендаций Генеральной прокуратуры Российской Федерации как единственного в настоящий момент акта официального толкования положений статей главы 28 УК РФ. Широко применяется формально-юридический метод научного познания, а также филологический, системный и логический способы толкования нормативно-правовых текстов. Установлено, что далеко не во всех случаях правоприменители учитывают рекомендации Генеральной прокуратуры относительно разграничения преступлений, предусмотренных статьями 272–274 УК РФ, и определения смысла терминов, используемых для описания названных преступных деяний. Впервые выявлены особенности квалификации соответствующих преступлений, совершаемых в сфере функционирования блокчейна, конкретизировано содержание терминов «создание», «использование» и «распространение» применительно к ст. 273 УК РФ, а также сформулирован перечень критериев тяжести последствий, наступление которых образует квалифицированные составы преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 272, ч. 3 ст. 273, ч. 2 ст. 274 и ч. 5 ст. 274.1 УК РФ. Рекомендуются для научных и практических работников.

Ключевые слова: блокчейн, криптовалюта, преступления в сфере компьютерной информации, неправомерный доступ к компьютерной информации, вредоносные компьютерные программы, майнинг.

Современный преступный мир всё чаще обращает внимание на потенциал информационных технологий в процессе совершения противоправных деяний. Указанное подтверждается экспертами, по оценкам которых число преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, возросло на 70%, а объёмы потерь граждан от действий кибермошенников в 2020 году составили 9,8 млрд рублей¹. На фоне отмеченных масштабов прироста числа киберпреступлений не может не вызвать особого интереса факт снижения числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за их совершение. Так, в 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 и 2020 годах за совершение преступлений, предусмотренных ст. 272–274.1 УК РФ, были осуждены соответственно 218, 235, 185, 124, 129, 165 и 137 человек². Правоприменители отмечают, что, несмотря на ежегодный рост преступлений в сфере IT-технологий, их раскрываемость не превышает 25%³. Подобное соотношение показателей зарегистрированных и раскрытых преступлений, а также реально привлечённых к уголовной ответственности лиц наводит на мысли о том, что, с одной стороны, положения главы 28 УК РФ практически не играют значимой роли в процессе предупреждения распространения преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации, а с другой стороны, у правоприменителей в целом возникают проблемы в процессе квалификации соответствующих преступных деяний.

Названные проблемы, как представляется, будут лишь углубляться по мере развития информационных технологий и увеличения сфер их применения. Исследователи отмечают, что с течением времени некоторые разновидности преступной активности в сфере компьютерной информации будут направлены не только на информационную безопасность, но и на иные социально значимые сферы – жизнь, здоровье, честь и достоинство личности и т.д. [3] Указанное особенно актуально для уголовно-правового регулирования сферы функционирова-

¹ См.: Юркова А. Отбить атаку в один клик [Электронный ресурс]// Официальный сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2021/07/06/reg-ufo/v-rossii-chislo-kiberprestuplenij-vyroslo-na-70-procentov.html> (Дата обращения: 29.08.2021).

² См.: Данные судебной статистики [Электронный ресурс]// Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Дата обращения: 29.08.2021).

³ См.: Егоров И. Краснов: В России и Беларуси раскрывается лишь четверть киберпреступлений [Электронный ресурс]// Официальный сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2021/04/27/krasnov-v-rossii-i-belarusi-raskryvaetsia-lish-chetvert-kiberprestuplenij.html> (Дата обращения: 29.08.2021).

ния технологий блокчейна, которые, с одной стороны, весьма охотно применяются добросовестными субъектами хозяйствования для обеспечения прозрачности деятельности в различных сферах, в том числе, в здравоохранении, при организации голосования, в финансовом секторе, при обработке персональных данных, а также в процессе лицензирования, выдачи патентов и т.п., а с другой стороны, характеризуются применением особых способов шифрования данных, позволяют обеспечивать анонимность пользователей теневых виртуальных площадок Darknet, связаны с получением незаконной прибыли в особо крупных размерах (с учётом курса криптовалют) и затрудняют возврат незаконно изъятых цифровых активов или данных (невозможность возврата транзакций). Иными словами, преступники, освоившие механизмы и схемы преступной деятельности в сфере функционирования блокчейна, могут расширить преступную специализацию и получить возможность практически безнаказанно совершать разнообразные преступные деяния способами, которые (в значительном числе случаев) входят в объективную сторону преступлений, предусмотренных гл. 28 УК РФ. В этой связи чрезвычайно важно определить, учитывают ли действующие правила и традиции правоприменения современные угрозы развития киберпреступности. В настоящий момент фактически единственным документом, аккумулирующим официальную позицию правоохранительных органов относительно правил применения и толкования положений главы 28 УК РФ, являются Методические рекомендации Генеральной прокуратуры по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (глава 1) (далее – Методические рекомендации). В этой связи в настоящей работе представляется необходимым осветить результаты анализа положений указанного документа с точки зрения оценки их приспособленности для квалификации киберпреступлений в сфере функционирования блокчейна, а также качества применения соответствующих рекомендаций в процессе квалификации рассматриваемой группы преступных деяний.

Анализ практики применения положений главы 28 УК РФ для квалификации преступлений, получивших распространение в сфере функционирования технологий блокчейна, показывает, что правоприменители далеко не всегда учитывают рекомендации относительно (1) отграничения составов преступлений в сфере компьютерной информации и (2) квалификации соответствующих деяний по совокупности.

Согласно Методическим рекомендациям использование функционала вредоносных компьютерных программ (далее – ВКП) в качестве необходимого условия совершения другого преступления следует квалифицировать в качестве совокупности соответствующих преступных деяний¹. Как

¹ Здесь и далее текст названного документа приводится по: «Методические рекомендации по осуществлению проку-

представляется, указанная рекомендация не была учтена при вынесении решения в отношении Ш.А.С., осуждённого за совершение пяти преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 273 УК РФ, который, используя вредоносную компьютерную программу, позволяющую получать аутентификационную информацию, а также компьютерную программу, предназначенную для сканирования сети Интернет в целях получения списков IP-адресов серверов с открытыми портами, осуществил удалённый доступ к серверам пяти организаций и на четырёх из них установил программное обеспечение, позволяющее использовать вычислительные мощности ЭВМ, подключённых к соответствующим серверам, для несанкционированного майнинга криптовалюты². Анализ приведённых формулировок, использованных в тексте соответствующего судебного решения, позволяет сделать вывод о том, что, вопреки мнению правоприменителей, в каждом из 5 эпизодов преступной активности Ш.А.С. имелись признаки совокупности преступлений, предусмотренных ст. 272 и 273 УК РФ (в четырёх случаях – неправомерный доступ к компьютерной информации с использованием ВКП, в пятом случае – покушение на него с использованием ВКП).

Приведём ещё один пример. Ш.А.В., осуждённый по ч. 3 ст. 272 (1), ч. 4 ст. 272 (2), ч. 1 ст. 274 (3), ч. 2 ст. 273 (4) УК РФ, и Р.А.С., осуждённый по ч. 3 ст. 272 (1), ч. 3 ст. 272 (2), ч. 4 ст. 272 (3), ч. 4 ст. 272 (4), ч. 1 ст. 274 (5) и ч. 2 ст. 273 (6) УК РФ, совершили преступление при следующих обстоятельствах (речь далее будет идти об эпизодах (2)-(3) преступной деятельности Ш.А.В. и (4)-(5) преступной деятельности Р.А.С.). Являясь начальниками научно-исследовательских подразделений ФГУП «Р...», осуществляющего деятельность в области ядерных исследований и выполнения гособоронзаказов, Р.А.С. по договорённости с Ш.А.В. с использованием служебных полномочий приискал инструментальный сервер в составе САУ-300, входящий в состав ЗЛВС (закрытая локальная сеть ФГУП «Р...», предназначенная для хранения, обработки и передачи сведений, составляющих государственную тайну до уровня «совершенно секретно») и сервер «ВМ ...», входящий в состав СЛВС (локальная сеть ФГУП «Р...», предназначенная для обработки несекретной, но охраняемой законом компьютерной информации, в том числе персональных данных сотрудников ФГУП «Р...»), который несанкционированно и неправомерно соединил посредством сетевого кабеля с коммутатором «КЕ ...», входящим в состав САУ-300. После этого Ш.А.В. и Р.А.С. под предлогом проведения

прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации» (утв. Генпрокуратурой России)// СПС «Консультант Плюс».

² См.: Приговор Курганского городского суда Курганской области от 29 ноября 2018 г. по делу № 1–1186/2018. URL: https://kurgansky-krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=43299649&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (Дата обращения: 29.08.2021).

научно-исследовательской работы на основании заявки, подготовленной их подчинёнными, организовали подключение к СЛВС сервера «ВМ ...», который Р.А.С. сконфигурировал в качестве шлюза, чем обеспечил возможность получения несанкционированного доступа к ЗЛВС с подключенного к СЛВС рабочего места. Затем Р.А.С. установил на собранный описанным выше способом вычислитель криптовалюты («ферму») найденное в сети Интернет программное обеспечение, совместимое с арифметическими ускорителями САУ-300 и предназначенное для получения через Интернет задач на майнинг криптовалюты и отправки результатов таких вычислений в сеть «Интернет» на сервер, который связан со всеми участниками майнинга криптовалют. В целях успешной реализации соответствующей схемы несанкционированного майнинга Ш.А.В. и Р.А.С. приискали и использовали для обеспечения соединения с сетью Интернет собранной ими «криптофермы» неаттестованное компьютерное оборудование и GSM-модемы, которые разместили в своих служебных кабинетах и в нарушение правил доступа к охраняемой законом компьютерной информации неправомерно и несанкционированно подключили к СЛВС. В результате преступники обеспечили для себя возможность со своих рабочих мест запускать процесс майнинга криптовалюты с использованием вычислительных мощностей названных выше локальных сетей ЗЛВС и СЛВС, соединённых между собой, а полученную в результате совершения преступления прибыль обращали в свою пользу¹. Примечательно, что и для описания эпизода (4) – ч. 4 ст. 272 УК РФ, и для описания эпизода (5) – ч. 1 ст. 274 УК РФ суд использовал совершенно идентичные тексты. Отличались лишь выводы суда, согласно которым в первом из описанных случаев имел место несанкционированный доступ к локальным сетям ФГУП «Р...», предназначенным для обработки секретной информации и несекретных сведений для служебного пользования, что выразилось, в том числе, во внесении изменений в конструкцию и конфигурацию основных технических средств и систем ЗЛВС и в существенном снижении уровня защищённости автоматизированной системы, а во втором – нарушение правила эксплуатации средств хранения, обработки и передачи охраняемой компьютерной информации, которое заключалось в подсоединении к сети Интернет подключённого к ЗЛВС и СЛВС майнинг-оборудования, а также в установке и запуске на указанном оборудовании соответствующего программного обеспе-

¹ См.: Приговор Саровского городского суда Нижегородской области от 16 октября 2019 г. по делу № 1–166/2019. URL: https://sarovsky-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42125707&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (Дата обращения: 29.08.2021); Приговор Саровского городского суда Нижегородской области от 24 октября 2019 г. по делу № 1–167/2019. URL: https://sarovsky-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=63695263&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (Дата обращения: 29.08.2021).

чения, не разрешённого комиссией ФГУП «Р...». Фактически дважды указанные лица были осуждены за совершение одного и того же преступного действия, так как негативные последствия в виде модификации компьютерной информации, выразившейся в «изменении служебной информации, используемой активным сетевым оборудованием АСЗИ ЗЛВС и СЛВС» и «генерации сетевого трафика», а также затрат в размере 1087 448 рублей 19 коп. на осуществление дополнительных работ по восстановлению надлежащего уровня защищённости оборудования САУ-300 явились результатами именно несанкционированного доступа к сетям ЗЛВС и СЛВС. Как представляется в данном случае не была учтена рекомендация Генеральной прокуратуры относительно недопустимости квалификации по ст. 274 УК РФ ситуаций, когда наступившие последствия в виде уничтожения, блокирования, модификации и копирования компьютерной информации явились результатами не нарушения эксплуатации средств хранения, обработки и передачи информации или правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям, а совершения деяний, предусмотренных ст. 272 и 273 УК РФ. Очевидно, в подобных условиях выше приведённый вариант квалификации соответствующих деяний по совокупности невозможен.

В качестве одного из результатов настоящего исследования также следует упомянуть об обнаружении недочётов в представленных в Методических рекомендациях вариантах толкования терминов, используемых в текстах статей 272–274 УК РФ, наличие которых [недочётов] в некоторых случаях приводит к неверному применению уголовного закона. Согласно тексту анализируемого документа под созданием ВКП понимается деятельность, направленная на разработку и подготовку соответствующего программного обеспечения, тогда как их использование заключается в работе с программами, применении их по назначению, а также в иных действиях «по введению их в хозяйственный оборот в изначальной или модифицированной форме». Как представляется, в данном случае понятия «создание» и «использование» как термины, описывающие действия, входящие в объективную сторону преступлений, предусмотренных ст. 273 УК РФ, неоправданно смешиваются, так как модификация программы скорее является разновидностью создания таковой – является новая версия ВКП, новый информационный/ программный продукт. Указанное понимание, во всяком случае, вытекает из лексического значения глагола «создать» – «сделать существующим, произвести, основать» [2, с. 684], тогда как объём значения глагола «использовать» образуют словосочетания «употребить с пользой», «осуществить на деле», «воспользоваться, применить в чьих-либо интересах, в целях получения положительных результатов» [2, с. 235, 546]. В подтверждение правильности подобного толкования названных терминов приведём несколько приме-

ров из судебной практики. Так, в рамках описанной выше преступной схемы Ш.А.В. и Р.А.С. в целях сокрытия соответствующих противоправных действий договорились о создании и использовании ВКП – «версии программной закладки (программы) «rootkit» с функциями запуска процессов с привилегиями администратора и сокрытия пользовательских процессов», для создания которой в сети Интернет Р.А.С. нашёл исходный код названной программы, который предоставил Ш.А.В. с инструкциями по *его компиляции с целью создания на его основе версии названной ВКП* (курсив мой – прим. автора), пригодной для применения на оборудовании САУ-300, а затем для осуществления такой компиляции ими совместно были найдены исходные коды ядра операционной системы, используемой на узлах САУ-300. В результате названных действий созданная преступниками версия программы была успешно запущена параллельно с процессом майнинга криптовалюты, что позволило скрыть несанкционированные операции от других сотрудников ФГУП «Р...»¹. В рамках другого судебного решения С.С.В. был осуждён по ч. 2 ст. 273 УК РФ за использование ВКП, которое заключалось в осуществлении «компьютерного воздействия посредством запуска компьютерной программы», предназначенной для получения логина и пароля для доступа к серверу ПАО «...», в целях обеспечения удалённого входа на сервер и последующего копирования на него программы для использования вычислительных мощностей ЭВМ, подключённых к соответствующему серверу, в процессе майнинга криптовалюты². Таким образом, об использовании программ речь чаще всего идёт в тех случаях, когда преступники запускают на своих или служебных персональных компьютерах программы, созданные и размещённые в сети Интернет другими, чаще всего не установленными следствием лицами (которые используют блокчейн-технологии и иные программы и способы шифрования для облегчения преступной деятельности и сокрытия её следов, что затрудняет деятельность правоохранительных органов [1]), то есть без признаков (1) формулирования исходных текстов вредоносной программы, (2) непосредственная правка кодов созданной другими вредоносной программы в целях её изменения, приспособления или наладки/настройки процесса её функционирования, (3) до-

¹ См.: Приговор Саровского городского суда Нижегородской области от 16 октября 2019 г. по делу № 1–166/2019. URL: https://sarovsky-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42125707&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (Дата обращения: 29.08.2021); Приговор Саровского городского суда Нижегородской области от 24 октября 2019 г. по делу № 1–167/2019. URL: https://sarovsky-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=63695263&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (Дата обращения: 29.08.2021).

² См.: Приговор Солнечногорского городского суда Московской области от 07 октября 2020 г. по делу № 1–227/2020. URL: https://solnechnogorsk-mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=237592748&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (Дата обращения: 18.08.2021).

полнения невредоносной компьютерной программами модулями и (или) функциями, позволяющими применять её для неправомерного воздействия на компьютерную информацию и (или) нейтрализации средств защиты такой информации³. Перечисленные признаки охватываются понятием «создание», а не «использование».

Следует обратить внимание также на то, что в некоторых случаях правоприменители смешивают понятия «распространение» и «использование» при квалификации преступных деяний по ст. 273 УК РФ. Так, согласно тексту одного из изученных в процессе написания настоящей статьи судебного решения С.Р.А., «имея умысел на незаконное создание, распространение и использование» ВКП, предназначенную для предоставления доступа к заражённому компьютеру и получения его идентификационных данных, «неустановленным следствием способом создал» такую и «распространил на файлообменном ресурсе <...> в глобальной сети Интернет», а затем «путём использования вредоносных свойств распространённой им вредоносной программы <...> осуществил модификацию и блокирование параметров системного реестра компьютерной информации на жестком диске персональных компьютеров неопределённого круга пользователей глобальной сети Internet»⁴. В данном случае, как представляется, вопреки мнению правоприменителей, С.Р.А. совершил лишь создание и использование созданной им компьютерной программы, так как последнее из названных преступных деяний само по себе охватывает разнообразные действия по введению программы в хозяйственный оборот в целях употребления вредоносных свойств программы на пользу того лица, который её создал, или приобрёл у других лиц, или загрузил бесплатно с теневого ресурса, то есть того, кто в данный конкретный момент ею владеет и собирается применить по назначению. Распространение, в свою очередь, предполагает предоставление доступа к вредоносной программе для целей других лиц, то есть умысел преступника в таком случае направлен не на непосредственную реализацию её свойств, а на получение незаконной выгоды или достижения иных преступных интересов от самого факта её отчуждения третьим лицам различными способами (продажа, передача,

³ См., например: Приговор Собинского городского суда Владимирской области от 14 декабря 2017 г. по делу № 1–1–276/2017. URL: https://sobinsky-wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1070159&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (Дата обращения: 18.08.2021); Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 21 февраля 2019 г. по делу № 1–368/19. URL: http://naberezhnochelninsky.tat.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2_cases#id=3_e82d8173d359e447ec45916fc58a6c01&shard=16&from=p&r={%22dateValue%22:%2221.02.2019%22} (Дата обращения: 18.08.2021).

⁴ См.: Постановление Правобережного районного суда г. Липецка от 17 мая 2018 г. по делу № 1–126/2018. URL: https://pravsud-lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9421424&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (Дата обращения: 29.08.2021).

рассылка, размещение на сетевом ресурсе и т.п.). Такое толкование термина «распространение» соответствует лексическому значению глагола «распространить» – «сделать доступным, известным для многих» [Ожегов, с. 610].

Более того, исходя из приведённого выше понимания термина «распространение», следует сделать вывод о том, что толкование указанного термина в тексте Методических рекомендаций не является достаточно конкретизированным и не учитывает современных реалий развития киберпреступности. Анализ судебных решений по делам о преступлениях, в частности, получивших распространение в сфере функционирования технологий блокчейна, позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время в виртуальном пространстве создана так называемая «инфраструктура киберпреступности», то есть совокупность различных теневых Интернет-площадок, на которых недобросовестные лица размещают исходные коды ВКП, а также ВКП в полностью готовом для использования виде¹, средства настройки таких программ и дополнительные модули, позволяющие расширить их функциональность², а также информацию об использовании соответствующих программ³, в том числе, инструкции по их установке, наладке и применению. Все указанные действия по размещению в свободном доступе, рекламе, техническому сопровождению, рассылке заинтересованным лицам и т.п. должны быть включены в объём толкования понятия «распространение» вплоть до регламентации соответствующих альтернативных вариантов совершения преступлений, предусмотренных ст. 273 УК РФ, непосредственно в тексте уголовного закона (по типу положений текстов зарубежных уголовно-правовых актов).

Наконец, анализируя текст Методических рекомендаций, нельзя обойти вниманием и толкование содержания термина «тяжкие последствия», используемого в текстах ч. 4 ст. 272, ч. 3 ст. 273, ч. 2 ст. 274 и ч. 5 ст. 274.1 УК РФ для описания соответствующего квалифицирующего признака. Дело в том, что содержащаяся в тексте Методических рекомендаций формулировка «тяжесть последствий должна определяться с учетом всей совокупности обстоятельств дела» наводит на мысль, что за ней [формулировкой] должно следовать перечисление критериев, которые позво-

лили бы отграничить тяжкие последствия от иных негативных последствий соответствующих преступных деяний. Однако на самом деле в скобках после указанной фразы назван лишь один такой критерий – «реальность созданной угрозы», а остальной текст содержит перечисление разновидностей последствий, которые, по мнению Генеральной прокуратуры, следовало бы относить к категории тяжких. Использование подобного казуистичного приёма может привести, с одной стороны, к появлению необходимости постоянного внесения изменений в перечень соответствующих тяжких последствий по мере развития информационных технологий, а с другой стороны, к ситуациям, когда правоприменители не будут учитывать в качестве тяжких те последствия, которые в соответствующем перечне не упомянуты, игнорируя даже его открытый характер. Думается, что с учётом анализа правоприменительной практики по уголовным делам о преступлениях, получивших распространение в сфере функционирования блокчейн, к числу обстоятельств, которые должны быть учтены в процессе принятия решения относительно тяжести наступивших последствий, наряду с реальностью угрозы наступления таковых, следует относить: 1) характер, объём, масштабы причинённого вреда и значимость нарушенных объектов уголовно-правовой охраны (в условиях функционирования блокчейн, в частности, речь чаще всего идёт о причинении имущественного ущерба в результате хищений криптовалюты в особо крупном размере, организационного вреда в виде ликвидации онлайн-бирж по обмену криптовалютой и иных законных виртуальных площадок, прекращения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, например, осуществляющих деятельность по производству и поставке майнинг-оборудования, а также морального вреда, причинённого лицам, чьи персональные или иные значимые данные (например, охраняемые авторским правом) были разглашены в результате кибератаки); 2) количество потерпевших и характер осуществляемой ими деятельности (речь идёт, например, о компьютерном воздействии на неопределённое число ЭВМ пользователей сети Интернет или на государственные базы хранения персональных данных, а также о ситуациях воздействия на критическую информационную инфраструктуру государства и т.п.); 3) направленность умысла виновных и длительность осуществления преступной деятельности; 4) восполнимость причинённого вреда (в условиях блокчейна возврат транзакции невозможен, то есть причинение особо крупного ущерба может явиться причиной разорения и исчезновения с виртуального рынка компании или целой группы компаний, осуществляющих деятельность по обмену криптовалютой, онлайн-майнингу или предоставлению криптокошельков в аренду, что, безусловно, отразится пагубно на всей блокчейн-отрасли). Представляется, что указанные критерии должны быть включены в текст методических

¹ См.: Приговор Муромского городского суда Владимирской области от 05 декабря 2018 г. по делу № 1–294/2018. URL: https://muromsky-wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6080853&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (Дата обращения: 18.08.2021).

² См.: Постановление Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики от 25 декабря 2017 г. по делу № 1–322/2017. URL: http://novocheboksarsky.chv.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2_cases#id=3_dbf199ad871d9e54a30581b9dc3f2dff&shard=r21&from=p&r={%22dateVal ue%22:%2225.12.2017%22} (Дата обращения: 29.08.2021).

³ См.: Приговор Курганского городского суда Курганской области от 29 ноября 2018 г. по делу № 1–1186/2018. URL: https://kurgansky-krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=43299649&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (Дата обращения: 29.08.2021).

рекомендаций в виде перечисления в скобках после слов: «При этом тяжесть последствий должна определяться с учетом всей совокупности обстоятельств дела (реальность созданной угрозы наступления последствий, ...)», а затем в рамках нового предложения перечисление примеров таких последствий, уже содержащееся в тексте Методических рекомендаций, должно предваряться фразой: «Например, тяжкими последствиями следует признавать: причинение особо крупного материального ущерба, ...». Каждый из упомянутых перечней представляется необходимым оставить открытым (дополнить оговоркой «и др.»).

Литература

1. Каримов В.Х. Актуальные вопросы борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием систем анонимизации пользователей в сети Интернет// Российский следователь. 2018. № 6// СПС «Консультант Плюс».
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка/ под ред. проф. Н.Ю. Шведовой. Изд.10-е, стереотип. Москва. Советская энциклопедия. 1973. 846 с.
3. Русскевич Е.А., Мельников А.С. Об отдельных проблемах квалификации создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ// Российский следователь. 2018. № 8// СПС «Консультант Плюс».

ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN CRIMINAL CASES OF CRIMES USING BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES FUNCTIONING

Mkrtchian S.M.

Volgograd State University

The paper deals with the study of the law enforcement practice in the criminal proceedings in respect of crimes widespread in the sphere of the blockchain functioning and clarification of the text of the Methodological Recommendations issued by the Prosecutor General's Office of the Russian Federation as currently the only official interpretation of the provisions of chapter 28 of the RF's Criminal Code. Formal legal method is widely used in conjunction with systemic, logical, and philological methods of interpreting the regulatory texts. It has been established that in not all situations law enforcement officers take into account the recommendations of the Prosecutor General's Office on the distinction between crimes under articles 272–274 of the RF's Criminal Code and the determination of the meaning of the terms used to describe these criminal acts. Features of the qualification of the relevant offences committed in the sphere of the blockchain functioning for the first time are revealed, the meaning of the terms “creation”, “use” and “distribution” in relation to Article 273 of the RF's Criminal Code is concretized and also the list of criteria of the severity of implications whose occurrence forms classified types of the crimes referred to in Part 4 Article 272, Part 3 Article 273, Part 2 Article 274 and Part 5 Article 274.1 of the RF's Criminal Code is formulated. The study is for scientists and practitioners recommended.

Keywords: blockchain, cryptocurrencies, cyber crimes, unauthorized access to the computer information, malware, mining.

References

1. Karimov V. Kh. Topical issues of combating crimes committed using the systems of anonymization of users on the Internet // Russian investigator. 2018. No. 6 // SPS “Consultant Plus”.
2. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / ed. prof. N. Yu. Shvedova. Ed. 10th, stereotype. Moscow. Soviet encyclopedia. 1973.846 s.
3. Russkevich E.A., Melnikov A.S. On certain problems of qualification of creation, use and distribution of malicious computer programs // Russian investigator. 2018. No. 8 // SPS «Consultant Plus».

О малоизученных гражданско-правовых аспектах коммунальной гигиены

Рогачевский Александр Львович,

доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: museum-juridicum@mail.ru

Надлежащее развитие коммунальной гигиены, важнейшим элементом которой является канализация населённых мест, обеспечивает право человека на здоровую окружающую среду и достойную жизнь. Несмотря на свою значимость, данная сфера хозяйства не привлекала достаточного внимания цивилистов. Статья посвящена не изучавшемуся в отечественной юридической науке вопросу – гражданско-правовым аспектам деятельности общественных уборных. В центре внимания находятся договорные отношения между исполнителем услуг и потребителем, рассматриваемые в контексте российского законодательства, международных соглашений и мирового опыта в указанной области. В работе проанализированы характерные черты и существенные условия данного вида сделок, рассмотрен также вопрос о связи этих правоотношений с иными отраслями права. Констатируется, что данная сфера пока урегулирована недостаточно, высказывается ряд рекомендаций по совершенствованию нормативной базы.

Ключевые слова: обязательственное право; услуги; защита прав потребителей; коммунальная гигиена.

Постановка проблемы. К числу важнейших характеристик, определяющих качество жизни в развитых странах мира, относится признание и обеспечение права человека на здоровую окружающую среду. На протяжении многих лет, начиная с середины XX столетия, элементы этого права (именно как права человека) постепенно включались в межгосударственные соглашения, резолюции ООН и иных международных организаций. В немалой степени этому способствовало развитие экологического права на международном и национальном уровне, формирование рекомендаций и стандартов, касающихся проектирования жилой среды и т.п., а также (как, например, в европейских странах) деятельность международных судов. К настоящему времени в наиболее развитых странах и регионах мира упомянутое право получило законодательное и массовое общественное признание [1, с. 73–75], [2, р. 82–86, 91–92].

В России упомянутое право также получило признание на законодательном уровне. Ст. 7 и 42 Конституции РФ предусматривают, что политика страны должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека и благоприятную окружающую среду. В этом контексте особую важность для граждан имеет состояние жилой и шире – городской среды. Данное обстоятельство было отражено и в законодательстве. Так, в ФЗ “Об охране окружающей среды” от 10 января 2002 г. окружающая среда понимается широко – как совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов (ст. 1). ФЗ “О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения” от 30 марта 1999 г. указывает на то, что граждане имеют право на благоприятную среду обитания, факторы которой не оказывают вредного воздействия на человека (ст. 8), а при планировке и застройке городских и сельских поселений должно предусматриваться создание благоприятных условий для жизни и здоровья населения путем их комплексного благоустройства и реализации иных мер по предупреждению и устранению вредного воздействия на человека факторов среды обитания (ст. 12). Этот подход нашёл отражение и в Градостроительном кодексе РФ от 29 декабря 2004 г., который предусматривает целый ряд принципов, связанных с осуществлением градостроительной деятельности. В их числе – сбалансированный учёт экологических, экономических, социальных и иных факторов, обеспечение инвалидам условий для беспрепятственного доступа к объектам социального и иного назначения, соблюдение требований охраны окружающей среды и экологической безопасности и другие (ст. 2, пп. 1–3, 9, 10).

Таким образом, сегодня основные принципы, обеспечивающие право человека на здоровую окружающую среду, закреплены в нашем законодательстве. Однако приходится признать, что до полноценной их реализации пока ещё далеко. В настоящей статье мы хотели бы привлечь внимание к одному из аспектов этой сферы, а именно к коммунальной гигиене, важнейшей частью которой является канализация населённых мест. По этому элементу благоустройства дореволюционная Россия всегда сильно уступала большинству европейских государств [3, с. 65–77], [4, с. 3]. До начала массовой урбанизации страны это отчасти объяснялось практикой использовать содержимое отхожих мест для удобрения полей. Человеческая моча в прошлом широко использовалась также в производстве некоторых видов продукции, в частности, шерстяных тканей, причём эффективность таких технологий подтверждается современными исследованиями [5, S. 139–159], [6, р. e248].

В советские годы также наблюдалось сильное отставание данной сферы благоустройства от потребностей дня. Оно было связано прежде всего с систематическим отказом властей как на государственном, так и на местном уровне финансировать жилищно-коммунальную сферу в требуемом объёме. Всё это порождало неоднократные вспышки опасных инфекционных заболеваний [7, с. 93–102], [8, с. 39–89].

За минувшие десятилетия ситуация в стране заметно улучшилась, но всё же и сегодня далека от желаемого уровня. Согласно недавнему международному исследованию, в 2016 г. в России свыше 24,2 млн городских жителей (23% всего населения) не имело безопасных личных туалетов, что ставило нашу страну на пятое место в десятке самых неблагоприятных государств мира по этому показателю [9, р. 10, 24]. Эти данные в целом не слишком расходятся и с нашей официальной статистикой. В 2020 г. Росстат провёл Комплексное наблюдение условий жизни населения. Он установил, что в 10,5% обследованных домохозяйств туалет располагался в местах общего пользования, отдельном строении или в дворовой застройке, а ещё в 0,8% отсутствовал вовсе. При этом 27,4% всех домохозяйств (в городах – 12,8%) не имели доступа к централизованной канализации [Федеральная служба государственной статистики. Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2020. Электронный ресурс] (табл. 76.1). Это неудивительно, поскольку жилищно-коммунальное хозяйство в большинстве российских регионов и сегодня финансируется по остаточному принципу.

О проблемах нашего городского хозяйства и коммунальной гигиены существует обширная литература. Им уделяли немалое внимание и юристы (в основном специалисты в области административного, экологического, муниципального права). Но среди публикаций такого рода имеется давний и заметный пробел. Речь идёт о функционировании общественных уборных (далее – ОУ). О них писали историки, инженеры, специалисты

по коммунальному хозяйству, врачи-гигиенисты. Однако в нашей юридической литературе этот вопрос специально не рассматривался. Причиной, видимо, является не только недостаточное развитие упомянутой сферы в России, но и то, что в отечественной культуре издавна существует резкое противопоставление “высокого” и “низкого” (“приземлённого”). Но для науки не бывает “удобных” и “неудобных” тем, её задача – преодолеть сложившуюся инерцию мышления и предложить пути для решения существующих проблем.

В центре нашего внимания будут цивилистические аспекты проблемы, связанные с отношениями между потребителями и исполнителями услуг в указанной сфере. Мы касаемся здесь лишь ОУ, рассчитанных для посещения неопределённого круга лиц и не затрагиваем работу ОУ, предназначенных для обслуживания работников той или иной организации, учащихся и т.п. В нормативных источниках и литературе понятия “общественная уборная” и “общественный туалет” фигурируют как равнозначные. Далее, если в источниках не значится иное, мы будем использовать первый термин.

Наша работа будет построена преимущественно на основе нормативных источников. Объём статьи вынуждает нас отказаться от большинства ссылок на правоприменительную практику и обширный эмпирический материал, почерпнутый отчасти из зарубежной литературы, а отчасти из массовых периодических изданий за последние 30 лет. Подобные ссылки будут даваться лишь в самых необходимых случаях. Ссылки на нормативные источники далее приводятся по текстам в справочной правовой системе “Кодекс”.

Обзор нормативной базы. Если не считать упомянутых выше актов, касающихся природоохранных, санитарии и строительства, специальное регулирование в изучаемой сфере крайне ограничено и носит в основном ведомственный характер. До недавних пор единственным специальным источником такого рода были СанПиН 983–72 “Санитарные правила устройства и содержания общественных уборных”, утверждённые заместителем Главного государственного санитарного врача СССР 19 июня 1972 г. В них был установлен ряд правил по минимальной численности ОУ в населённых пунктах, крупных предприятиях транспорта, торговли и сервиса (из расчёта 1 очко на 500 чел.), требования к их техническому оснащению, оборудованию и содержанию. Радиус обслуживания ОУ в городах не должен был превышать 500–700 м. Никаких норм, касающихся взаимодействия с посетителями и прав потребителей в указанной сфере, упомянутый документ не содержал.

Согласно постановлению Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 4 декабря 2020 года № 42 “О признании не действующими на территории Российской Федерации отдельных актов СССР” правила 1972 г. перестали применяться (п. 5). В настоящее время им на смену фактически пришло Постановле-

ние Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. № 3 “Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684–21 “Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий” (в ред. Постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 26.06.2021 № 16). В нём также содержится ряд требований к размещению и работе ОУ, однако отсутствует подробное регулирование, касающееся их оснащения и обслуживания. Существенным недостатком правил 2021 г. можно признать отказ от установленных правилами 1972 г. чётких требований по минимальной численности ОУ в населённых пунктах и общественных местах. Можно полагать, что отчасти это объяснялось намерением облегчить положение предпринимателей в рамках так называемой “регуляторной гильотины”, объявленной государством в 2019 г. Но важнее, видимо, было стремление сэкономить бюджетные средства, ибо подобные объекты сегодня сооружаются и содержатся в основном за государственный или муниципальный счёт.

В деятельности ОУ применяются также некоторые нормативные акты более общего характера, например, Федеральный закон “О водоснабжении и водоотведении” от 7 декабря 2011 г., изданное в развитие его положений постановление Правительства РФ от 29 июля 2013 г. № 645 (в ред. от 22 мая 2020 г.) “Об утверждении типовых договоров в области холодного водоснабжения и водоотведения” и ряд других источников.

Помимо этого, к упомянутой сфере применимы общие положения гражданского законодательства, законодательства о бытовом обслуживании и о защите прав потребителей.

Известное значение имеет регулирование на уровне субъектов федерации и муниципальных образований. Оно ограничивается преимущественно изданием методических рекомендаций, так или иначе ориентированных на положения общегосударственного законодательства. Например, в Москве действуют Центр Госсанэпиднадзора приказом от 26 декабря 2003 г. N 282 утвердил Методические рекомендации по размещению, устройству и эксплуатации общественных туалетов в г. Москве МосМР 2.1.2. 007–03. Ряд норм такого рода содержится в Правилах благоустройства территории Санкт-Петербурга, утв. постановлением Правительства города от 9 ноября 2016 г. № 961. Данные вопросы затронуты также в Санитарных правилах для торговли пищевыми продуктами в уличной мелкорозничной сети, утв. постановлением главного государственного санитарного врача по Санкт-Петербургу от 20 декабря 1999 № 11. В совокупности эти и подобные акты дополняют общегосударственное регулирование,

конкретизируя требования применительно к местным условиям.

Из конкретных международных правил в данной области, значимых для России, в настоящее время актуальны, по-видимому, лишь те, что касаются обслуживания пассажиров при международных перевозках, например, Руководство ИКАО по экономике аэропортов (изд. 3-е, 2013). Остальные акты такого рода носят рекомендательный характер.

Что касается саморегулирования в упомянутой сфере, то оно пока отсутствует. В этой отрасли бизнеса нет саморегулируемых организаций, Россия не участвует и в работе Всемирной туалетной организации (World Toilet Organization), которая существует с 2001 г. Она объединяет 235 участников из 58 стран и с 2013 г. выступает в качестве консультанта при Экономическом и социальном совете ООН.

Договор об оказании услуг ОУ и его правовая природа. При рассмотрении деятельности ОУ следует прежде всего установить, какие правила на неё распространяются. Лежит ли в её основе пользование имуществом (в виде аренды или ссуды) или же оказание услуг? По нашему мнению, эта деятельность осуществляется именно в рамках договора об оказании услуг. Во-первых, в законодательстве имеется прямое упоминание об этом. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, утверждённый приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст (в ред. от 27 апреля 2021 г.) предусматривает, среди прочего, раздел 96 – “Деятельность по предоставлению прочих персональных услуг”. В его составе предусмотрена группировка 96.09 – “Предоставление прочих персональных услуг, не включённых в другие группировки”. В неё включены также “услуги платных туалетов”. Кроме того, в современных условиях деятельность ОУ чаще всего предполагает использование водоснабжения и водоотведения. К договору водоотведения, согласно вышеупомянутому ФЗ “О водоснабжении и водоотведении”, применяются правила об оказании услуг (п. 2 ст. 14). Что касается водоснабжения, то к нему, по тому же закону (п. 2 ст. 13) применяются по аналогии правила об энергоснабжении, который, согласно ГК РФ (ст. 539), рассматривается как разновидность купли-продажи. В то же время закон содержит оговорку, что эти правила применимы, если иное не установлено законом “О водоснабжении и водоотведении”, принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами РФ и не противоречит существу договора водоснабжения (п. 2 ст. 13). И действительно, далее в тексте того же закона фигурирует словосочетание “коммунальные услуги по холодному водоснабжению, горячему водоснабжению для населения” (п. 6.1 ст. 13) с дальнейшей ссылкой на жилищное законодательство. Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утверждённые постановлением

Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 также относят холодное и горячее водоснабжение и водоотведение к категории коммунальных услуг (п. 4).

Во-вторых, деятельность ОУ можно расценить как услугу и по сути. Не углубляясь здесь в подробное обсуждение вопроса об услугах как правовом институте (подробная его характеристика дана в исследовании: [10, с. 207–231]), отметим, что само понятие “услуги” в законе, к сожалению, никак не определено. В настоящее время имеется Национальный стандарт Российской Федерации 50646–2012 “Услуги населению. Термины и определения”. В нём услуга определяется как “результат непосредственного взаимодействия исполнителя и потребителя, а также собственной деятельности исполнителя услуг по удовлетворению потребности потребителя услуг” (п. 3.1.1). Восприняв давние рекомендации цивилистов, упомянутый ГОСТ разделил услуги на материальные и нематериальные, или социально-культурные. Первые предполагают деятельность, осуществляемую по отношению к материальному продукту, в том числе предоставляемому потребителем. К ним отнесены, в частности, жилищно-коммунальные услуги (примеч. 1 к п. 3.1.2). Вторые направлены на удовлетворению духовных, интеллектуальных, этических потребностей и поддержание нормальной жизнедеятельности потребителя, в том числе поддержание и восстановление здоровья, духовное и физическое развитие личности, повышение профессионализма (п. 3.1.3). В обоих случаях оговаривается, что предусмотренные в соответствующих пунктах перечни услуг не являются исчерпывающими. Заметим здесь, что ближайшим аналогом услуг ОУ может служить банное обслуживание граждан. Уже упоминавшийся Общероссийский классификатор видов экономической деятельности в том же разделе 96 содержит группировку 96.04 – “Деятельность физкультурно-оздоровительная”. Эта группировка включает, в частности, “деятельность бань и душевых по предоставлению общегигиенических услуг”.

По нашему мнению, в деятельности ОУ доминирует материальный элемент. Материальные услуги могут получать объективированное выражение не только в предмете природы (создание новой вещи, ее перемещение, внесение в нее изменений), но и в личности самого потребителя услуг. Характерная особенность материальных услуг заключается в том, что результат их может быть гарантирован услугодателем. Нематериальные услуги характеризуются, во-первых, тем, что деятельность услугодателя не воплощается в овеществленном результате и, во-вторых, тем, что услугодатель не гарантирует достижение предполагаемого положительного результата. Примерами могут служить образовательные, медицинские, ветеринарные услуги [10, с. 223], [11, с. 538–539], [12, с. 498].

Данные услуги имеют и ряд иных черт: неотделимость производства услуг от их потребления, вариативность (зависимость качества услуг от то-

го, кто их оказывает, когда и при каких условиях). Им присуща также несохраняемость (примером может служить деятельность гостиниц: отель на 100 номеров, в которой заняты только 60, не может отправить на склад 40 пустующих, чтобы позже предложить постояльцам 140 номеров – потери от несданных 40 номеров являются невосполнимыми) [13, с. 91–93], [14, с. 182–184].

Возвращаясь к вопросу о применении механизма аренды (или ссуды) в деятельности ОУ, можно заключить, что оно теоретически возможно, но лишь как договор в пользу третьего лица. Так, организатор какого-либо массового мероприятия может арендовать у специализированной организации туалетные кабинки для участников. Но более вероятно, что устроитель мероприятия не обладает соответствующей квалификацией и разрешениями (см. ниже), чтобы эксплуатировать их своими силами. Собственник кабинок, скорее всего, будет заниматься этим сам, поэтому отношения таких сторон также будут носить характер услуг.

Согласно закону, по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязан по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги (п. 2 ст. 779 ГК РФ). Как видно из приведенного определения, договор является консенсуальным, взаимным и возмездным. Поскольку в ГК (п. 1 ст. 779) подчеркивается именно “деятельностный” характер услуг (употребляются слова “действия”, “деятельность”), то правильнее, вероятно, все же понимать услуги как определенные действия.

Специфика услуги, получаемой заказчиком, состоит в том, что для последнего она практически всегда носит сугубо потребительский характер, так как связана с отправлением естественных функций организма. Поскольку одна из сторон – потребитель, на договор распространяются и положения ФЗ “О защите прав потребителей” от 7 февраля 1992 г.

Уместно также сказать, что такой договор всегда является мелкой бытовой сделкой. Известно, что слова “быт” и “бытовой” не имеют общепризнанного смысла и относятся при этом к числу наиболее труднопереводимых русских слов [15, с. 175], [16], [17, с. 12]. Вопрос об их юридическом значении давно дебатруется в литературе. Но для нашей задачи вполне достаточно будет взглянуть на быт более узко, строже отграничив его от других сфер повседневной жизни. Такой подход предполагает, что быт – это “часть повседневности, связанная не собственно с жизнью, а с жизнеобеспечением, с созданием условий жизни. Помимо жилища, где быт, если можно так выразиться, царит по определению, быт возникает везде, где требуется создать условия для сносного существования: приготовить чай или еду, помыться, **сходить в уборную** (выделено нами. – Авт.). Но вне жилища это лишь редуцированные формы быта, возникающие в общественных местах, на работе, в поле и т.п. В таких местах быт побочен, он не явля-

ется главным содержанием деятельности: не для того сюда приходим. [...] К быту относится как раз та часть повседневного, которая напрямую зависит от организации жилища и отношений, в которые человек вступает у себя дома” [18, с. 164, 194].

Такое понимание находит подкрепление и в нормативном материале. ГОСТ Р 57137–2016 “Бытовое обслуживание населения. Термины и определения” предусматривает, что бытовая услуга связана с удовлетворением конкретной бытовой потребности индивидуального клиента (заказчика) или группы клиентов, а в число бытовых потребностей включает, в частности, потребности в услугах и работах, связанных с личной гигиеной, а также удовлетворением иных потребностей, возникающих в бытовой среде обитания человека (п. 2.2, 2.6).

Данная сделка является при этом и мелкой – как по характеру совершаемых рутинных действий, так и по своей цене: она, как правило, весьма невелика (а то и вовсе отсутствует) и нередко регулируется местными (например, городскими) правилами.

Наконец, услуги ОУ, осуществляющих свою деятельность в качестве основной, правомерно отнести к числу публичных договоров (ст. 426 ГК РФ), что отчасти вытекает ещё и из положений ФЗ “О водоснабжении и водоотведении”, где оба вида операций прямо отнесены к числу публичных договоров (п. 3 ст. 13, п. 3 ст. 14).

Попробуем теперь дать определение нашему предмету, исходя из бытового и потребительского характера сделки. Оно может быть сформулировано следующим образом. По договору оказания услуг ОУ исполнитель обязан предоставить заказчику условия для отправления естественных надобностей, а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

Ниже будут рассмотрены отдельные элементы договора. Основное внимание будет уделено тем из них, которые обусловлены его спецификой.

Стороны договора. На практике услуги ОУ оказываются двумя группами лиц: специализированными организациями, для которых данный вид деятельности является основным, и иными субъектами, предлагающими данную услугу как дополнительную (например, к договорам перевозки пассажиров или к договорам об оказании услуг общественного питания, развлекательных услуг и т.п.). Первая категория лиц, как правило, ведёт свою деятельность на основе лицензий. В соответствии с частью 1 статьи 14 Федерального закона от 24 июня 1998 г. “Об отходах производства и потребления” индивидуальные предприниматели, юридические лица, в процессе деятельности которых образуются отходы I–V классов опасности, обязаны осуществить отнесение соответствующих отходов к конкретному классу опасности в порядке, установленном уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти. Согласно Федеральному классификационному каталогу отходов, утвержденному приказом Федеральной

службы по надзору в сфере природопользования от 22 мая 2017 г. № 242, фекальные отходы нецентрализованной канализации (7321000000), коммунальные жидкие отходы неканализованных объектов водопотребления (73210101304) отнесены к IV классу опасности. В свою очередь, ФЗ “О лицензировании отдельных видов деятельности” от 4 мая 2011 г. предусматривает лицензирование деятельности в области использования возбудителей инфекционных заболеваний человека и животных (за исключением случая, если указанная деятельность осуществляется в медицинских целях) и деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов I–IV классов опасности (п. 19, 30 ст. 12). Вторая категория исполнителей фактически сама получает услуги от третьего лица как коммунальные (например, для своих же сотрудников).

Что касается заказчика, то здесь действуют общие правила о дееспособности граждан. При этом, однако, на практике некоторые исполнители услуг учитывают наличие среди посетителей лиц самого разного возраста, лиц с особыми потребностями и т.п. и оснащают ОУ сантехническим и иным оборудованием, пригодным для таких лиц.

Отдельную проблему составляет наличие среди посетителей лиц, которые относят себя к иному полу, нежели тот, который имели при рождении. Кроме того, гражданин может сменить пол хирургическим путём и (или) получить юридическое признание принадлежности к иному полу. Наконец, в некоторых странах мира (ряд европейских государств, Индия, Пакистан, Австралия, Канада, ряд штатов США и др.) официально признано понятие “третьего пола” или “неопределённого пола”. Это, среди прочего, послужило поводом к ожесточённым общественным дискуссиям и юридическим спорам как раз в связи с вопросом о доступе таких лиц в ОУ “чужого” пола, что увязывалось также с вопросом о дискриминации (обзор этих дискуссий см. в новейшей работе: [19, р. 79–95]). Единообразное решение проблемы пока не найдено; на практике исполнители услуг стали предлагать посетителям уборные “унисекс”, помещая соответствующие надписи и символы на дверях, хотя это вряд ли может быть решением для всех объектов, рассчитанных на массовое посещение. В России вопрос об изменении пола затронут в ст. 70 ФЗ “Об актах гражданского состояния” от 15 ноября 1997 г. [СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340], позволяющей внести изменения в личные документы. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 23 октября 2017 г. № 850н “Об утверждении формы и порядка выдачи медицинской организацией документа об изменении пола” [РГ. 23 января 2018 г.] конкретизировал это положение. С момента внесения изменения в документы гражданин считается сменившим пол. Однако законодатель пока не определил своего отношения к иностранным гражданам, сменившим свой пол чисто юридически, без врачебного вмешательства, а равно

к представителям “третьего пола”. Как известно, правовой статус физического лица в России обычно определяется законом страны гражданства (п. 1 ст. 1195 ГК РФ и большинство наших договоров о правовой помощи); дополнением к нему может быть закон страны domicilia или страны убежища (пп. 3–6 ст. 1195 ГК РФ). Но нельзя исключить, что заявления такого лица о половой принадлежности на основе законодательства его страны могут быть отклонены в России по соображениям публичного порядка (ст. 1193 ГК РФ).

Процедура заключения договора может быть различна в зависимости от конкретной организации. Поскольку сделка носит чисто бытовой характер, к ней в целом применимы новые Правила бытового обслуживания населения, утверждённые постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2020 г. № 1514. Они не содержат конкретных норм применительно к услугам ОУ, но определяют общий порядок заключения и исполнения договоров. Договор, по общему правилу, заключается в письменной форме; если же услуга исполняется в присутствии потребителя, то возможно оформление договора путём выдачи билета, кассового чека и т.п. (п. 4). Однако значительная часть таких услуг оказывается потребителям бесплатно (например, в аэропортах), поэтому фактически договор заключается посредством совершения конклюдентных действий (ст. 438 ГК РФ).

Срок оказания услуг зависит от соглашения сторон. На практике его указывают в автоматизированных туалетных кабинках, которые устанавливаются в городах. По истечении этого срока двери автоматически открываются. Если клиент оповещён об этом заранее, а срок установлен с учётом его потребностей (например, если посетитель передвигается в инвалидной коляске), такой подход можно признать разумным с учётом безопасности потребителя и риска оказаться заблокированным внутри.

Цена договора также определяется соглашением сторон, но фактически, как уже сказано, нередко устанавливается муниципальными или региональными властями. В России (например в Санкт-Петербурге) при этом обычно принимается во внимание наличие льгот (ветераны войны и т.п.). В некоторых случаях законодательством предусмотрено, что за услуги ОУ не взимается отдельная плата. Это касается в первую очередь транспортных правил, поскольку возможность пассажиров воспользоваться ОУ уже включена в цену билета. Таковы Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации [СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 170] (абз. 4 ст. 80) и принятые в развитие данного закона Правила оказания услуг по перевозкам на железнодорожном транспорте пассажиров, а также грузов, багажа и грузобагажа для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, вступающие в силу с сентября 2021 г. [СЗ РФ. 2021. № 23. Ст. 4058] (п. 36). Время пользования ОУ в данных источниках не ограничено. Для авиатранспорта

данный вопрос урегулирован приказом Министерства транспорта РФ от 17 июля 2012 № 241 “Об аэронавигационных и аэропортовых сборах, тарифах за обслуживание воздушных судов в аэропортах и воздушном пространстве Российской Федерации” [РГ. 14 ноября 2012 г.]. Согласно ему, такое право пассажира действует с момента прибытия в аэропорт до начала регистрации, а для прибывающих пассажиров – с момента прибытия из воздушного судна в аэровокзал до убытия из зоны аэропорта (п. 3.4.1). Для автовокзалов действующая редакция Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом 2020 г. [СЗ РФ. 2020. № 41. Ст. 6428] также предусматривает право пассажиров на бесплатное пользование ОУ (п. 13). При этом время пользования ОУ в этих правилах не ограничено. Заметим здесь, что по прежним правилам от 14 февраля 2009 г. перевозчик был вправе ограничить бесплатное пользование туалетом для прибывающего пассажира до 2-х часов с фактического времени прибытия транспортного средства (если для задержки в здании вокзала отсутствовали основания, связанные с задержкой или опозданием транспортного средства, на который приобретен билет), и течением срока действия билета (с учетом фактического времени задержки отправления и (или) опоздания прибытия транспортного средства) – для других остановочных пунктов (п. 21). Новые правила можно рассматривать как шаг навстречу интересам потребителя.

В то же время для иных сервисных организаций подобные обязательные требования отсутствуют. Так, недавние Правила оказания услуг общественного питания, утверждённые постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2020 г. № 1515, не требуют ни наличия ОУ в предприятиях общественного питания, ни бесплатного доступа посетителей в них. Между тем на практике постоянно возникает вопрос о возможности воспользоваться такими удобствами, в том числе и лицам, не заказывающим в данной организации какие-либо кушанья или напитки. По всей видимости, законодатель исходил из того, что организация общественного питания – это высококонкурентный рынок, и предприниматели будут сами заинтересованы в предоставлении потребителям таких услуг, привлекая тем самым дополнительную клиентуру. На сегодня многие рестораны и кафе обуславливают такую возможность требованием фактического заказа товаров или услуг в своих стенах, а в некоторых случаях оказывают такую услугу за отдельную плату.

Но даже если услуги оказываются бесплатно, они в любом случае должны быть, по крайней мере, безопасными для потребителя.

Что касается конкретных **требований к характеру и качеству услуг ОУ**, то ряд из них, прежде всего касающихся безопасности обслуживания, сформулирован в указанных выше источниках. Они касаются требований к оснащению ОУ и их

эксплуатации и отражают минимальный уровень сервиса. Но, разумеется, потребитель заинтересован в повышении качества услуг. В мире существует немало рекомендаций и корпоративных стандартов, отражающих лучшие практики в данной области (см., например: [20], [21], [22]). Некоторые из них стали предметом внимания и авторитетных международных организаций. Так, Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) в недавнем обзоре санитарных условий в мире указывает на такие требования к ОУ, как доступность их для всех групп населения, гигиеничность, функциональность и экологичность [23, р. 24, 29, 43, 64, 72]).

Несмотря на отсутствие в нынешнем законодательстве подробного регулирования отношений между исполнителем услуг ОУ и потребителем, можно указать также на применимость к ним положений ГК РФ об “обычно предъявляемых требованиях” (ст. 309, ч. 1 ст. 721).

С учётом законодательства и сложившейся практики можно наметить как минимум две группы требований. Первая из них связана с обеспечением безопасности – для окружающей среды и для самих потребителей. Последний аспект включает два круга проблем: ОУ не должны становиться местом, в котором собираются криминальные элементы, лица, занимающиеся проституцией и т.п. Кроме того, необходимо внедрять методы обслуживания, обеспечивающих максимальную его гигиеничность (обзоры передовых методик такого рода см. в работах: [24], [25]). Не секрет, что многие его элементы, принятые у нас, не обеспечивают требуемого уровня гигиены.

Особое значение приобретают сегодня правила, касающиеся обслуживания инвалидов. В настоящее время ряд минимальных требований в этой сфере предусмотрен действующей редакцией СНиП 35–01–2001, утвержденных приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 14 ноября 2016 г. (п. 3.10, 3.51, 6.3.1–6.3.9).

Вторую группу требований можно условно назвать “правом потребителя на достоинство”. Она также имеет разные аспекты. Прежде всего она связана с доступностью ОУ как таковых – их фактическое наличие, установление оптимальных часов работы, сведение к минимуму ожидания в очереди (например, в связи с тем, что женщинам требуется больше времени, чтобы воспользоваться такими удобствами). Кроме того, в связи с тем, что отправление естественных надобностей носит во многом интимный характер, требуется обеспечить, приватность клиента. Это предполагает недоступность для обзора во время пользования ОУ, которая ожидается как со стороны исполнителя услуг, так и со стороны иных лиц. Такую недоступность для обзора правомерно интерпретировать как проявление права на неприкосновенность частной жизни, гарантированную статьями 23 и 24 Конституции РФ. Аналогичное право получило признание и на международном уровне – в частности, в Международном пакте

о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (п. 1 ст. 17) и в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 8). В упомянутых источниках наблюдается некоторый терминологический разнобой: в Конституции РФ и в русском переводе Конвенции 1950 г. (в заголовке статьи) говорится о “частной жизни”, а в ст. 8 той же Конвенции и в Пакте 1966 г. – о “личной жизни”. Но в официальных текстах тех же международных актов (английском и французском) такого разнобоя нет, там данное понятие фигурирует в единообразной форме – “private life” и соответственно “vie privée”. Можно полагать, что фактически подразумевается одно и то же понятие. Как известно, само по себе понятие частной жизни не получило подробного раскрытия ни в нашем законодательстве, ни в международных источниках. Несмотря на это, суды России, включая Верховный Суд, исходят из того, что данная жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его непосредственно и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она не носит противоправного характера. В практике Европейского суда по правам человека прослеживается аналогичный подход, причём подчёркивается, что к задачам государства относится систематическое совершенствование законодательной и судебной защиты в этой сфере [26, с. 62–79].

На практике требования, касающиеся приватности клиентов, учитываются участниками отрасли, что находит своё выражение в постепенном распространении ОУ, имеющих перегородки, запирающиеся кабины и т.п.

Известно, что в ряде зарубежных стран владельцы уборных периодически оборудуют их техническими средствами, позволяющими контролировать поведение посетителей. С использованием некоторых из них можно с известными оговорками согласиться, если клиент оповещён о них заранее (например, блокирование выходной двери, если не спущена вода после использования). Отдельные приспособления такого рода находятся на грани допустимого: например, устройство, которое подаёт звуковой сигнал, если клиент после посещения уборной не вымыл руки. Наконец, встречаются и прямо недопустимые способы, противоречащие законодательству и международным соглашениям об охране персональных данных – такие как размещение камер слежения в помещениях ОУ. Собственники обычно оправдывают подобные действия стремлением не допустить криминальных инцидентов и избежать порчи инвентаря. Но в подобных случаях объяснимые интересы исполнителя услуги должны уступать дорогу правам человека.

Возможно установление и иных требований, связанных с особыми потребностями потребителей. Так, известно что некоторые религии (например, ислам) предъявляют специальные требования к техническому оснащению уборных и к ориентации их по сторонам света [27, с. 122–145].

По мере развития инфраструктуры в наших городах численность таких ОУ, видимо, будет расти.

Помимо основного назначения, ОУ могут оказывать и дополнительные услуги потребителям. На практике в России, как и во многих странах, распространяются уборные, имеющие душевые, пеленальные столики для младенцев и другие удобства. Конкретные требования к качеству таких услуг, очевидно, должны определяться их характером. В большинстве своём они также относятся к числу бытовых услуг и регулируются соответствующими нормами ГК РФ и Правилами бытового обслуживания населения.

Напоследок остановимся кратко на гражданско-правовом **статусе отходов ОУ**. Как уже сказано, ранее они широко использовались в сельском хозяйстве и в промышленности. Их статус сегодня в основном рассматривается в рамках экологического права – в контексте утилизации отходов. Однако представляется, что они имеют и гражданско-правовое “измерение”. Дело в том, что ныне даже в развитых странах мира вновь предпринимаются попытки использовать их в сельском хозяйстве в качестве удобрений – разумеется, с соблюдением требований об обеззараживании таких отходов [5, С. 139–159]. Аналогичный опыт, причём довольно успешный, существует и в России [28, с. 379–382]. В этом контексте можно полагать, что с момента отделения от человеческого тела такие объекты превращаются в имущество, которое также может находиться в гражданском обороте. Ближайшим аналогом могут служить человеческие волосы. Приходя в парикмахерскую, клиент обычно не интересуется дальнейшей судьбой состриженных волос. В этом случае парикмахерская вправе обратит их в свою собственность и, например, продать для дальнейшей переработки. Это является частным случаем применения ст. 226 и 236 ГК РФ о так называемых брошенных вещах (ст. 226 упоминает в этой связи “отходы производства и другие отходы”). Однако волосы могут быть и предметом самостоятельного договора купли-продажи с их первоначальным владельцем, что издавна практикуется в мире. В России этот рынок носит легальный характер (в Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности СНГ от 3 ноября 1995 г. человеческим волосам даже присвоен специальный код 6703000000), хотя значительная его часть и существует “в тени” [29]. Но что касается интересующих нас объектов, то в случае с ОУ они практически всегда выступают именно в качестве брошенных вещей (пусть и весьма специфических), с которыми исполнитель услуг вправе поступить по своему усмотрению.

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть все многообразные юридические проблемы, связанные с деятельностью ОУ. Тем не менее, подводя предварительный итог рассмотренному материалу, можно сделать как минимум два вывода. Во-первых, существующее у нас нормативное регулирование, несмотря на пробелы, всё же позволяет обеспечить работу этому виду сервиса.

Во-вторых, как представляется, в данной сфере пока всё же больше доминирует административно-ведомственный подход, что усложняет защиту прав потребителей. Дальнейшее развитие регулирования видится в выработке хотя бы минимальных единообразных правил в указанной области на основе саморегулирования и с учётом лучших мировых практик.

Литература

1. Анисимов А.П. Право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду // Гражданин и право. 2009. № 2. С. 72–80.
2. Knox J.H. Constructing the Human Right to a Healthy Environment // Annual Review of Law and Social Science. 2020. Vol. 16. P. 79–95.
3. Матссон С. Всемирная история туалетов. СПб., 2010. – 165 с.
4. Салтыков Е.В. Общественные уборные. М. – Л., 1948. – 80 с.
5. Pieper W. Das Scheiss-Buch. Entstehung, Nutzung, Entsorgung menschlicher Fäkalien. 6. Verarb. Neuaufl. Ljhrbach, [1988]. – 252 S.
6. Vernez S., Best S. Liquid Gold: The Value of Urine in the Textile Industry // The Journal of Urology. 2019. Vol. 201. No. 4S. P. e248.
7. Орлов И.Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). М., 2015. – 334 с.
8. Фильцер Д. Опасности городской жизни в СССР в период позднего сталинизма. Здоровье, гигиена и условия жизни. 1943–1953. М., 2018. – 443 с.
9. Overflowing Cities. The State of the World's Toilets 2016 / Ed. by T. Burgess. S. I., 2016. – 28 p.
10. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 3. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд. 2е. М.: Статут, 2011. – 1053 с.
11. Гражданское право. Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Изд. 2-е. Ч. 2. М., 1997. – 784 с.
12. Гражданское право. Учебник / Под ред. А.П. Сергеева. В 3х т. Т. 2. СПб., 2009. – 880 с.
13. Зайцева Н.А. Менеджмент в сервисе и туризме. 2е изд. М., 2009. – 365 с.
14. Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав. М., 2005. – 346, [2] с.
15. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. О пошлости и прозе жизни // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М., 2005. С. 175–179.
16. Рудакова А.В. Объективация концепта “быт” в лексико-фразеологической системе русского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. – 22 с.
17. Шнейдер Е.Н. Теоретико-методологические основания анализа быта в современном российском обществе: социологический подход. Автореферат дисс. ... канд. социологич. наук. Саратов, 2007. – 19 с.

18. Утехин И.В. Очерки коммунального быта. М., 2001. – 214 с.
19. Davis A.K. Bathroom Battlegrounds. How Public Restrooms Shape the Gender Order. Oakland, 2020. – ix+303 p.
20. ASEAN Public Toilet Standard. Jakarta, 2016. – 7 p.
21. Greed C. Inclusive Urban Design: Public Toilets: Architectural Press, Year: 2003. – 380 p.
22. A Guide to Better Public Toilet Design and Maintenance. Fourth Edition. Singapore, 2018. – 106 p.
23. State of the World's Sanitation: An Urgent Call to Transform Sanitation for Better Health, Environments, Economies and Societies. New York: United Nations Children's Fund (UNICEF) and the World Health Organization, 2020. – 93 p.
24. Lamitschka H. Moderne Sanitäreanlagen: Hygiene, Umwelt und Wirtschaftlichkeit (Die Bibliothek der Wirtschaft. Bd. 14). Landsberg/Lech, 1998. – 70 S.
25. McIlring B. Toiletten und Urinale für Frauen und Männer. Die Gestaltung von Sanitäreobjekten und ihre Verwendung in öffentlichen und privaten Bereichen. Inaug.-Diss. Berlin: Universität der Künste, 2004. – 180 + LVI S.
26. Пржиленский И.В. Частная жизнь в правовом и социокультурном пространстве. Ставрополь, 2017. – 240 с.
27. Хисматулин А.А. Туалеты и урны: ислам // Со-суды тайн: Туалеты и урны в культурах народов мира / Сост. И.А. Алимов, А.А. Хисматулин. СПб., 2002. С. 122–145.
28. Николаев Ю.А., Данилович Д.А., Грачев В.А., Шевченко Е.М., Ванюшина А.Я. Компосты и почвогрунты на основе осадков городских очистных сооружений // Канализация Москвы: десять лет в новом веке / Под ред. С.В. Храменкова, А.Н. Пахомова, Д.А. Даниловича. М., 2008. С. 373–382.
29. Дранкина Е. С чужого волоса // Коммерсантъ-Деньги. 2006. № 49. С. 40–42.

ON THE UNDERINVESTIGATED CIVIL LAW ASPECTS OF THE COMMUNITY HYGIENE

Rogachevsky A.L.

St. Petersburg State University of Economics

The proper development of community hygiene, the most important element of which is the sewerage of populated areas, ensures the human right to a healthy environment and a dignified life. Despite its importance, this sector of the economy did not attract enough attention from civil law scholars. The article is devoted to a question that has not yet been studied in Russian legal science – the civil legal aspects of the services of public toilets. The focus is on the contractual relationship between the service provider and the consumer, considered in the context of Russian legislation, international agreements and world experience in this area. The author analyses the characteristic features and essential conditions of this type of transactions, and also considers the issue of the connection of these legal relations with other branches of law. The paper states that this activity is not yet sufficiently regulated; a number of recommendations are made to improve the regulatory framework.

Keywords: law of obligations; services; consumer protection; community hygiene.

References

1. Anisimov A.P. Human and Citizen's Right to a Favorable Environment // Citizen and Law. 2009. No. 2. P. 72–80.
2. Knox J.H. Constructing the Human Right to a Healthy Environment // Annual Review of Law and Social Science. 2020. Vol. 16. P. 79–95.
3. Matsson S. World history of toilets. SPb., 2010. – 165 p.
4. Saltykov E.V. Public restrooms. M. – L., 1948. – 80 p.
5. Pieper W. Das Scheiss-Buch. Entstehung, Nutzung, Entsorgung menschlicher Fäkalien. Bberarb. Neuaufl. Löhrbach, [1988]. – 252 S.
6. Vernez S., Best S. Liquid Gold: The Value of Urine in the Textile Industry // The Journal of Urology. 2019. Vol. 201. No. 4S. P. e248.
7. Orlov I.B. Communal country: the formation of the Soviet housing and communal services (1917–1941). M., 2015. – 334 p.
8. Filzer D. Dangers of urban life in the USSR during the late Stalinism. Health, hygiene and living conditions. 1943–1953. M., 2018. – 443 p.
9. Overflowing Cities. The State of the World's Toilets 2016 / Ed. by T. Burgess. S. I., 2016. – 28 p.
10. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book. 3. Contracts for the performance of work and the provision of services. Ed. 2 e. M.: Statut, 2011. – 1053 p.
11. Civil law. Textbook / Ed. A.P. Sergeeva, Yu.K. Tolstoy. Ed. 2nd. Part 2.M., 1997. – 784 p.
12. Civil law. Textbook / Ed. A.P. Sergeeva. In 3 x vols. Vol. 2.SPb., 2009. – 880 p.
13. Zaitseva N.A. Service and tourism management. 2nd ed. M., 2009. – 365 p.
14. Stepanov D.I. Services as an object of civil rights. M., 2005. – 346, [2] p.
15. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. On the vulgarity and prose of life // Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Key ideas of the Russian language picture of the world: Sat. Art. M., 2005. S. 175–179.
16. Rudakova A.V. Objectification of the concept of "everyday life" in the lexico-phraseological system of the Russian language. Abstract of thesis. diss. ... Cand. philol. sciences. Voronezh, 2003. – 22 p.
17. Shneider E.N. Theoretical and methodological foundations of the analysis of everyday life in modern Russian society: a sociological approach. Abstract dissertation. ... Cand. sociological sciences. Saratov, 2007. – 19 p.
18. Utekhin I.V. Essays on communal life. M., 2001. – 214 p.
19. Davis A.K. Bathroom Battlegrounds. How Public Restrooms Shape the Gender Order. Oakland, 2020. – ix + 303 p.
20. ASEAN Public Toilet Standard. Jakarta, 2016. – 7 p.
21. Greed C. Inclusive Urban Design: Public Toilets: Architectural Press, Year: 2003. – 380 p.
22. A Guide to Better Public Toilet Design and Maintenance. Fourth Edition. Singapore, 2018. – 106 p.
23. State of the World's Sanitation: An Urgent Call to Transform Sanitation for Better Health, Environments, Economies and Societies. New York: United Nations Children's Fund (UNICEF) and the World Health Organization, 2020. – 93 p.
24. Lamitschka H. Moderne Sanitäreanlagen: Hygiene, Umwelt und Wirtschaftlichkeit (Die Bibliothek der Wirtschaft. Bd. 14). Landsberg / Lech, 1998. – 70 S.
25. McIlring B. Toiletten und Urinale für Frauen und Männer. Die Gestaltung von Sanitäreobjekten und ihre Verwendung in öffentlichen und privaten Bereichen. Inaug.-Diss. Berlin: Universität der Künste, 2004. – 180 + LVI S.
26. Przhilensky I.V. Private life in legal and sociocultural space. Stavropol, 2017. – 240 p.
27. Khismatulin A.A. Toilets and urns: Islam // Vessels of secrets: Toilets and urns in the cultures of the peoples of the world / Comp. I.A. Alimov, A.A. Khismatulin. SPb., 2002. S. 122–145.
28. Nikolaev Yu.A., Danilovich D.A., Grachev V.A., Shevchenko E.M., Vanyushina A. Ya. Compost and Soil Based on Sediments of Urban Wastewater Treatment Facilities // Moscow Sewerage: Ten Years in the New Century / Ed. S.V. Khramenkova, A.N. Pakhomova, D.A. Danilovich. M., 2008. S. 373–382.
29. Drankina E. From someone else's hair // Kommersant-Money. 2006. No. 49, pp. 40–42.